

Николай Крупин

Рассказы

**Самара
2016**

Крупин Н.Д.

К 84 Рассказы. — Самара: Русское эхо, 2016. — 108 с.

Крупин Николай Дмитриевич родился в 1954 году в селе Смольково Иса克林ского района Куйбышевской области. В 1977 году окончил Куйбышевский политехнический институт по специальности «Инженер-механик». В 1984 году окончил Куйбышевский государственный университет по специальности «Историк». Трудился рабочим, инженером, преподавателем. В настоящее время пенсионер. Живёт в городе Самара. С 1974 по 1978 годы был активным участником движения авторской песни. Писать прозу стал довольно поздно — с пятидесяти семи лет (не считая одного небольшого рассказа, написанного в 1992 году). Несколько рассказов было напечатано в журнале «Русское эхо».

Первая книга Николая Крупина «Польский джаз в сельском клубе» вышла в свет в 2014 году в издательстве «Самарская губерния».

«Рассказы» — вторая книга Николая Крупина.

Предисловие

Нет ничего проще, на первый взгляд, чем писать о себе. На самом же деле писать о себе трудно, потому что нужно писать правду. Писать правду о себе — чрезвычайно ответственная задача.

Большинство рассказов Николая Крупина написано от первого лица, трудно не отдать должное его смелости, поскольку в рассказах содержится много подробностей не только жизни автора, но и судеб многочисленных его близких и дальних родственников. И приходится лишь удивляться, сколь интересно выглядят под пером автора эти самые обычные люди. Но, наверное, любой человек интересен, если пристально его разглядеть.

Не знаю, как другим читателям рассказов Крупина, а мне всегда чудятся в неспешном его изложении событий отголоски тонкой вязи прозы Сергея Тимофеевича Аксакова, в которую трудно погружаешься, но потом никак не можешь выйти, оторваться, хотя и не описывается там вроде ничего из ряда вон выходящего. Превратности семейной жизни, события, происходящие в имени Аксаковых: «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука». А вот ещё — «Записки об уженье рыбы».

Вот и у Николая Крупина: «Сенокос», «Офицер», «Субботка». Есть у него и рассказ «Окуни».

Подумаешь, ловля рыбы! Я не рыбак, мне никогда не интересно было «замерев, часами самозабвенно следить за неподвижным поплавком», у меня и без этого занятия всегда находилось достаточно дел. Странно, отчего так внимательно читаю я все подробности ловли рыбы и у Аксакова, и у Крупина. Может быть, вовсе не в рыбе тут дело? Тогда в чём?

Рассказы Николая Крупина можно, если не чересчур задумываться, отнести к пресловутой «деревенской прозе», но если всё же задуматься, то окажется, что ярлык этот достаточно условен. Что, Аксаков — «деревенщик»? Или Шукшин? Или, может быть, Астафьев? Давно пора перестать расставлять литературу в стойла «городского», «деревенского» и прочих разделов.

Многие писатели не задумываются, да и просто не знают, для кого конкретно пишут, слабо представляют своего читателя, говорят: «Пишу для себя». Это неправда, таким хочется сказать: «Для себя написал, сам и читай». Николай Крупин точно знает своего читателя, хотя его Йокнапатофа в рассказах не вполне идентична селу на Северо-Востоке Самарской области, в котором он родился, и в котором прошло его детство. Но то, что оно реально существует, чрезвычайно важно, не всякому человеку так везёт: иметь место, к которому привязан душой и сердцем. Именно поэтому рассказы Николая Крупина столь проникновенны и правдивы, и именно поэтому неуместен вопрос, будут ли они востребованы.

Юрий Поклад

Три старушки

В конце июня решил я съездить по семейным делам на свою родину — в село Р. Семейные дела были только поводом, а поехал я по той причине, что как раз в это время в наших краях пора сбора лесной земляники. В последнее время я взял за правило покупать лесную землянику не на городских рынках, а прямо там, где ягоды и собирают, — в деревне. Небольшую часть сладких и душистых ягод мы с семьёй съедали сразу, а из остальных я варил варенье. Это варенье все у нас в семье называли — «папино варенье».

По дороге из райцентра до села Р. есть два места, где постоянно торгуют ягодами: рядом с небольшим посёлком, расположенным в середине пути, и на повороте в село Р.: там же находится и остановка междугороднего автобуса.

Завершив свои дела, через два дня я собрался назад в город. Специально выехал из села после обеда: как раз в это время сборщики ягод должны были стоять у дороги со своими пластмассовыми ведёрками разного калибра и предлагать к продаже красную, сладкую, ароматную лесную землянику.

Несколько дней назад прошли долгожданные дожди, и теперь под лучами тёплого и яркого солнца всё вокруг зеленело, луга и поляны около леса разукрасились цветами: белыми, голубыми, жёлтыми, розовыми. Какое это чудо — лето в деревне! Но я поймал себя на мысли, что красоты природы меня, к сожалению, мало радуют в данный момент: появилось нехорошее предчувствие, что с покупкой ягод будут проблемы.

От села Р. до упомянутого мною поворота недалеко — несколько километров. Ещё издали я увидел, что на остановке автобуса под навесом стоят две женщины. Я знал, что рейсовый автобус давно проехал — значит, стоят они с ягодами. На заднем сидении моего автомобиля для ягод была приготовлена коробка из толстого, плотного картона. Почему-то стал думать: а сколько сейчас запросят продавцы за свои ягоды? Хотя какая бы мне разница: сотня-другая в ту или иную сторону — главное, ягоды купить!

Около остановки я притормозил. Цена, которую назвала молодая бойкая женщина за маленькое пластмассовое ведёрко ягод, меня обескуражила. Я, конечно, понимал, что сбор ягод — работа не лёгкая, но есть же какой-то предел!

Увидев мою задумчивость, женщина объяснила, что такая цена сейчас везде, и что дешевле ягоды мне нигде не купить. Такой маркетинговый нажим мне сильно не понравился, и я поехал дальше. Пока я ещё не сильно переживал: впереди, по дороге, был посёлок, а там продавцов ягод всегда много. Но какая же для меня была досада: никто не стоял у дороги с ягодами. Должно быть, поселковые до меня все ягоды, собранные с утра, уже продали. Возвращаться назад к бойкой женщине на повороте не хотелось: и примета плохая — возвращаться, да и не было желания у такой напористой продавщицы что-то покупать. Стал вспоминать: а сколько варенья у нас осталось с прошлого года? Оказалось, что одна семисотграммовая стеклянная банка. Негусто! Но оставался ещё один вариант, самый последний, — рынок в райцентре. Я знал, что цены там, конечно, заоблачные, но что делать? Заплачу: не оставаться же на зиму без ягодного варенья. До райцентра оставалось примерно тридцать минут езды.

И пока я ехал — стал вспоминать, как в детстве ходил в лес за ягодами.

Конечно, сначала я ходил собирать ягоды со взрослыми. Было мне в ту пору лет пять, ну, может, шесть. Для сбора ягод давали маленький бидончик. Это сейчас бидончики исчезли из хозяйственного обихода, а тогда, лет пятьдесят назад, они в ходу были и в городе, и в деревне. Бидончик мне давали двухлитровый. А как трудно было его наполнить ягодами! Самые большие и крупные ягоды так в рот просились — прямо ни за что не устоять!

Позднее, школьником, уже с друзьями, за ягодами ходил в компании трёх-четырёх человек. Ещё позднее, лет в десять-двенадцать, стал иногда один ходить в лес ягоды собирать. Находил и особо не разглашал свои ягодные места. И в этом не было никакого эгоизма: так многие делали.

Нам, сельским ребятам, это занятие — сбор ягод — если честно, было не по душе. Ходили мы с бидончиками и грустными лицами в солнечную жаркую погоду. На полянках, около леса, ни ветерка; зной и духота, нещадно кусают слепни. А совсем недалеко — только спустись с гор — сельский пруд, и в нём полно купальщиков. А можно на рыбалку — на речку или на озёра. Но сбор ягод — это хозяйственная необходимость: со свежими ягодами пекли пироги — очень вкусные пироги получались со сдобным тестом, красно-коричневые из печи, пироги истекали сладким соком спелых свежих ягод, и съесть их, запивая холодным молоком, считалось большим лакомством; варили из ягод варенье, ягоды сушили, чтобы и зимой печь пироги, заваривать чай. Так что люби не люби, а ходить за ягодами надо было, поэтому никто и не отнекивался.

Бывало, мы с ребятами заезжали в лес без бидончиков — просто ягоды поесть. Вот такой «сбор» ягод нам всем нравился. Самые сладкие ягоды мы находили на вершинах гор — на открытых солнцу участках. Пугая ящериц и маленьких змей, что грелись на солнце, держась за стебли редкой, жёсткой травы и за кустарники, мы находили крупные, тёмно-красные ягоды. Какие же они были сладкие!

Со сбором ягод связаны мои воспоминания и о покойной ныне тётё Тане. Ох, как не любил я ходить с ней по ягоды!

Выходили мы с ней рано: ещё трава от росы кое-где мокрая была. Для ягод тётя брала большое дойное ведро на двенадцать литров. А мне «всучивали» маленький дойник на шесть литров. Я упирался, ныл, говорил, что ни за что мне это ведро ягодами не наполнить.

— Наберёшь! По яголке, по яголке и наберёшь, — уговаривала тётя, своей интонацией тонко намекая моим домочадцам: вот, мол, какой ленивый и избалованный мальчик у вас растёт.

Бабушка меня жалела и, давая ведёрко, успокаивала:

— Ну, ладно, сколько уж наберёшь. А вдруг на поляну «нападёте».

К обеду без питья и пищи у меня внутри начинались душевные трепетания:

— Тётя Тань, когда домой-то пойдём?

— А ты — айда, айда! По яголке, по яголке. Тебе ещё полведра собирать, а ты домой, — и сама ещё дальше от села удаляется, в другой пролесок спешит. Ну, и я за ней: куда деваться.

И казалось, что сильнее, чем всегда, кусали мухи и слепни; казалось, что именно в этот день солнце раскалило ягодную поляну, как сковородку для грешников в аду...

Всеми силами я стремился ускользнуть от предложения тётя Тани идти с ней по ягоды. От её слов, сказанных назидательно и нараспев: «Айда, айда! По яголке, по яголке...» — я был готов выть волком.

Мой дядя, брат отца, был очень щедр на возвышенные метафоры. Про красивую киноактрису он говорил так:

— Да-а-а!.. — в задумчивости слегка поднимал голову и делал паузу: то ли представлял красоту актрисы, то ли сожалел, что рядом с ним нет такой красоты. — Выдающейся красоты женщина!

Про свою мать, мою бабушку, говорил так:

— Великая труженица! — при этом долго кивал головой, как бы соглашаясь сам с собой.

А тётя Таня получала от него комплимент, можно сказать, глобальный:

— Таковую собирательницу век ещё не видывал!

Тётя Таня и умерла за сбором ягод. Было ей уже за семьдесят. И пошла она с внуками в лес по ягоды. Жарко было. (И я давно ещё

приметил: как с тётей Таней идёшь что-нибудь собирать в лес — обязательно жара). И случился с ней солнечный удар. Кое-как её до дома довели и даже не довели, а дотащили. И в этот же день её не стало: умерла она вечером. Прямо перед заходом солнца. А ведь, наверное, в этот день внуки её ныли:

— Пошли, баб Тань, домой! Нам жарко!

А она отвечала:

— Ничего, потерпите! По яголке, по яголке...

Когда я пришёл к тёте Тане в тот трагический день, она лежала на кровати; глаза её были закрыты, и дышала она тяжело. В комнате собрались родственники и соседи. Все понимали: дело к смерти идёт. Тихо между собой переговаривались. Близкие родственники надеялись на выздоровление, стали искать шофёра, чтобы ехать в район за врачом. И тут кто-то заметил, что больная стала шевелить губами. Все сразу притихли. Тётя Таня открыла глаза, обвела всех взглядом.

— Тихо, тихо! — скомандывал её зять. — Что скажет?..

И в абсолютной тишине из последних сил тётя Таня сказала последние в своей жизни слова:

— В Листратовом овраге, перед осинником ягод много...

Вот с такими воспоминаниями подъезжал я к райцентру. А в райцентре получил очередной удар — третий по счёту: рынок был закрыт. На его месте что-то строили, наверное, какой-нибудь торговый центр: это у нас сейчас любят. Спросить бы у кого: где теперь рынок, где торгуют? Да улицы, как назло, совсем обезлюдили. Но вот откуда-то из проулка показалась женщина, как теперь говорят, кавказской национальности. Спросил её: куда рынок дели? Она стала объяснять словами, жестами, но я слабо понимал, куда мне ехать. Да и как понять:

— Езжай прямо по вон той улице. А потом свернёшь прямо и немного проедешь.

Говорю:

— Может, свернуть направо?

— Может, направо, — согласно кивала головой женщина.

Рискнул: поехал прямо, а потом направо и ещё немножко проехал и — о! чудо! — увидел рынок: он располагался на маленькой улочке. Продавцам тесно. Торгуют мясом, прошлогодней картошкой, комбикормом. Но мне-то нужны ягоды. А вот и они! Прямо на дороге, считай! Как с картины Васнецова «Три богатыря» списано: рядом с дорогой стояли три старухи. Выставив свои ведёрки, предлагали к продаже ягоды. В центре самая высокая, солидная, «степенная» бабушка, скорее, даже не бабушка, а пожилая женщина. Одета она была в длинное, неяркое, городского фасона платье, хорошо причё-

сана, платка на голове нет, несмотря на яркое солнце. Около неё три или четыре ведёрка с ягодами. И сразу бросилось в глаза: все ягоды как на подбор — большие, красные.

По левую сторону от неё стояла бабушка «попроще», именно бабушка: в платке, как-то небрежно повязанном на голове, в кофте с оттянутыми рукавами и в большой, широкой и длинной, почти до пола, мягкой юбке. Эта бабушка продавала одно ведёрко ягод, как раз такое же по объёму, как и у бойкой молодой женщины на повороте.

Такое же ведёрко продавала и третья их подруга. Было видно, что она самая старшая по возрасту. Эта старушка сидела на маленьком стульчике боком к дороге и, видимо, устав продавать и рекламировать свой товар, на моё появление отреагировала безразличным взглядом. Чего нельзя было сказать о двух других старушках. Та, что «попроще», не успел я выйти из машины, встретила меня звонким вопросом:

— Небось, ягодку захотел?!

С ходу я пошутил:

— К сожалению, бабушка, мои ягодки постарели, завяли и не хочу я их больше.

Бабушки не поняли моей иносказательной шутки — а может, сделали вид, что не поняли, — и стали предлагать свой товар. Я сразу же подошёл к бабушке, стоящей в центре. Но не успел даже цену спросить, как бабушка «попроще» прямо с ведёрком подбежала ко мне:

— Вот мои возьми! Дёшево отдам! — и она назвала цену.

Цена меня удивила и обрадовала: бабушка «попроще» продавала ягоды вдвое дешевле бойкой продавщицы на повороте. Но я уже активно интересовался крупными ягодами «степенной» бабушки. Поднёс ведёрко с ягодами к лицу, вдохнул аромат и чуть не задохнулся... Поинтересовался, сколько стоит. Эти ягоды были дороже. Я поторговался. «Степенная» бабушка немного цену сбавила, и вот её ягоды перекочевали в мой картонный ящик.

И тут подала свой голос старушка, сидевшая справа. Она очень тихо, как бы извиняясь, спросила:

— Может, у меня купите? — она обратилась ко мне на «вы» — меня это удивило и как-то сразу расположило к ней. — У меня ведь тоже недорого.

Я посмотрел на её ведёрко. Или старушка была уже слепа, или сильно спешила, когда собирала: в ягодах много мусора и много маленьких, незрелых ягод, их, помню, называли раньше «зелепухами».

А бабушка «попроще» не отставала. Она ещё снизила цену, и я купил у неё ягоды.

Старушка справа опять повернулась боком к дороге и тяжело вздохнула. Я было собрался купить и её «зелепухи», да картонная

коробка уже полна... Но что-то защемило в груди: мне так стало жалко эту старушку! Я подошёл к ней и протянул деньги. Она заулыбалась так, как будто бы ещё недавно её кто-то обидел, а тут пришёл добрый человек, прогнал обидчика и успокоил её. Она поднялась и протянула мне ведёрко.

— Оставьте себе ягоды, бабушка: мне некуда их ссыпать.

— Нет! Я так денег не возьму, — она ни в какую не хотела брать деньги.

Всё же я уговорил её эти деньги забрать:

— Варенья, бабушка, себе сварите.

— Откуда это ты, такой хороший, взялся? — спросила бабушка «попроще».

Я не помню, что ответил. Кажется, сказал, что никакой я не хороший, а самый обычный. Пожелал бабушкам доброго здоровья и поехал дальше — в город, к себе домой.

Теперь, когда проблема с ягодами была решена, настроение у меня повысилось. Я с удовлетворением отметил, что сегодня прекрасный день: таких давно уже не случалось у нас летом в Среднем Поволжье. Последние годы всё жара да сушь, а тут недавно дожди прошли, и сейчас было по-хорошему тепло и свежо. По густой синеве неба ходили тучи, разные: и перистые, и кучевые, иногда небольшие дождевые. Дорога проходила по правому берегу небольшой реки. Недалеко от дороги довольно высокие холмы — отроги Уральских гор. Иногда я наблюдал, как за какой-нибудь холм цеплялась небольшая тёмно-синяя дождевая тучка. Издалека казалось, что тучка зацепилась за холм и никак не может оторваться. Кабина автомобиля наполнилась ароматом свежей лесной земляники. И что-то так хорошо на душе у меня стало! Так захотелось, чтобы и день этот не кончался, и дорога не кончалась, а вилась бы бесконечно вдоль речки и холмов, несущих на себе дождевые тучки. Я специально сбавил скорость — ехал не спеша, чтобы продлить удовольствие и от езды, и от хорошего дня. Вспоминал трёх старушек из райцентра. Иногда ругал себя, что вымолил у них похвалу.

— И никакой я не хороший, — для чего-то стал я уверять себя и принимался вспоминать, что я в своей жизни сделал недостойного...

На другом берегу реки, довольно далеко от шоссе, проходит железнодорожная ветка. Я услышал гудок паровоза. И вспомнил, как семилетним мальчишкой по этой дороге первый раз ехал в большой город...

...В то лето мои родители поступали в заочные институты: мама — в педагогический, папа — в сельскохозяйственный. И мы поехали в город. Я точно помню, что это был шестьдесят первый год, потому что кругом говорили о Гагарине и о полёте в космос.

Родители сняли квартиру в центральной части города Куйбышева — на углу улиц Оборона и Ленинградской.

Как-то утром мой папа в компании с дядей Толей — нашим родственником — и его другом Виктором пошли попить пива. На это мероприятие и меня с собой взяли. Пошли они прямо на пивзавод: он у нас ещё с позапрошлого века прямо на берегу Волги стоит. Рядом с пивзаводом располагалось несколько «пивнушек». Это место в городе называют «Дно». День был будничным, и около «пивнушек» народу было немного. Мужчины взяли по кружке пива и встали за круглый массивный стол. Было жарко и я захотел пить. Но газировку там не продавали. А пиво так было похоже на газировку: и пузырьки со дна поднимались, и цвет янтарный! Папа, заметив мой вожделенный взгляд, предложил пиво:

— Может, попробуешь?

Я сделал несколько глотков — прохладный, немного вязкий напиток; пузырьки приятно пощекотали язык, но горько!

Мужчина — уже в годах — стоявший за соседним столом не преминул заметить моему отцу:

— Молодой человек, не рано ли вы своего сына пивом угощаете? Смотрите — втянется! Этими делами не шутят!

На что мой папа как-то очень уверенно ответил:

— Он никогда не втянется!

Папа оказался прав: я так и не «втянулся». Но не это главное — до сих пор я горд, что мой отец был так во мне уверен.

И мой отец, и два его товарища были молодыми и энергичными мужчинами примерно одного возраста — лет по тридцать. И одеты одинаково: хорошо выглаженные брюки с непременным кожаным ремнём, светлые тенниски. Товарищи о чём-то говорили между собой, улыбались.

И тут дядя Толя предложил:

— Мужики, с вяленой рыбой пиво лучше идёт! Здесь рядом женщины сушёной рыбой торгуют — может, купим?

И действительно, неподалёку, в тени деревьев, стояли три пожилые женщины. В руках, на весу, они держали по несколько довольно крупных вяленых рыб. Я не помню, какого возраста были эти женщины, тогда они мне показались старухами, но, думаю, что было им лет по шестьдесят — как и мне сейчас.

Дядя Толя взял у женщины большого леща, вышел из тени и, подняв рыбину над головой, воскликнул:

— Вы посмотрите — как янтарная! Солнце видно через рыбину! И пахнет как! Мужики, Волгой пахнет!

Виктор прервал его восклицания:

— Да ты больно-то не хвали — сейчас такую цену заломят.

— Не заломят: они женщины хорошие. Почём, мать, рыба?

И тогда произошло почти то же, что и с покупкой ягод в райцентре вот буквально полчаса назад. Сначала у одной женщины купили рыб, потом другая стала уговаривать, чтобы и у неё купили — и у второй продавщицы всех лещей взяли. Третья женщина сидела на деревянном ящике и молча наблюдала за торговлей. Но когда её подруги избавились от товара и были при деньгах, она спохватилась и робко, виновато обратилась к молодым мужчинам:

— Ребята, может, и у меня возьмёте? Что ж мне одной здесь, что ли, стоять? Я дешевле отдам. А рыба не испортится: она через два-три дня ещё лучше будет.

— И вправду — давай, мать, и у тебя заберём. Димк, — это дядя Толя к моему отцу обратился, — в село возьмёшь лещей.

Мой отец улыбнулся:

— У нас ведь пивом не торгуют.

— Ничего, с медовухой тоже пойдёт! Правильно я говорю, Колёк? — это уже ко мне был вопрос.

Я промолчал. Рыб завернули в большую газету.

— Ну, вот и молодцы, ребята! — радовалась за всех женщина, что была побойчее остальных. — Приятного вам аппетита и всего хорошего! И пива вам чтобы хорошо попить. Денёк-то сегодня какой! Прямо подарок от Бога!

Мой отец и Виктор молчали и больше улыбались, а реплики и шутки отпускал дядя Толя:

— Да, мать, жить только да радоваться!

На Волге загудел пароход.

— Во! Это нам сигнал — пиво пить, — продолжал шутить дядя Толя.

Женщины собирались тоже уходить, укладывали сумки.

— Эх, хорошие вы, видно, ребята, и всё у вас впереди! — напоследок сказала бойкая женщина.

И вдруг та женщина, у которой в последнюю очередь товарищи купили рыбу, закрыла лицо руками и застонала, заплакала. Она так и сидела на старом, полуразломанном деревянном ящике и раскачивалась, пытаясь движением отвлечь или хотя бы ненадолго заглушить свою душевную муку.

— Что с вами? — мой папа подошёл к плачущей женщине. К ней же быстро подбежала «бойкая» женщина и, вежливо оттеснив моего папу, стала её успокаивать:

— Ну, ладно, Тань, перестань, перестань! Вставай! Сейчас в церковь ходим, свечи поставим, помолимся — оно и пройдёт! Пройдёт, пройдёт, сердешная ты наша.

И она, взяв за руку подругу, помогла ей приподняться с ящика. Женщина продолжала плакать, лицо её было искажено горем. Слёзы лились на её бледные, худые щёки. Она откуда-то достала белый платок и закрыла им глаза. Так они и пошли: одна женщина вела другую под руку, а та шла, повинувшись подруге, ничего не видя перед собой. Она шла, тяжело ступая, и несла с собой такую душевную муку, что было видно: не «пройдёт» она...

Третья женщина всё ещё что-то собирала и за собой, и за подругами; и быстро, скороговоркой, рассказала мужчинам, в чём дело:

— Три сына у неё на войне погибли. Погодки. Младшему семнадцать лет было, старшему — двадцать один. За месяц три похоронки получили они с мужем. Муж с бронью был, на «железке» работал. Не выдержал муж удара такого — умер вскоре, а она вот жива осталась. Потому что верила: вернуться они. Вот, небось, на вас посмотрела и подумала, что это детки её вернулись.

Потом она поспешила за подругами, и было слышно, как она бормотала на ходу:

— Боль-то какая! Не дай бог!

Мой папа и его товарищи стояли и молчали. Женщины перешли улицу, тянущуюся вдоль Волги, и стали подниматься по узкой улочке, мимо ветхих, наполовину деревянных, наполовину каменных, невысоких домов, вверх, по направлению к церкви. Солнце, кажется, светило со всех сторон. И не было возможности укрыться от его жара. Поднимались они медленно и устало, словно что-то сверху давило на всех троих.

Молчание товарищей прервал мой папа:

— Ребята, вы тут без меня пиво попейте, а мне надо срочно документы в институт отвезти: я и позабыл.

— А я пойду погреб чистить, — Виктор сделал вид, что только вспомнил, — позавчера ещё тестю пообещал. Толян, поможешь, сильно занят?

Дядя Толя согласился.

И мы пошли назад в свои жилища. Сначала шли по парку: там было не так жарко, как на асфальтовых улицах, потом шли по набережной. Гудели пароходы, призывая кого-то пить пиво, с Волги дул влажный ветер...

...Я выезжал на большую трассу. До города оставалось километров пятьдесят трудного, напряжённого пути: дорога была загружена. Едва я выехал на полосу движения — сзади посигналили — требовали, чтобы я посторонился для обгона. После спокойной езды по свободной и тихой дороге шумная трасса оглушила меня. Я остановился у обочины.

И подумалось мне: а ведь пока вспоминал про случай со старушками, застрял я в том далёком времени, в той спокойной и размеренной жизни. На улицах города в будний день в то время народу было мало: кто был на работе; студенты — в стройотрядах, школьники — либо в пионерлагере, либо в деревне у бабушки. Когда мы возвращались домой после похода «по пиву» и шли по парку — только пенсионеров и видели: пожилые мужчины сидели за длинными столами и играли в шахматы. Да и на набережной было малоллюдно. Это к вечеру улицы заполнялись молодой, активной публикой; на набережной устраивались импровизированные концерты, а днём — такой покой, даже скучно.

...И три пожилые женщины так медленно и долго поднимались вверх по пустынной улице, что думалось, они никогда не дойдут до церкви: солнце растопит их или заставит сесть на какую-нибудь лавочку в тени. Но они шли и шли. И я до сих пор помню: шли они по проезжей части — не по тротуару — не боялись — машин всё равно не было...

...С надрывным воем проносились мимо меня легковые автомобили, быстрые и стремительные, словно торпеды, идущие в атаку на вражеский корабль.

...А сейчас-то куда подевались старики и старушки? В городе их почти не видно. Я живу в большом новом микрорайоне. Как каменные безликие башни — большие серые многоэтажки. Во дворах по вечерам молодёжь пьёт пиво — шумно, показушно. А старух и стариков не видно ни днём, ни вечером. Только иногда небольшой автобус из фирмы ритуальных услуг остановится около чьего-нибудь подъезда, спросишь: а кто умер? И ответят — так, одна старушка. А где ж она жила? Да тут, у дочери, вот в этом доме; два года, как она её из деревни привезла. И два года в каменной избе, как в тюрьме, просидела бабушка. А кто-нибудь её видел хоть раз? Видели, как же, приехала она ещё здоровой и проворной. Мешок с картошкой сама тащила! И за два-то года совсем исчахла бабушка. Лежит в гробу, а её и не видно: такая маленькая, будто и нет её, и только лицо жёлтое, востренькое почти утонуло в подушке... — вот и всё от бабушки. От тоски раньше времени умерла, от упрёков... Кто знает?..

Надо было трогаться в путь. Я оглянулся, посмотрел на холмы, вдоль которых недавно ехал — на одном так и «сидела» небольшая дождевая тучка.

Головная боль

— **И** давно вас головные боли беспокоят? Нейрохирург Борис Глебович Головин вёл обычный приём обычного больного в нейрохирургическом отделении клиники, куда он устроился на работу сразу после окончания института и где почти доработал до пенсии.

— С четырнадцати лет, — быстро, почти скороговоркой, словно бы заранее зная, о чём его спросят, ответил на вопрос нейрохирурга Глеб Николаевич Бессонов — обычный больной. А кто пришёл на приём к врачу — тот уж больной, несмотря на то, что если и здоров.

Глеб Николаевич проходил обследование в клинике, и доктору было ясно: нужна операция — трепанация черепа. Но сказать больному об этом на первом же приёме было не в правилах Бориса Глебовича. Он считал, что больного надо к этому подготовить постепенно, не спеша.

— Какая точность! Что же произошло с вами в четырнадцать лет — травма, нервное потрясение? Что?..

— Мы с родителями переехали с одного места жительства на другое.

— И что? У вас сразу голова разболелась? — устало улыбнулся Борис Глебович, он редко улыбался и почти не шутил. — Вы расскажите поподробнее.

Уже не так уверенно Глеб Николаевич начал рассказ о своей болезни:

— До четырнадцати лет я с родителями жил в старом русском селе, а там все люди вокруг как добрые родственники. Жизнь была у меня беззаботная и радостная. Природа удивительная в тех местах: рядом речка, три пруда в селе, леса кругом, недалеко от села два озера. Нет, три — одно совсем маленькое. В двух озёрах караси водились: в одном озере светлые, в другом... тоже светлые, но с чёрной спинкой.

— А в третьем озере рыба была? — с интересом спросил Борис Глебович. Его почему-то не удивляло, что больной таким вот образом описывает свою болезнь.

— Наверное, не было. Там никто не рыбачил: не подступишься с удочкой. Всё озеро заросло камышами, кувшинками, лилиями, со всех сторон вёглы огромные, кусты. В селе говорили, что в этом озере нечистая сила водится. Мы с мальчишками летом несколько но-

чей около озера этого провели — всё нечистую силу хотели увидеть или хоть почувствовать её как-нибудь.

— Ну и как? — уже откровенно поинтересовался Борис Глебович.

— Да никак!

— Что, совсем ничего не заметили?

— Нет! Ничего особенного. Правда большая чёрная птица летала над водой всё время. Бесшумно летала. Как бестелесная.

— Может, это и была нечистая сила?

— А может! — удивился Глеб Николаевич и подумал, что же они с ребятами тогда сразу не догадались? Но ведь они считали, что нечистая сила — это либо леший, либо чёрт какой-нибудь, или русалка, в конце концов. Но чтобы птица!?

И промелькнул в голове Глеба Николаевича один давний эпизод из его жизни. Перед самым отъездом из села на новое место жительства случилось ему зайти в лес: он приехал туда с отцом за грибами. Этот лес находился далеко от села и слыл между жителями соседних деревень местом загадочным и страшным — это место называли «Тот свет». В тех местах летом сенокосили, по грибы ходили, а осенью орехи собирали. Зашёл от жары спрятаться, воздухом лесным подышать. Дело было в конце лета. Лес ещё зелёный стоял, но не было уже у деревьев такой свежести, как весной или в начале лета. Сухость какая-то в лесу, листья ещё не начали падать, но поредели, съжились; лучи солнца проникали между веток и по земле жёлтыми пятнами бродили — по старым жёлто-коричневым листьям, по зелёной сочной траве. Тихо было в лесу. И никого вокруг, даже мошкеры — и той не было. Вдруг откуда-то издалека, из глубины леса, шум пошёл. Глеб насторожился, а потом успокоился: это летела птица. А шум — это рассекаемый крыльями птицы густой лесной воздух. Лес был старый, буреломный; деревья стояли нечасто, многие от старости уже упали, другие ещё крепко стояли, зеленея ветвями высоко в небе. Птица летела низко от земли, и была она большой и чёрной. Она летела уверенно, в просвет между деревьями — наверное, это был её привычный маршрут. И летела птица почти на Глеба. И когда, пролетая, поравнялась с ним, повернула в его сторону голову и посмотрела прямо ему в глаза. Несколько секунд смотрела, а казалось, долго-долго. До сих пор не может забыть этот взгляд Глеб Николаевич. Тёмные, мутные глаза, без зрачка, как тёмная бездонная яма. Птица смотрела прямо в глаза Глебу, и во взгляде её было и безразличие, и небоязнь, и высокомерие. «Почему же высокомерие?» — не раз потом думал Глеб Николаевич.

А потому! Птица эта — ворон. А живут они, по слухам, долго. Справочники говорят, что в неволе вороны доживают до восьмиде-

сяти лет. А на воле? Неизвестно, что было в мыслях у ворона, но смотрел он на человека в лесу как на временщика на этом свете и как на гостя на его территории. И взгляд чёрный, мутный — вот она, нечистая сила! Чистая сила — это сила добра, разума, справедливости. А нечистая сила — это дикая сила природы, независимости, полной свободы, борьбы за жизнь с попранием чужих свобод и глумлением над слабым и беззащитным... Все эти рассуждения промелькнули в голове Глеба Николаевича быстро. Недаром говорят: нет ничего в мире быстрее мысли.

— Да, вот так живёшь и не догадываешься, где она, нечистая сила. А может, её и нет? Это так — наша выдумка? Чтобы своё бессилие и неприспособленность к жизни оправдать, — сказал Борис Глебович.

— Хорошо было в нашей деревне, — продолжал после небольшой паузы «историю болезни» Глеб Николаевич, отодвинув историю с чёрной птицей в тёмный закоулок своей памяти, — на реке было три пруда — прямо к огородам вода подходила, и водяная мельница на одном пруду была — в ту пору ещё работала.

— В общем, полный рай на земле в течение четырнадцати лет вашей жизни в родном селе!

— А вы не смейтесь! Это как отдельная, только для меня данная, счастливая жизнь была. А потом всё не то было. Потом начались другие жизни: одна несчастная, другая безалаберная, третья... Я сейчас вспоминаю только детство своё, а потом вроде и не жил. Как в райцентр переехали с родителями, лёг на диван и три года пролежал на нём до поступления в институт. Никуда не ходил из дома: ни в кино, ни в библиотеку, ни на школьные вечера. Иногда, правда, надолго, на весь день, уходил подалее в поля, в леса... Речка там тоже небольшая была...

— И голова стала болеть? — попытался вернуть больного в тему Борис Глебович.

— Да. Болела сильно.

В дверь без стука вошла немолодая женщина с ведром и шваброй.

— Борис Глебыч, вы долго ещё? — по-простецки спросила она.

Борис Глебович был из той категории российских интеллигентов-тружеников, которые карьеру не делают, но на которых в любой организации держится всё. Через месяц ему на пенсию, а он и не кандидат наук, и не зав. отделением, однако особо сложные операции доверяют только ему, вернее он сам за них берётся, не доверяя никому. Так уж сложилось в отделении, где он работал.

Борис Глебович мог бы сказать уборщице Оксане: погоди, мол, Оксана, сейчас разговор закончим, и помоешь ты полы. Но он был человеком интеллигентным и деликатным, он не мог красть чужое время.

— Да, да, Оксана, мы уже уходим.

— А ваши снимки — томографию головного мозга — я завтра ещё посмотрю. Вы завтра и приходите, часикам к двум, — это уже он Глебу Николаевичу.

И разошлись по домам Борис Глебович и Глеб Николаевич.

Кончился день. Солнечный апрельский день. Снег ещё не весь сошёл, на улицах сыро и мокро, мимо мчались грязные машины, но на душе, несмотря ни на что, хорошо — весна!

Глеб Николаевич перед сном полчаса простоял на балконе: его больная голова нуждалась в кислороде. Потом принял снотворное и обезболивающее. Скоро он уснул. И приснилась ему деревня его родная, когда ещё были на реке три пруда и водяная мельница стояла и работала. Мельник суетился, бегал около жерновов, белый, как снеговик. Большие каменные жернова с грохотом и шумом тёрлись друг о друга, и мельница ходуном ходила на высоких и крепких дубовых сваях. И слышно было, как внизу скребётся о вал, крутится и шумит водой огромное деревянное водяное колесо: его целый месяц делал дед Глеба Николаевича, колхозный плотник Гаврил Иванович.

А вот Борис Глебович долго заснуть не мог. Жена его в одной комнате жила — он в другой. Не то чтобы они ссорились, нет! Но как дети стали жить самостоятельно, ушли из дома — вроде и говорить стало не о чем. Жена была на пенсии и подолгу, иногда до утра, смотрела телевизор. А он ложился спать в другой комнате — на диване. И почти всегда хорошо засыпал. А сегодня вот не получилось. Сегодня вроде бы телевизор, что жена смотрела, мешал. И сказать неудобно: всегда-то засыпал, и громкость небольшая. А не спал Борис Глебович оттого, что мысли не ко сну в голову полезли: позавидовал он Глебу Николаевичу. Надо же, четырнадцать лет счастливой жизни! Да он за эти четырнадцать лет счастливой жизни полжизни бы своей отдал или даже больше. Что он, Борис Глебович, видел за свою жизнь?

Детства у него, можно сказать, не было. Ясли, детский сад, школа. В семь лет его отдали сразу в три школы: общеобразовательную, музыкальную и спортивную (фехтование). Свободного времени не оставалось ни на что — даже книг не начитался. К окончанию школы, помимо основных, научных знаний, Борис Глебович также имел гастрит, гипертонию и близорукость. Когда встал вопрос, где учиться дальше, Борис Глебович вдруг взбунтовался и сказал, что пойдёт в геологоразведочный институт. Видя такую решимость, мама и бабушка стали плакать. Говорили, что в первой же экспедиции с ним что-нибудь произойдёт, и они этого не переживут. Ещё и документы не были сданы в институт, а все домочадцы Бориса Глебовича уже активно пили лечебные капли, глотали таблетки и демонстративно

хватались за сердце. Бунт был подавлен непротивлением. На семейном совете было решено: мединститут...

Потом учёба, женитьба, дети, работа... И маленькие дозволенные радости: шахматы, соби́рание книг, грампластинок...

Борис Глебович жил и работал, как часы. Не в том смысле, что размеренно, последовательно и надёжно. Нет. Может быть, надо было бы сказать: «как часы и по часам». Давным-давно, возможно, и до его рождения, чья-то рука (рука как понятие, а не как физическое тело?) эти часы — его часы — завела, и он должен был выполнять кем-то заданные функции до конца своей жизни, пока завод не кончится. Бывало, правда, очень редко, часы ломались, падали со стола или тумбочки или бились о стену. Но меняли стекло, стрелки, шестерёнки и валики, и часы снова отстукивали: «Делай так! Делай так! Делай так!..»

После этих поломок Борис Глебович был всегда виноват. Он просил прощения у жены или у мамы. В своём доме он всегда был виноват: перед мамой — за то, что выбрал не ту жену, перед женой — за то, что был маменькиным сынком, не имел своего мнения и вообще был «непробивным». Подрастали дети. Они всё это видели, слышали и, может быть, в глубине души любили его, но не уважали. Работу он не любил, а, скорее, относился к ней как к необходимости. Но выполнял работу всегда добросовестно, ведь дело касалось здоровья и жизни людей. А часы, когда-то и кем-то заведённые, при этом шли. Но завод кончался, пружина слабела и почти всю свою энергию отдавала. Пружину этих часов ему кто-то завёл, а вот внутри него с годами стала сжиматься другая пружина, и у неё была совсем иная функция: в определённый момент эта пружина должна была резко распрявиться или лопнуть. И жизнь Бориса Глебовича должна была в тот же момент резко измениться или... закончиться.

«Надо же, — всё думал Борис Глебович, пытаюсь уснуть, — у человека была счастливая жизнь! Четырнадцать лет! Пусть он года три ничего не понимал, но всё равно остаётся — одиннадцать! Интересно, а как он жил дальше? Наверное, так же как и я. С виду «простой инженер». Мы даже внешне похожи».

И действительно, эти два человека были похожи: худощавые, высокого роста, немного сутулые, одеты добротнo, но неброско. Такими мужчинами могли бы увлечься женщины, если бы не меланхолия и отсутствие интереса к жизни, что было видно и по их взгляду, и даже по их походке.

И ещё раз позавидовал Борис Глебович своему больному: мог же он хоть изредка наведываться в свою деревню. А вот он, считай, жил безвыездно в своём городе: сначала детей не с кем было оставить, потом постоянно мама болела... Сейчас придумала жена дачей за-

ниматься. Хотя какая дача без автомобиля — сплошная мука: электричка, толчея, ругань, запах пота...

Борис Глебович принципиально не принимал снотворное: мозги должны питаться кислородом — никакой химии! Если не выспится сегодня — выспится завтра.

Ага, светает: апрель, весна. Положено радоваться. Говорят, что в это время люди влюбляются. Однако вопрос о влюблённости даже не просматривался в его мыслях: не хотелось ничего.

Утром, за завтраком, к большому своему неудовольствию, Борис Глебович ощутил, что у него разболелась голова. Чай в бокале долго не стыл, и возникло желание грохнуть бокал вместе с чаем о стену. Но часы, что были внутри, тикнули: «Не делай так!»

На работе с утра две операции, а потом приём больных, тех, кому не избежать операционного стола.

Операции были несложные, но усталость после их проведения навалилась на Бориса Глебовича тяжёлой и изнуряющей ношей, от которой никуда не деться.

В третьем часу дня пришёл Глеб Николаевич.

— Придётся вскрывать черепную коробку, — сразу «обрадовал» его Борис Глебович.

Глеб Николаевич испугался. Будто он услышал смертный приговор, неожиданный и несправедливый. И он даже не знал, что сказать. Он стал мельче и незначительнее, его уже совсем как будто не было ни в этом кабинете, ни в городе, нигде — он ушёл в себя, в свои страхи и переживания...

— Да вы не волнуйтесь так! Операция несложная, уснёте, через час проснётесь — и как будто ничего не было, — пытался успокоить больного Борис Глебович, хотя он видел, что это едва ли ему по силам. Но надо же было что-то сказать, приободрить больного, в этом был его врачебный и человеческий долг.

— А без операции никак нельзя? Может, консервативное лечение поможет? Сейчас ведь всякие дорогие лекарства есть, процедуры разные. Пусть дорого — я заплачу, — всё искал лазейки испуганный Глеб Николаевич. — Очень мне не хочется эту операцию делать: я боюсь! Ну ладно, живот разрезать, но чтобы в голову залезть? Это, простите за каламбур, в голову не укладывается.

Глеб Николаевич понемногу приходил в себя, ведь от операции он мог и отказаться. Жил же он как-то и без операции, таблетки глотал...

— Вы будете сильнее и сильнее страдать, и неизвестно, чем всё это закончится.

— Что — смерть? Сойду с ума?

— Давайте так! Я вам хорошие таблетки дам, вы успокоитесь, подумаете... Повторяю: операция несложная, если проводить аналогию с животом, как вы тут выразились, это всё равно что аппендицит вырезать.

А ещё про себя подумал Борис Глебович: «Что же ты так волнуешься, ведь у тебя было четырнадцать лет счастливой жизни! Можно и умереть!»

И из любопытства, и чтобы как-то перевести разговор, спросил у Глеба Николаевича:

— А вы часто бываете в родном селе? И, кстати, где оно находится?

Глеб Николаевич назвал район области, село и ответил:

— Нет, к сожалению, нечасто. Но бываю. Там многое изменилось. Сами знаете, либеральные реформы не пошли на пользу села — исчезают сёла. В моём, считай, одни старики остались. Прудов уже нет — не нужны стали. И мельницу разрушили. Через озёра зачем-то направили воды реки. Озёра вроде и остались, а что-то уж не то. Нет первозданности, природной тайны. Но всё равно я там отдыхаю душой. Приеду летом, на берегу реки лягу на спину и долго-долго смотрю в небо. Так долго смотрю, что уж ни о чём и думать не могу. Или, извините за откровенность, плачу, но это нечасто.

— Вот и чудесно! Что же вы с головной болью будете на родину приезжать? Завтра у меня «окно» — больному операцию перенесли — решайтесь, приходите, сделаем вам операцию: анализы у вас в порядке. Я вам гарантирую: жить будете!

— Хорошо, я подумаю. Спасибо вам огромное, доктор!

И снова разошлись по домам Борис Глебович и Глеб Николаевич.

Борис Глебович пришёл домой в самом что ни на есть плохом расположении духа. По заведённому в его семье правилу он это плохое настроение должен был маскировать.

— Всё хорошо! Ничего не случилось. Было много работы.

И всё!

Жена и дети были всегда удовлетворены такими разъяснениями плохо выглядевшего отца и мужа. Его отсылали либо в магазин, либо погулять с собакой. Но собака давно умерла, дети жили теперь отдельно, а жена даже не вышла сегодня встретить его с работы. Потребность в маскировке отпала.

Прошлая ночь была без сна, разболелась голова — непорядок! Так нельзя! Сегодня надо лечь пораньше и выспаться хорошенько. И выбросить из больной, к сожалению, головы всю ерунду: «четырнадцать счастливых лет», «моя несчастная жизнь» и тому подобное... Большинство людей живут так же, как и он, и не задумываются. Или задумываются? «Ну, вот! Снова началось», — подумал Борис Глебович.

Что дальше? Вкусный ужин — слипшиеся макароны и сосиска. Развлечения — для чего же живём! — футбол — наши опять проиграли. И скорее на диван и в сон! От этих макарон, футболистов, кандидатов в депутаты и пр., и пр.

Всё! Спать!

Снотворное Борис Глебович не принимал. Принципиально и осознанно. У него были правила, и он строго следовал им. Часть правил для себя он установил сам, часть правил ему кто-то навязал или, обманув, исподтишка подсунул. Но все эти правила стали своими, и их необходимо было соблюдать. Борис Глебович знал, что из правил есть исключения. Однако это знание он из своей головы деликатно выталкивал. Основой основ всех правил было слово «нельзя». *Нельзя* принимать снотворное, *нельзя* перечить маме, жене; *нельзя* было пропускать уроки музыки «печальной», *нельзя* было получать «тройки» — о «двойках» и речи быть не могло.

Нельзя, нельзя, нельзя!..

— Ты дал сегодня хорошие успокаивающие таблетки больному — так выпей их и сам,— говорили голоса внутри Бориса Глебовича.

Нет, не поддался, хотя порыв был.

Борис Глебович спал нехорошо, урывками, часто просыпался, видя какие-то страшные и странные сны, а потом долго не мог заснуть...

...Он вскрыл черепную коробку Глеба Николаевича. Обычная черепная коробка, но по мере того как он снимал её с головы несчастного больного, она стала увеличиваться в размерах, и вот ему уже рук не хватало, чтобы охватить и удержать её. А сам обнажённый мозг больного вдруг вырос до чудовищных размеров, и вместо мозга Борис Глебович увидел речку с тремя прудами, старую мельницу, лес за рекой и три озера. В двух озёрах плескалась рыба, а над третьим озером летала большая чёрная птица. Она стала подниматься выше и выше и, долетев до Бориса Глебовича, сказала ему человеческим голосом:

— Пора вставать! Опаздывать на работу *нельзя*!

Борис Глебович попытался отогнать от себя говорящую птицу. И она, испугавшись его окрика, стала быстро удаляться и уменьшаться в размерах. И вот уже стала маленькой, как муха. Борис Глебович в детстве искусно ловил мух на лету, а потом, сжав в кулаке пойманное насекомое, наотмашь бросал муху об пол. Так сейчас он поступил и с птицей. Маленькая чёрная птичка ударилась об пол и умерла, подняв вверх лапки. Борис Глебович удовлетворённо потёр руки и зло сказал:

— И забудь слово *нельзя*!..

...А Глеб Николаевич вернулся домой в неопишемом волнении. Врач его вроде успокоил, и он шёл домой, поймав себя на мысли, что ему нравится весна, и весенний воздух будоражит что-то давно забытое... Но когда он оказался дома, окружённый стенами, потолками, страх и испуг вернулись. Болезненное его воображение рисовало страшные сцены предстоящей операции...

Большими зубилами (такими орудут слесаря, выполняющие механический ремонт промышленного оборудования) врачи в белых резиновых перчатках — по ним стекала красная густая кровь — с остервенением долбили ему череп. Врачи стояли вокруг него, и некоторым не хватало места, чтобы подойти и хоть разок тукнуть по его голове. Они были похожи на дятлов. Наконец врачи (или заводские слесаря в белых халатах?) сорвали кости черепа и... ушли спокойно куда-то по своим делам... А Глеб Николаевич остался сидеть один в большой пустой белой комнате, без верхних костей черепа, с обнажённым мозгом. Он вынужден был тихо и смиренно сидеть на деревянном, крашенном в коричневый цвет табурете. Ни двинуться, ни позвать кого-то он не мог. Двинешься — больно, позовёшь — а вдруг придёт кто-то и сделает ещё больше...

Воображение рисовало и другие страшные картины: врачи вскрыли череп, но увидели не мозг, а клубок толстых, бело-розовых червей. Они копошились лениво в чаше черепной коробки, недовольные тем, что их побеспокоили...

Глеб Николаевич подумал, что не уснёт в эту ночь. Мысли, сомнения, страхи не дадут уснуть. Что же делать? Решиться на операцию или?.. При своей трусости и нерешительности Глеб Николаевич всё же обладал одним хорошим качеством: в экстремальных ситуациях он мог собраться, на что-то решиться и идти уже до конца. Вот и сейчас, при всех воображаемых ужасах, при всех сомнениях, он где-то там, в глубине своего «я», решился на операцию. И надо было до немыслимого предела разбередить головную боль, чтобы наверняка решиться на операцию. Так Глеб Николаевич поступал, когда болели зубы. Он всё откладывал и откладывал визит к стоматологу, а потом решался и намеренно расшатывал и бередил зубы, вызывая этими действиями чудовищную боль, чтобы уж назад пути не было.

И Глеб Николаевич решился выпить водки. Он приготовился к тому, что сейчас будет судорожно и безуспешно сдирать с головы раскалённый обруч — символ невыносимой боли. Питиё подействовало, однако совсем иначе: голова стала ясная, перестала болеть и Глебу Николаевичу похорошело.

«Не нужна мне никакая операция», — мелькнула мысль, давно сидевшая в засаде...

— Ага, вот доктор дал мне таблетки, чтобы успокоиться и уснуть. Проглочу сразу все три! Для чего же он мне дал сразу три таблетки: операция завтра? Выпью я одну таблетку, а остальные куда? Выпью три таблетки, лягу в постель и буду смотреть в окно на ночное небо. Ночь безоблачная. Звёзды. Неповторимый, влажный запах весны. Открою окно. Вот так — всю створку. И буду дышать воздухом долгожданной весны: она и в пятьдесят девять долгожданная, — рассуждал Глеб Николаевич, лёжа уже в постели...

...На подоконник бесшумно опустилась большая чёрная птица. Она возникла из ниоткуда, из небытия, и, когда подлетала к окну, казалась полупрозрачно-бестелесной, и была похожа на ту, летавшую над озером. Птица, сев на подоконник, по-хозяйски огляделась, медленно ворочая головой, и взглядом нашла Глеба Николаевича. Глеб Николаевич хотел сейчас же прогнать непрошеную гостью, но руки не двигались, рот не открывался. Птица, взмахнув несколько раз крыльями, подлетела к Глебу Николаевичу, села ему на голову и огромным тёмно-серым острым клювом стала долбить ему череп. Она стала и телесной, и осязаемой, даже в большей степени, чем сам Глеб Николаевич.

Страшная боль пронзила Глеба Николаевича. Ему показалось, что страшная птица долбит не только его голову, но его всего. Не только его тело, а всё его существо: с его мыслями, чаяниями, надеждами, радостями.

С диким криком Глеб Николаевич проснулся. Было утро. И было открытое окно — одна створка. Птицы не было. Вчера это было утро завтрашнего дня, и вот сейчас оно стало «сегодня». Как никогда болела голова.

«Дойти бы до больницы», — мелькнула мысль у Глеба Николаевича и застряла в лабиринте болевых переходов, изгибов и бугорков воспалённого мозга...

...Всю дорогу до места работы Борису Глебовичу казалось, что он едет не вперёд, а назад. Это он почувствовал, когда сел в автобус, а в метро так вообще ехал с зажмуренными глазами — ждал с ужасом, когда их поезд на всей скорости столкнётся с поездом, идущим по этой же ветке, но в правильном направлении — прямо вперёд. Спросить у пассажиров, почему мы неправильно едем, он не решался, поскольку было видно, что все вокруг спокойны и не озабочены. Значит, едем как надо, по-другому *нельзя!* Когда же Борис Глебович шёл пешком от метро до клиники, ему тоже казалось, что он идёт назад, несмотря на то, что шагал вперёд. Иногда он останавливался, смотрел на ногу, когда её выбрасывал вперёд, а всё же ощущение движения назад не проходило.

Куда он шёл? Возвращался к детству? К рождению, к истокам? Смотрел глубоко назад — в изначалие — как в колодец, который вырисовывал луч лазерного телескопа, смотрящего в глубь Вселенной, а значит — в никуда...

...В коридоре нейрохирургического отделения, опустив голову, на стуле сидел Глеб Николаевич. Он смотрел перед собой на воображаемую точку в пространстве и обеими руками с двух сторон сжимал голову, словно пробовал на спелость арбуз.

— Что, решились?

— Да! Болит невыносимо!

— Потерпите немного — вас пригласят.

— Хорошо, хорошо... спасибо, доктор!..

Состояние Бориса Глебовича никого из сослуживцев не удивляло, хотя внимательный человек заметил бы, что с Борисом Глебовичем творится что-то неладное. Но все были заняты своими буднично-рабочими делами. И только уборщица Оксана, на несколько секунд оставив без внимания свою швабру, — а она срослась с ней за многие годы работы, как баба Яга с метлой, — с удивлением и едва уловимой тревогой посмотрела вслед Борису Глебовичу, который шёл как-то неестественно — медленно и степенно. Он, скорее, шествовал...

До того как был вскрыт череп Глеба Николаевича, операция шла обычным путём. Но потом, когда уже сняли черепные верхние кости, на какое-то время Борис Глебович задумался, глядя на обнажённые полушария мозга оперируемого. Пауза затянулась. Набравшись смелости, ассистент спросил:

— Что-нибудь не так, Борис Глебович?

Борис Глебович попросил медсестру снять его очки, протереть их и снова надеть. Нагнувшись ближе к обнажённому мозгу больного, внимательно и долго смотрел на него, потом распрямылся. Поворачивая голову, оглядел всех вокруг и произнёс фразу, которую могли бы счесть за шутку, если бы не знали Бориса Глебовича — его сдержанности, немногословия и отсутствия, как все считали, хотя бы скрытого намёка на чувство юмора. Борис Глебович удивлённо и даже обиженно спросил:

— А где же здесь речка, три пруда и три озера? И где большая чёрная птица «Нельзя»? Ах, забыл, я же её вчера прихлопнул, как муху!

Хирургические инструменты стали валиться из рук Бориса Глебовича, а он смотрел и смотрел на бело-розовые полушария мозга спящего и видевшего во сне озёра и речку Глеба Николаевича. Как в замедленных кадрах фильма, Борис Глебович стал падать на пол:

сначала подкосились коленки, потом завалилась набок голова... Его вовремя подхватили, не дали упасть...

...Глеб Николаевич проснулся в просторной, светлой палате. С улицы, через стёкла окон, проникал яркий солнечный свет тёплого апрельского дня. Глеб Николаевич видел всё вокруг, но ещё ни о чём не думал, какое-то время работали только зрительные рецепторы. Постепенно, не сразу, начались мыслительные процессы более сложного уровня: Глеб Николаевич понял, где он находится, вспомнил то, что было до сна и пробуждения, и попытался почувствовать: а что же с головой? Голова болела, но не так, как прежде: это была боль наружная, несерьёзная, не то, что раньше — внутренняя, глубинная боль, доводящая до безысходности, разрывающая мозг и душу?..

Пришёл доктор, но не Борис Глебович, а другой, и сказал, что операция прошла хорошо, — а по-другому и быть не могло «в нашей-то клинике» — и дал врачебные рекомендации.

Через несколько дней Глеб Николаевич спросил того же доктора при очередном обходе, где Борис Глебович, и как бы его отблагодарить. Оказалось, Борис Глебович пока нездоров. После ухода доктора сосед по палате, уже почти выздоровевший больной, несмотря на то, что его никто не спрашивал, доложил Глебу Николаевичу:

— Ваш Борис Глебович «с катушек слетел».

Слова про «катушку» были так неожиданны, что Глеб Николаевич смутился и не сразу понял расхожее выражение:

— Как это?

— «Шарики за ролики заехали», — ещё мудрёнее выразился выздоравливающий.

— Вы это серьёзно, — наконец понял, в чём дело Глеб Николаевич.

— Серьёзнее некуда. Двумя этажами выше в психиатрическом отделении лежит, — отчеканил сосед по палате, делая ударение на слова «серьёзнее» и «психиатрическом», и демонстративно повернулся спиной к собеседнику.

У Бориса Глебовича во время операции случился ишемический инсульт и помутнение сознания. Но всего этого Глеб Николаевич, конечно, не знал, да и не мог знать. Ведь во время операции он спал и видел совсем другие сны.

И когда его выписали из больницы, он первым делом пошёл к Борису Глебовичу. Медсестра психоневрологического отделения предупредила его:

— Только не говорите ему слово «нельзя». Он свою жену за это слово выгнал из палаты, да ещё и бросил в неё огурцом. Смешно и грустно — интеллигентные люди.

— Попал?.. Я говорю, огурцом в жену попал?

Медсестра пожала плечами, подозрительно посмотрела на Глеба Николаевича — так могут смотреть только работники от психиатрии — и с прямой спиной удалилась.

Борис Глебович внешне был в добром здравии и выглядел вполне нормально. Его не выписывали — боялись рецидива. Оба — бывший доктор и бывший больной — вышли в больничный коридор. Они подошли к окну и молча стали смотреть на уже распускающиеся ветки деревьев, что росли в скверике около больницы. Весна вступала в решающую стадию и плавно переходила в лето. Сбивчиво, не находя нужных и правильных слов, Глеб Николаевич поблагодарил Бориса Глебовича «за всё», на что получил ответ, мол, собственно, «не за что» и ещё получил предложение перейти на «ты».

— Знаешь, Глеб, а я всё же убил чёрную птицу. Ну ту, что над вашим таинственным озером летала. Я её прихлопнул, как муху. Во сне, правда. Но тем не менее.

— И правильно сделал! Не поверишь: она мне перед операцией чуть весь мозг не выклевала. Но мне её прибить не удалось: улетела. Тоже сон был такой. Улетела, а перо оставила. Я когда проснулся, увидел, оно на полу около окна лежало. Может, ветром занесло: окно всю ночь было открыто. Теперь-то я знаю: к тебе она полетела.

— Может быть. А ты знаешь, у меня такое ощущение, что эта то ли чёрная птица, то ли тёмная сила меня всю жизнь в клетке держала. И вот прибил я её и стал свободен, а что с этой свободой делать — не знаю. Прогнал жену. Грубо, — отвратительная сцена получилась — и мне её теперь жаль. Даже жаль её за то, что она всерьёз думает, что я сумасшедший.

Глеб Николаевич молчал. До него стало доходить, что его головная боль (а у нас теперь головной болью стали называть и житейские, и другие проблемы?) перешла к доктору. Доктор принял её. И эта боль, как клин, распрямила пружину, что сжималась внутри него всю жизнь. Но доктор выстоял! Не сломался! И ему надо теперь жить как-то дальше, и не просто жить, а жить хорошо и здорово.

Высоко в небе летали птицы: голуби, стрижи. Они летали просто так, в своё удовольствие. Прагматичные проворные воробьи стаей рассыпались по больничному двору рядом со скамейкой, на которой сидела молодая женщина. Она крошила в ладонях булку и бросала крошки перед собой. Птички радовались солнцу, теплу и пище. Они звонко и весело щебетали. За всем этим наблюдали наши два героя и улыбались. Неожиданно воробьи стремительно взлетели и рассеялись, кто куда. Прилетела чёрная ворона. Она села как раз посреди крошек и стала крутить головой. У Бориса Глебовича сжались кулаки, но что он мог поделать? То, что произошло дальше, и рассме-

шило, и прибавило оптимизма нашим героям. У женщины в руках оставалось ещё полбулки. И она, не раздумывая, метко бросила её в ворону.

— Ура! Попала! — захолопал в ладоши Борис Глебович.

Удар булкой был такой силы, что ворона упала на бок, а после с карканьем улетела. Воробьи вернулись на прежнее место.

— У меня просьба к тебе, Глеб Николаевич. На вахте, на первом этаже, сидит Матвейч, худошавый седой старичок в очках. Так вот, сегодня же принеси и отдай ему туфли сорок пятого размера и лёгкую куртку. Можешь свою старую принести — я потом верну. Просто отдай ему пакет и всё: он в курсе.

Глеб Николаевич, конечно, пообещал и сделал всё, как просил Борис Глебович.

Когда на следующий день утром Глеб Николаевич пришёл навестить больного, в отделении был переполох.

— Мне бы к Борису Глебовичу, — обратился к медсестре Глеб Николаевич.

— А вы что? Не слышите?! Нету Бориса Глебовича! Он исчез, испарился!

Неподалёку стоял важный человек в белом халате и громким раздражённым голосом отдавал распоряжения подчинённым: надо сообщить в милицию, связаться с его женой. Что? Его домашний телефон не отвечает? Значит, поезжайте к нему домой!

Глеб Николаевич уже спускался вниз, к выходу. Он всё понял. Матвейч степенно сидел за вахтенным столом, и, когда Глеб Николаевич проходил мимо, старик в очках едва заметно ему улыбнулся.

Субботка

Из-за холма послышался странный гул. Постепенно он нарастал, и вот стали различимы звуки: щёлканье кнутов, короткие и резкие выкрики людей, видимо, всадников-пастухов, топот копыт; похоже, что на холм поднималось стадо коров или лошадей.

Женька стоял около дороги с другой стороны холма или горы: на равнине даже небольшую возвышенность называли горами. Как он сюда попал и с кем, он не помнил. Помнил только, что стоял на дороге, держал за руль свой велосипед и рядом находились люди — такие же, как и он, мальчишки, взрослые.

Сначала из-за горы появилось облако плотной светло-коричневой пыли, а после Женька увидел: трое или четверо всадников гнали большое стадо коров. Было видно, что это профессиональные погонщики скота: они уверенно и без напряжения сидели в сёдлах, у всех тёмно-красные обветренные лица, на головах серые, засаленные фуражки; в руках длиннющие кнуты, которыми они громко щёлкали, ядовито стегая безо всякой причины по бокам безропотных животных. Они не вели стадо коров — они его гнали. Несколько злых овчарок бежали тут же рядом и своим громким лаем пугали и так напуганных коров. Многие коровы прямо на ходу испражнялись.

И тут до Женьки дошло: так ведь это...

...Среди ночи Женька проснулся. Дверь в соседнюю комнату — её называли «задней» — была приоткрыта, и через неё проникал тусклый коричнево-розовый свет керосиновой лампы. Стали слышны голоса: бабушка и дедушка о чём-то возбуждённо говорили. Судя по их разговору, там был и отец Женьки. Все вместе они собирались выйти на улицу. «Куда они пойдут, — подумал Женька, — там мороз и метель. Такой ветер, что ставни стучат». Прабабушка с печи что-то советовала собиравшимся виноватым тоном.

Женька шёпотом спросил мать: она ворочалась на кровати и, судя по всему, не спала:

— Мам, куда это они?

— Спи сынок: это Субботка отелилась.

Женька снова улёгся в постель, но уснуть не мог.

Минут через пять все трое — бабушка, дедушка и отец — с шумом, с неперменной дедушкиной руганью для порядка, «ввалились»

из сеней в избу. Женька не утерпел от любопытства, подбежал к двери, приоткрыл её и стал смотреть, что же происходит в соседней комнате. Рядом с входной дверью, на широкой мешковине лежал маленький, весь мокрый, трясущийся телёночек. Он был такой худой! И, как показалось Женьке, состоял из головы и четырёх длинных, безжизненных ног.

С печки на телёнка смотрела прабабушка, но, как показалось Женьке, без особого любопытства.

— Субботка-то как управилась? — спросила она.

— Нормально, — ответил дед, — что ей будет?

Бабушка сказала своей матери, как прошёл отёл. Прабабушку успокоили её слова, и она улеглась спать.

Это было одно из первых детских ранних воспоминаний Женьки. В ту пору ему шёл шестой год.

Телёнок стал жить в закутке. (Пространство между печкой и стеной.) На следующий день он уже стоял на ногах.

С наступлением тепла телёнка перевели в хлев, к Субботке.

Только показалась травка в апреле на лужайках около дома, стали привязывать телёнка верёвкой к металлическому колу. Травку стал есть телёнок, целый день он её щипал, а, видимо, не наедаясь вдоволь — бабушка ему ведро поила всегда приносила. Он как увидит, что бабушка из ворот с ведром выходит, того и гляди верёвку порвёт или кол вырвет из земли. Такой аппетит был...

...Женька, Женька!.. Он был уже «прилично» пьян, когда стал рассказывать о своём детстве. Старый мужчина. Да, именно старый, хотя ему только что исполнилось шестьдесят лет. Лицо его вдоль и поперёк изрезано морщинами, грустные глаза, а в них такая тоска!

Всю свою взрослую жизнь Женька простоял у фрезерного станка — работал на большом заводе. Цех, шум, пыль... Зарплата, выпивка...

В сельской своей восьмилетке Женька учился хорошо, и директор говорил ему: «Старайся, ты можешь стать великим математиком». Но так получилось, что Женька «стал» за станок.

— Часто мне виделся сон — сейчас уже не снится: стоит мой станок на пригорке, на зелёной траве, я работаю на нём, железки фрезерую; а кругом, сколько глаз хватает: поля, луга, пролески, речушка небольшая протекает...

Тяжело слушать Женьку...

— В детстве я воспринимал нашу корову как члена семьи. Конечно, тогда несознанно — это потом пришло. Как я представлял себе нашу семью в те годы? Все мои домочадцы в ряд стоят, и Субботка с нами. Глупости это...

...Летом, начиная с мая, Субботка содержалась на калде, а с осени и до весны — в хлеву. Хлев был тёмный, но тёплый и уютный. Даже в самые сильные морозы в хлеву снег таял, если туда случайно попадал. От большого коровьего тела столько тепла шло, что хватало всем обитателям хлева: курам, овцам.

Приметил Женька, что случись домочадцам рядом с Субботкой быть, и если они в хорошем настроении, смеются и беседуют душевно, то и Субботка вроде как рада. Коровы не улыбаются, но Женька чувствовал эту улыбку. И траву Субботка жевала в это время по-особому: она высоко задирала голову, словно наслаждаясь сладкой едой. А если, не дай бог, рядом с ней «крутой» разговор выходил, а это, как правило, дед выражал недовольство чем-то или кем-то, то Субботка, низко наклонив голову и вращая глазами, жевала траву; потом тихонько шла под навес на калде и ложилась смиренно в угол, всем своим видом показывая, что она ни при чём — она не имеет никакого отношения к ругани.

И как не сказать о том, что красивой коровой была Субботка. В холке невысокая, вытянутая в длину, на вид аккуратно-полненькая. Морда небольшая и очень симпатичная, как у какой-то лани. В стаде никогда не озорничала. Женька по многу раз пас коров за лето и ни разу не видел, чтобы его Субботка заходила в колхозное поле или лезла куда не следует.

В жаркие летние дни вместе с бабушкой Женька ходил на водопой — на обеденную дойку. В самый зной спасения не было от слепней и оводов. Насекомые так жалили коров, что те доходили до бешенства. И лезли эти «проклятушие», как их называла бабушка, в самое нежное место коровы — в подбрюшье. Коровы прогоняли «проклятых» с помощью ног. И сколько было случаев: дойник уж чуть не полон молоком, а корова как ударит его ногой, и всё молоко на земле. Досада-то какая! Некоторые хозяйки на время дойки перевязывали задние ноги коровы. Но это было жестоко! Это была самая настоящая пытка для животных!

Женька, вооружившись ветками ивы, добросовестно, даже рьяно, отгонял от Субботки насекомых. По глазам было видно, как довольна любимая корова...

— Я ведь всё детство исключительно коровьим молоком питался. Проснусь, бывало, кружку молока с куском хлеба выпью и на улицу до вечера, если помогать по дому не надо. Худющий был — жуть! Многие мои товарищи парное молоко пили, а я не мог: что-то вздумалось мне, что тёплое молоко — это часть живой нашей коровы. И выпивая тёплое молоко Субботки, я как бы питаюсь её плотью. Маленький ещё был, а такие мысли в голову приходили! — мотает головой Женька...

...Что только не делали, чтобы Субботке хорошо было и на калде, и особенно в хлеву. Уберём навоз с пола вечером и сейчас же сухой соломы набросаем, и спит наша коровка ночью, уютно ей и покойно. В коровье пойло бабушка добавляла отруби, муку, хлеб; резали овощи: витамины и корове нужны. Бабушка, готовя ей кушанье, тихонько смеялась:

— Наша любит сладенькое.

— Любит! — вроде бы возмущался дед. — А кто не любит?!

— Хлебца ей, хлебца ей побольше положи! — просила с печки прабабушка. Она была уже очень старенькой, ходила с трудом, опираясь на палку. Доживала свой век.

Маленький Женька побаивался подходить близко к Субботке: такое большое животное внушало почтительный страх; и рога — такие огромные! Но подрос Женька и перестал бояться — гладил бока корове и даже обнимал её за голову. Летом, когда животных «доставали» насекомые, Женька чесал Субботке шею и за ушами — эта процедура ей очень нравилась, и она в благодарность лизала большим шершавым языком руку Женьке...

— ...Налей-ка ещё! — Женька подставляет рюмку. Хватит бы ему, но как скажешь об этом: не нутро просит хмеля — душа хочет успокоиться, слезами излившись. Сухие глаза у Женьки, но видно, что плачет он, и я вместе с ним плачу.

— А ведь меня с любовью только мама и целовала, — говорит Женька перед тем, как выпить, и, уж выпив, чуть помолчал: — Выходит, что корова меня тоже любила. Собаку я в детстве хотел, а дед отшучивался: не надо нам собак — сами как собаки. Я потом догадался, почему он собак не любил: хромой он был, и собаки на него постоянно лаяли, раздражали его...

В начале того лета какие-то странные разговоры про Субботку в доме. Говорили, что корова «не обошлась». Прабабушка, плача, говорила: «Может, её ещё разок к быку сводить?» На что дед сердито отвечал: «Что толку её водить: старая она стала, на мясо только и годна». Говорили про заготконтору. Женщины тяжело вздыхали...

...Как выразить словами, простыми словами — то непростое, запредельное, что должна вынести душа...

Мычание (мычание-мольба) коров, стук их копыт о сухую землю, лай собак и щёлканье кнутов, смешиваясь, рождали страшный звук, невыносимый для слуха, для сердца. Светло-коричневая пыль окружала стадо и тащилась за ним, словно грязное облако, закрывая светло-голубое небо. А в небе — высоко-высоко — летали птицы, свободные и стремительные.

В трёх-четырёх шагах от Женьки пробегало стадо. И вдруг он увидел свою Субботку. Она бежала с краю. Напуганные глаза её смотрели вперёд. Строго вперёд — застывший в страхе и безнадёжности взгляд. Пробегая мимо Женьки, она неожиданно повернула голову и посмотрела на него. Ему показалось, что в этом взгляде было: «Спаси». Она не замычала, не приостановилась, а, не задерживаясь, продолжала бежать к своей гибели...

Женька схватил велосипед и помчался в гору — подальше от страшных звуков, от пыли, от безысходности. Гора было крутой, но он очень быстро добежал до её вершины, сел на велосипед и погнал что есть мочи под уклон.

— Не помню, как я доехал до села, — рассказывал Женька, было заметно, как дрожали его руки, — ни о чём не думал — только жал и жал на педали. Такая была скорость!.. Упал — разбился бы насмерть. А может, и надо было тогда разбиться!..

...Сказал бы Женька такие слова, будь он трезвым? Наверное, нет. Но сейчас сказал. И никакой это не пьяный бред — бывают такие минуты у человека. Грех его за такие слова осуждать...

...Женька не понял, как он оказался на водопое. Стал искать глазами Субботку — её не было среди коров. Домой не поехал — всё гонял на велосипеде, искал, не прячется ли Субботка в тени кустарников или деревьев? Уже задеревенели мышцы ног, а он всё ехал и ехал. А вечером встречал Субботку с пастбища. Не оказалось её в стаде. «Значит, она раньше вернулась», — подумал Женька и поехал домой, бросил велосипед как попало около дома и заглянул на калду — там никого не было.

И тогда Женька не выдержал. Чтобы родные не видели его слёз, зашёл за сарай. Плечи его задрожали. Кулаками изо всех сил надавил на глаза. Сзади кто-то подошёл к нему и положил руки на плечи. Лёгкие, почти невесомые руки. Он обернулся. Старенькая, худенькая и маленькая прабабушка стояла за его спиной. Из её глаз, как из родника, лились слёзы и растекались по глубоким морщинам лица, словно по ручьям. Она обняла Женьку и дрожащими губами только и произнесла:

— Сынок...

Сенокос

С утра и до обеда мы привезли сено с ближних паёв. От окраины села и до леса — а это километра два — тянется большой овраг; на пологих склонах его растёт густая трава. Здесь и косить начинают пораньше, и сохнуть начинает трава быстрее, чем на лесных полянах или около леса, потому как круглый день на солнце да на ветру. Вот отсюда и возили.

Мы сделали три «рейса» на лошади — привезли, как тогда говорили, три колымаги сена. Ездили втроём: мой дед, ещё не старый тогда мужик шестидесяти лет, одноногий (ноги по молодости лишился), дядя Саша, ему сорок лет тогда было, он старший сын у деда с бабушкой, жил в районе, но всегда на два-три дня приезжал помогать в заготовке сена, вот и в этот раз — сначала приезжал косить сено, а теперь приехал сено перевозить. Третий — это я, подросток пятнадцати лет. Ещё совсем недавно мы с родителями жили с дедом и бабушкой в этом селе, а потом переехали в большое животноводческое хозяйство. Но каждый год во время сенокоса я помогал деду в заготовке сена. Это было для меня святым делом. Да и удовольствие от сенокоса я получал: главное для меня была косьба, я испытывал чувство гордости, когда, встав в ряд со взрослыми и опытными косцами, широко и сильно маша косой, ни на шаг от них не отставал. С сочным хрустом валился срезанный моей косой густой пырей. И, напрягаясь, чтобы коса шла ровно, чтобы не отставать от идущего впереди, я чувствовал силу мышц от пяток и до шеи...

...Осталось перевезти сено с дальних паёв. Тут для перевозки нужна была бортовая машина. Конечно, можно было перевезти и на лошади, но это «удовольствие» растянулось бы дня на четыре. Уж очень далеко располагались эти паи, умается совсем лошадка, да и вряд ли потянет груз: дорога в одном месте шла в крутую гору. И под гору потом ехать «не сахар»: тормозить надо, а это тоже не легко.

Ещё вчера дядя Валя — это младший сын деда, молодой мужик лет двадцати семи, жил в этом же селе «примаком» у тестя — ходил к председателю колхоза просить машину. И председатель машину дал, правда с оговорками. Но его понять было можно: как раз начиналась уборка зерновых, а в колхозе тогда имелось всего четыре грузовые машины — ГАЗ-51. Не до жиру: в середине 60-х годов сель-

хозтехники в сёлах было мало. И машину дал с условием: перевозить сено только вечером после работы.

Как пришёл дядя Валя после разговора с председателем к деду, так все домашние сразу разволновались, занервничали: вдруг что-то не заладится, машина сломается или срочно для колхозных дел потребуются, шофёр вина выпьет лишка... И каждый по поводу предстоящей поездки за сеном высказывал свои опасения. Да и как иначе? Это событие особой важности для сельской семьи! Десятилетиями помнили мои домочадцы, как сено в тот или иной год привозили: и как в грозу попали, и как с горы крутой чуть в речку не сорвались, много чего случалось...

...Совсем недавно я проезжал на своей машине по памятным сенокосным местам. Трава стояла выше колен. И никто её не косил. Совсем не осталось коров на личных подворьях. В сельском магазине покупают мои земляки в картонных коробках порошковое молоко. Говорят, хватит, наломали спины; а которые вздыхают: непорядок это — при таких травяных угодьях бог знает какое молоко пить, которое и молоком-то не пахнет.

Чуть ли не тридцать лет прошло, как кончились мои сенокосы. Но многие эпизоды тяжёлой, но и радостной для меня сенокосной поры помню до сих пор отчётливо. Вот и тот вечер, когда привозили сено с дальних паёв, помню хорошо...

...Приедет или не приедет машина, гадали все. И я хочу каждому дать слово. И первое слово дам человеку, которого в то время уже не было с нами. Два года назад умерла моя прабабушка. Я оплакивал её уход в мир иной, как взрослый. Для меня она навечно осталась в памяти живой. Может, потому, что это был первый близкий и любимый человек из нашей семьи, который ушёл от меня куда-то навсегда.... Вот я приезжаю в свой отчий дом, а она меня не встречает на крыльце. Значит, умаялась и лежит, греет ноги на печи или, ругая незлобно ленивую современную молодёжь, дёргает сорную траву в огороде... Но она, безусловно, где-то рядом: а где же ей быть ещё?! Не на кладбище же под крестом с табличкой: «Спи спокойно бабушка»? Эту табличку её внук — дядя Петя — сделал на заводе из нержавеющей стали. И она пятьдесят лет висит, прибитая к дубовому кресту. А у меня все эти пятьдесят лет две претензии — конечно, несерьёзные — к дяде: почему только «бабушка»: она была тогда кому-то и мама, и прабабушка; и другая претензия: почему запятовую не поставил? Учила дядю правилам русского языка в школе моя мама...

Какой была моя прабабушка в рассвете лет, я не знаю, а вот к концу своего жизненного срока стала пессимисткой:

— Нонче ведь ни на кого надежды нет: все мужики только и знают — в рюмку глядеть.

При этом стояла или сидела бы она в сторонке и сказала всё это в момент, когда разговоры остальных членов семейства на время закончились и возникала пауза. Сказала бы она это тихо и с сожалением. Но так, чтобы все услышали её слова.

Мой дед — её зять — на это сразу бы отреагировал, резко и с нажимом прикрикнув:

— Хватит заранее причитать! Нытьём своим беду накличешь!

Я знаю, почему так зло отреагировал дед на слова прабабушки. Дело не в нытье и не в причитании: дед до недавнего времени был большой любитель выпить. И он скрытый намёк в свою сторону разглядел сразу.

После окрика деда прабабушка опустит голову и пойдёт, согнувшись сильнее, чем обычно, куда-нибудь в дальний уголок или полезет на печку. При этом тихо и скорбно скажет:

— Ну вот, опять не угодила...

Всхлипнет, чуть задрожит нижняя губа...

Так бывало. Почти всегда, когда решались важные семейные дела. А прабабушка когда-то была самой главной, и даже муж её, мой прадед, взял при венчании её фамилию...

Но в тот вечер прабабушки уже не было, а может, она спала тихонько на печке — кто знает...

Самым большим оптимистом был дядя Валя:

— Всё нормально будет! Что вы тут... — и он скажет какое-нибудь крепкое непечатное слово. — Витёк не подведёт, и никуда его не пошлют. Вы молитесь, чтобы дождя не было!

— Какой тебе дождь! — воскликнет бабушка. — И признаку никакого нет! И на завтра «ведро» обещали по радио.

— Нам по радио коммунизм скоро обещали, а пока и признаку никакого нет. Только из колхоза стали больше тащить. А что, может, это и есть коммунизм?

Оторвёт от газеты голову дядя Саша, самый грамотный и начитанный человек в нашем доме:

— Ну что вы за люди? Не приедет сегодня — завтра приедет. Каждый год вы нервы друг другу треплете, а сено хоть раз оставляли на зиму около леса?

Ну, тут все на какое-то время приумолкали.

Тем временем солнце начинало терять яркую желтизну и появлялись на огромном небесном светиле едва заметные оттенки розового цвета. Словно сговорившись, все в избе молчали: не дай-то бог каким нечаянным словом сглазить важное дело. Дядя Валя вышел за дом и стал смотреть на дорогу.

— Вот видите, я же говорил, что Витёк не подведёт! — на другом конце села поднялась пыль на дороге.

Я удивился интуиции своего дяди:

— А откуда ты знаешь, что это Виктор?

— А кто же ещё?

И дядя подробно рассказал, где сейчас находятся остальные три машины, и чем занимаются их водители. Помню, я удивился его осведомлённости:

— А откуда ты знаешь?

— Это деревня, Колёк! На одной стороне села бабка пукнет, а на другой уж обсуждают: заболела она или так — зорует.

— Ну, чё, поехали? — небольшого росточка, худощавый, подвижный молодой мужичок в фуражке набекрень, в огромном сером пиджаке выскочил из кабины и, тут же открыв капот, стал заглядывать с интересом в нутро механизма. Смотрел подозрительно, то и дело поматывая головой, словно сомневаясь в способности механизма совершить предстоящую работу.

Немедленно к машине вышли все домашние и стали здороваться с водителем, степенно, по имени обращаясь к нему. А он, не оборачиваясь, коротко бросал: «Здрасте, здрасте...»

Только тронулись — слышим, дед кричит:

— А гнёт-то!

— Да ладно, бать, там срубим! — крикнул дядя Саша.

— Што болташь! Где ты там срубишь?

Деда с собой не взяли. В кабину с водителем уселись мы с дядей Сашей, а дядя Валя поехал на мотоцикле впереди нас: он должен был заехать за дядей Толей — нашим всегдашним помощником в этом трудном деле — молчаливым, крепким, жилистым мужиком, по возрасту ровесником дяди Саши.

В кабине машины сильно пахло бензином, под ногами туда-сюда перекатывались какие-то железки, видимо, запчасти на всякий случай. Гнёт в кузове громыхал, его бросало из стороны в сторону. В открытые окна кабины врвался предвечерний воздух сенокосной поры — с запахами сухой травы, ароматами ещё не отцветших трав, свежестью реки, что протекала неподалёку. Я так хотел сидеть у окна, но это престижное место без лишних слов занял дядя Саша. Словоохотливый и контактный человек, он первым начал разговор:

— Загрузить бы машину побыстрее и доехать засветло.

Витёк молчал.

— А то в прошлом году шабёр наш Федя в темноте наперекосяк сена наложил на машину — она у него на бок упала.

— Чё-то я такого не помню! — подал голос водитель.

— Да ты что! Заново переключивали. Ещё хорошо, что его сын на мотоцикле был — светил, а то не знаю, как бы они справились. На

двор приехали в первом часу ночи. Кто дома остался, чуть с ума не сошли.

— Ты такие разговоры брось — накаркаешь!

— Накаркаешь!..

Я нутром почувствовал, что дядю задело такое к нему обращение, и он хотел уже начать назидательный и поучительный разговор о чистоте русского языка и деликатности, но с трудом воздержался: шофёр в селе — фигура неприкасаемая, и без особой надобности волновать его не следовало. И дядя Саша перевёл разговор на заработки механизаторов на селе, а потом стал о своей непростой судьбе рассказывать: это была его самая любимая тема. Шофёр больше молчал. Думаю, что он и не слушал дядю, а думал о том, чтобы побыстрее развязаться с этим делом, получить своё и уехать домой. Дорога, если добираться на машине, недлинная, но ехали не спеша, и дядя сумел намолоть слов немало...

Косили траву в основном мы с дедом. Дня два с нами косил дядя Саша — приезжал якобы по служебным делам в село, а сам помогал нам.

Косить я научился рано — лет в одиннадцать. Очень хорошо помню, как первый раз пришёл с косьбы. Бабушка ужин ставила на стол, а я, выпив залпом кружку холодного кваса из погреба, упал от усталости на кровать. Да так, видно, крепко уснул, что трогать меня пожалели. Утром бабушка стала меня будить, а я говорю, что, ужинать? Нет, смеялась бабушка, завтракать. Я хотел встать, а не мог: всё тело болело. Дядя Саша сказал: ничего, разойдёшься: всегда так бывает первый раз. И действительно, разошёлся. Косьба — работа тяжёлая, мужская, но порой и бабы косы в руки брали: а что делать, если мужик один не управляется или его, мужика, вообще в доме нет.

А вот сгребать валки, складывать копны — это уж женское и ребячье дело. Плохо, если дожди во время сенокоса зарядят — каждый день надо валки переворачивать, чтобы сено не сгнило. Для меня эта работа — муторная и бестолковая — была как нож в сердце. А в целом тяжёлое это дело — сенокос. В те годы из города родственники приезжали помогать сено заготовливать своим родителям, родственникам. Раньше это было в порядке вещей. Потом уж, как в стране нашей капитализм начался, почти перестали городские приезжать. Что сказать? Каждый за себя.

По правую сторону от машины раздался звук, похожий на шум идущего на взлёт «кукурузника». Это догнал нас на мотоцикле дядя Валя. Дядя ехал без головного убора, прямо держал спину и заметно, на публику, лихачил. А что? Он ещё молодой мужик был. Дядя Толя сидел в люльке.левой рукой он держался за край люльки, а правой

поддерживал фуражку. Со стороны было похоже на то, что дядя Толя принимает военный парад. Дядя Саша словно угадал мои мысли:

— Во! Авангард Кантемировской дивизии.

Я рассмеялся. Витёк никак не отреагировал на шутку.

Дорога пошла под гору. Открывался вид на широкую долину небольшой речки. Когда-то вдоль неё стояло несколько небольших сёл. А сейчас два или три дома с выставленными ставнями пустыми глазами глядели в вечерние сумерки.

Солнце наполовину уже скрылось за горизонт, когда мы начали нагружать машину сеном. Работали споро и скоро — домой приехали ещё засветло. Солнце скрылось, но закат алел. Его розовый цвет мешался с пылью, которую поднимали мотоциклы местной молодёжи и грузовые машины — свои и из других сёл. Над порядком села стоял серо-розовый шлейф пыли.

Дед стал настаивать на том, чтобы сразу с машины сено уложить в омёт. Дяде Вале было неудобно пред шофёром: это немалое время — соорудить омёт, и он стал спорить с дедом, убеждая его оставить укладку сена до завтра.

— Бать, давай мы завтра с утречка сложим, а Витькá отпустим, чай, у него свои дела! А сейчас гнётом подопрём и свалим.

— Ай! Какой ты прыткой! Сейчас сено пластами лежит — айда, клади его. А ты свалишь гнётом, переменёшь его, потом будешь целый день канатыриться.

Дед подошёл к шофёру:

— Ну, ты, чай, Виктор, подождёшь немного, а я уж тебя не обижу.

Виктор мнётся: ни да, ни нет... И дед рукой даёт отмашку: давай, клади омёт!

Дядя Валя нехорошо выругался, но это скорее для шофёра. Дед, несмотря на то, что без ноги был, сам стал закладывать омёт. Потом, когда определились контуры омета, в дело вступил дядя Толя.

Дед сделал своё дело — настоял на своём, скомандовал, заложил омёт и теперь усталый отошёл в сторонку, и стал наблюдать за нашей работой, как полководец за битвой. Дядя Валя сбрасывал сено с машины, а мы со старшим дядей подавали сено вилами с длинными черенками на омёт. Дядя Толя аккуратно, по «науке» раскладывал сено так, чтобы его и дождь не пролил, и чтоб зимой было удобно сено брать.

Вот тут и начался монолог дяди Вали. Иногда вступал дядя Саша. Дядя Толя молчал. А я смеялся от души, да так, что иногда задыхался от пыли и сухой травы, попадавшей мне в рот. Дед прикрикивал на сыновей:

— Хватит болтать-то! — это было его самое что ни на есть цензурное выражение. Дед был страшным матерщинником, хотя его мат звучал как-то естественно и не грязно.

Стало заметно темнеть. Все работники разделись до пояса: жара не спадала — к мокрым потным телам стали приставать мелкие сухие колючки, а вскоре в изобилии появились комары. Село стояло на берегу большого пруда, и пойма была болотистая. Один дядя Толя так и не снимал ни пиджака, ни фуражки. С раздражением и руганью мои дядья снова надели рубашки. У молодого и горячего дяди Вали внутри, чувствовалось, закипали разные чувства, требующие выхода.

— Ну, вот скажите мне, дураку: в какой ещё стране так заготавливают крестьяне сено? Ночью, как воры!

— Правду, Вальк, говоришь, — это дядя Саша, — всю жизнь русский мужик спину гнёт, работает, как проклятой, а по-человечески у него не выходит! Ты и обильная, ты и бессильная, матушка Русь, — попытался процитировать Некрасова знаток русской поэзии дядя Саша.

Возникла пауза в разговоре, некоторое время работали молча. И мне снова почудилось, что со двора, из темноты, тихонько и незаметно вышла прабабка Варвара.

— Вы бы омет-то рядышком к воротам лóжили — всё ближе зимой таскать-то.

— Ну тебя только не спросили! Давайте правление колхоза себе-рём. Там таких, как ты, советчиков до хрена! — это реакция деда.

Нет! Это мне почудилось. На самом деле из сеней вышла бабушка, молча подошла, посмотрела, как мы работаем, и также молча пошла назад в избу.

— Мама, дорогая наша мама, ты там что положено не забудь найти! — театрально, немного манерно крикнул дядя Саша. А бабушке, чувствовалось, это было приятно: нечасто сельские женщины получали словесные ласки.

Было видно, что молчаливый и сосредоточенный на работе дядя Толя при этих словах понимающе улыбнулся.

Работали мы, можно сказать, из последних сил, считай, с раннего утра сено тягали. Дядя Валя так и сказал:

— Ну, всё! Вот сложим омет, а там только картошку выкопать...

Дядя Валя был ещё молодой мужик, только вступающий в самостоятельную трудовую жизнь и нащупывающий свой путь в нелёгком житье-бытье. После службы в армии он сразу женился и уехал жить и работать в небольшой город. Но что-то там у него не заладилось. И вот он, как блудный сын, вернулся в родные пенаты. Пока жил с семьёй у тестя, но уже планировал переехать к отцу — моему деду. Однако чувствовалось, что в его голове были мысли и про городскую жизнь: в одном месте не наладилось, может, в другом наладится?

Темнота всё сгущалась. И вот уже друг друга мы узнавали только по силуэтам. А комары не отставали: они и через рубашки жалили. Всё тело от их укусов горело пламенем.

— Как тут работать?! — обращаясь то ли к деду, то ли к самому себе, восклицал дядя Валя. — Не видно же ни хера! Темно, как у негра в ж... животе!

Эта поговорка было тогда внове, не все её знали. Вся работающая бригада громко рассмеялась. Только дед молчал. Может, он и улыбнулся. Но в густых сумерках этого не было видно. Да я, зная деда, был уверен: не улыбался тогда он. Он вообще редко улыбался, когда вершилось важное, серьёзное дело. В других обстоятельствах — пожалуйста — и шутил, и стихи экспромтом сочинял, а сейчас... важное дело.

— И зачем я, дурак, опять в эту деревню приехал? — дядя Валя это предложение повторил в нескольких вариациях — я привёл самую благозвучную. — Вот Петруха (это брат дяди Вали) в городе живёт. Отработал свои восемь часов, пришёл домой, поел и на диван — телевизор смотреть. Красота! Вот это, я понимаю, жизнь! Надо молока — в магазин ходит, а там и ряженка, и кефир, и сметана. И никакого сенокоса нет.

Люди молча работали. Или соглашались с Валентином, или о своём думали. Наконец дядя Саша задумчиво произнёс:

— Город...

Помолчал немного, словно привлекая к себе внимание, и продолжил:

— Так, Вальк, и в городе надо крутиться. Что-то не больно хвалят свою городскую жизнь мужики, что туда из села уехали. Так, по пьянке про зарплату похвалятся... а не говорят, что эту зарплату они только в день полочки видят, а потом сразу жене отдают. Вроде дети они малые и копейки им доверить нельзя. Они и играют в дурачков — после работы скинутся на бормотуху и домой к скандалу приходят.

— Это кто как себя поставит, — вступил в спор дядя Валя, искренне полагая, что он уж как надо себя поставит, — в деревне ведь от труда ни продыха, ни роздыха: то на колхоз работай, то на своё хозяйство. А в городе стабильная зарплата. И отдых гарантированный. Чать, помните, как Петька в отпуск приехал весь обгорелый от солнца? Это, говорит, мы с Лорой на пляже отдыхали. На песке лежали и уснули. Целый день лежали на песочке и ничего не делали! А я тут за всё лето ни разу на рыбалку не ходил! А речка через село протекает, пруд под носом.

Дядя Валя помолчал. Сбросил несколько навильников сена на землю. И тут какое-то насекомое не слабо его укусило, может, и пче-

ла припозднившаяся: наша пасека рядом была. Дядя Валя крепко выругался. С манерным стоном потёр место укуса.

— А жара-то! Сдохнешь тут с этой коровой! — сказав про корову, он неожиданно перекинулся на другую тему (но всё в том же ключе: как плохо в деревне жить).

— А, пиво? Почему у нас пиво раз в году продают? Видите ли, в честь окончания уборочной! Что мы в селе, прокажённые?

— Ты прав, Валька, — поддержал его дядя Саша — большой любитель и пива, и других алкогольных напитков, — это раньше так помещики мужиков благодарили за труд после окончания летних работ. А пиво — да! Сейчас бы холодного пивка!

— Не трави душу, братик! — почти кричит дядя Валя. — Правильно я говорю, Анатолий.

Дядя Толя самоотверженно и молча работал. Два человека подавали ему сено, а он, стоя наверху уже заметно выросшего омета, жонглируя вилами и балансируя на шатком, ещё не просевшем сене, ловко укладывал подаваемое вилами сено.

— Вот сюда, на край кидай! А ты на меня — да не бойся — бросай!

Я бросаю пласт сухой травы прямо ему на грудь, он приминает под себя траву и тут же принимает навильник сена у дяди Саши и укладывает его аккуратно на край омета.

Дед стоит рядом, опершись на палку. Наблюдает.

— Может, передохнём? — это дядя Саша. На что дед тут же отозвался:

— Айда, отдыхальщик! Ай умаялся?!

— Не жалеешь ты, бать, детей! — с нажимом и едва заметной иронией говорит дядя Саша. Ему чуть за сорок. Сидячая работа в райцентровской конторе позволила ему заметно округлить живот. Когда дядя Саша отдыхал днём, лёжа на боку на диване, его живот смешно выкатывался рядом с ним, словно он для смеха спрятал под рубашку арбуз. Дядя Саша не в пример сельским мужикам заметно изнежен. Своей розовощёкостью, солидным брюшком, ранней лысиной он был в те годы похож на гоголевских персонажей из фильма «Ревизор». Дед, конечно, знал, что его старший сын не шибко устаёт на своей работе, поэтому сразу же пресёк попытку дяди Саши устроить перекур. Была и другая причина: нельзя терять набранный темп работы. Хорошо и ладно шла работа. И это несмотря на трудности, которые нам приходилось преодолевать: темнота, жара, пыль; прибавилось комаров, они нещадно жалили даже через рубашку, лезли в уши, в нос; рот нельзя было открыть: тут же залетал туда комар. Дядя Валя стал сильно материться:

— Вот и закуски не надо: комарами наедемся!

Своё нелестное мнение о деревенской работе и деревенской жизни высказывал и дядя Саша. А дядя Толя работал молча — только успевай ему пласты сена подбрасывать. Заметно стемнело, я видел лишь силуэт его, но зримо представлял, как по его худым, коричневым от загара скулам катится пот и по шее стекает за воротник рубашки.

— Бать! А Петенька наш сейчас лежит на диване. Телевизор смотрит и Лорочку свою по животу гладит, — никак не уймётся дядя Валя. Мысли о райской городской жизни, чувствовалось, одолевали его в данный момент крепко.

Наконец в разговор вступил молчаливый дядя Толя:

— Вальк, дался тебе этот телевизор — возьми да купи.

— Анатолий, тебе жарко? — дядя Валя на минуту остановил работу.

— Ну, жарко...

— А хочешь на часок снег, зиму, чтоб остыть?

— Да не мешало бы, — с улыбкой и с ожиданием подвоха отзывается дядя Толя.

— Вот сейчас закончим, и я тебя к своему другу отведу — к Феде Толмачёву. Ты знаешь, тут недалеко. Он нынешней зимой телевизор купил, «Рекорд-64». В самом конце зимы, в феврале. Помнишь, метели-то какие были? Кое-как мы с ним антенну поставили. Самую длинную жердь нашли. Птицы от неё, как ошалелые, шарахались. Включили телевизор, а в телевизоре снег идёт. Хоккей показывали как раз: СССР — Канада. Федька говорит, ну, небось, у них там снег идёт. Снег! Темнота ты, говорю, они ж в помещении играют. Ну, значит, это от погоды, сказал Федька, раз на улице снег, то и в телевизоре снег. Чуть ли не неделю метели мели, и в телевизоре у Федьки одни метели были. Но когда на улице стихло, в телевизоре всё равно снег шёл.

— Значит, приём плохой — не кажет; или антенну не так поставили, — свои догадки привёл дядя Толя.

— Да, вот так нас, деревенских дураков, и дурят! Кажут войну: Израиль арабов атаковал. Диктор говорит: танки в пустыне. А мы что видим? Танки в снегу. А может, это они на нас напали?

— Вальк, тебе бы юмористом работать, а ты телятам хвосты крутишь, — смеётся дядя Саша.

...Бывает, расскажет человек смешной анекдот, а никто не смеётся. А есть такие люди: простое слово с нужной интонацией скажет, и все от смеха падают. Вот такой был и есть по жизни дядя Валя. Помню, моя покойная мама, уже обессиленная годами и болезнями, иногда просила меня: «Давай к Вальке съездим: я его прикольчики хочу послушать». Дядя Валя уж восьмой десяток разменял, но «прикольчики» его были так же остры, как и в молодые годы.

А городской жизни дядя Валя завидовал в тот момент, я думаю, от минутной расслабленности душевной, от раздражительности: действительно устал человек. На него, на молодого мужика, много чего навесили: и тестю помощи, и своему отцу, и в колхозе работай...

— Нет, бать, как закончим сенокос, я в город на разведку съезжу, может, работу себе какую найду.

Дед недоволен такими разговорами младшего сына. Не хочет он, чтобы тот в город уезжал: один с бабушкой в селе останется.

— Айда, айда! Без тебя там дураков мало!

Но... разговоры разговорами, а работа идёт. Вот уж и завершает омет дядя Толя.

— Давай, слезай, Анатолий, — командует дядя Саша, — я омет завтра «причешу»: сейчас ничего не видно.

Мы протягиваем дяде Толе черенки вил, и он, опираясь на них, спускается на землю.

— Ну, слава тебе Господи и Изусь Мария! — перевирая библейские имена, восклицает дядя Саша.

Всё это время, пока мы складывали омет, шофёр Витёк молча сидел на брёвнах около сарая и беспрерывно курил папиросы. Как только мы окончили работу, дядя Валя подошёл к нему, достал из кармана брюк бумажную деньгу, положил её в ладонь шофёра и с чувством глубокой благодарности пожал руку Витька вместе с деньгой.

— Ну, большое спасибо тебе, Виктор! Выручил! Айда в избу, отметить надо.

Но Витёк стал мяться: ни да, ни нет.

— Всё понял! Я щас.

Дядя Валя, делая вид, что торопится, быстро сбежал в дом и вернулся с бутылкой «красенькой» (так раньше в селе называли вино).

— Ну, ты уж сам распорядись! — и протянул бутылку шофёру.

Витёк быстро огляделся по сторонам, как вражеский разведчик в шпионском фильме, буквально выхватил бутылку из рук моего дяди, и она моментально исчезла в бездонном пространстве его широкого пиджака. Как по военной тревоге, запрыгнул в кабину машины, завёл движок и был таков.

Дядя Толя сел покурить на брёвна у сарая. Вывески «Место для курения» здесь не было, но раз один человек тут две пачки папирос искурил, стало быть, курить нужно было именно здесь.

— Айда, Анатолий, айда! Чать, в избе покуришь, — торопит его дядя Валя.

— Ямщик, не гони лошадей, — поёт дядя Саша, намекая на торопжестость своего младшего брата, — помыться бы перед ужином не мешало, ведь, как негры, чёрные.

В начале лета соорудил дядя Валя душ: поставил четыре столба и на них водрузил бензобак, прикрутил рассеиватель для воды.

— Давай, давай, братик! Всё у нас есть: и душ, и вода тёплая в душе — чать, за день-то нагрелась? Всё, что вашей душе угодно, — это нарочито-услужливое обращение на «вы» к своему брату, с которым только недавно и ругался на чём свет стоит, и спорил круто, говорило о том, что дядя Валя доволен, что всё благополучно закончилось — самая тяжёлая сельская работа теперь пусть подождёт годик.

Братья скоро помылись. Дядя Толя отказался: дома помоюсь. Но, скорее, не захотел разводить всякие туалеты — застеснялся.

Мужики вошли в избу. Дед всё ещё ходил около омета.

— Ну, что, мам, всё готово? — дядя Валя оглядывает стол, заглядывает краем глаза, что творится около печки — там бабушка всегда готовила еду — и, чего-то не находя, робко так спрашивает: — А где это? Ты, чай, не забыла?

— «Это!» Вот без «этого» никак нельзя! — с напускной строгостью говорит бабушка, но по интонации её голоса тоже заметно, что она рада завершению работ — корова и овцы будут с кормом.

— Мама, милая мама, как тебя я люблю! — поёт популярную тогда песню дядя Саша. — Мама, это же самое основное на столе должно быть! — дядя входит в комнату довольный, румяный, в новой светлой рубашке. Он садится в «красный» угол комнаты. Над его головой божница. На ней икона со Святой Троицей. А рядом, посредине стены, как раз напротив стола висит картина с изображением Ленина. Ильич сидит за столом, читает газету и пьёт чай.

— Ну, слава Богу, сделали дело. И дело большое! — говорит дядя Саша. Он умыт, свеж и доволен жизнью — молодой и радостный мужчина.

...Да и бабушка с дедушкой в те годы ещё не старые: им по шестьдесят лет. Боже! Как давно это было! Мне уж седьмой десяток пошёл, а всё равно помню тот вечер, словно это было вчера...

Дядя Саша за столом вроде и на правах гостя, но в то же время и на правах самого старшего сына. Бабушка его любит, язык не хочет говорить, что сильнее других сыновей, но что-то было в её любви к нему особенное, может, потому, что первенец. Свою любовь к нему бабушка очень искусно маскировала...

— Ого! Глазунья! — радуется и словно удивляется дядя Саша (как деревенский мальчишка, впервые попавший в цирк, видит живого слона).

На огромной чугунной сковороде десятка полтора яиц: красно-оранжевые желтки; сковородка раскалена, — только сняла её бабушка с примуса — и глазунья на ней шкворчит и аппетитно пахнет.

Дядя Валя сбежал с фонариком на огород и принёс свежих, с грядки, огурцов, также помидоров, лука. В печи млеет баранина с картошкой: по случаю сенокоса «решили» ярочку. Наконец появилось на столе и «это». Пришёл с улицы дед. Степенно сел за стол. И вот что обидно: деду врачи запретили и пить, и курить. А как дед вкусно пил! Какие разговоры вёл! Но про эти дела в другом рассказе напишу, Бог даст...

Все окна в избе открыты. С улицы тянет свежестью, запахом сухой травы мешается с запахами, приносимыми ветерком с пруда: свежестью воды, поймой, зелёными ветлами. Пыль на улице улеглась. Изредка пройдут молодые люди, разговаривают, смеются. И стихнет всё. Тишина. Деревенская тишина. Слушаешь её, слушаешь и не наслушаешься!

Окна открыты. А комаров в избе нет. Этот факт меня удивлял. Вот мух полно. Но с наступлением темноты они садятся на потолок и не шибко надоедают своим жужжанием и укусами. Да летние мухи и кусаются-то не сильно...

Словно фокус какой-то: вдруг на столе появилось три гранёных рюмки. Ёмкостью семьдесят пять граммов. Если рюмки налить до краёв (а так всегда и делали), то получается шесть рюмок — и поллитровке каюк.

— Давай, Сашк, разливай, — говорит дядя Валя.

— А ты что, маленький? Не умеешь? — шутит дядя Саша.

— Долго вы рядиться будете?! Так вас растак! — ругается дед: он в своё время этим делом командовал звонко!

На его резкое замечание сыновья не обращают внимания. Дядя Толя сидит и улыбается.

— Да, ты старший — тебе и разливать! — это дядя Валя стремится соблюсти регламент. Было заведено так: разливает старший мужик, который либо хозяин в семье, либо самый главный родственник, но только не старик: старики не разливали по рюмкам спиртное. Очень мудрый был, на мой взгляд, порядок.

— Эх! Хорошая бутылочка! Жалко, маленькая! — говорит дядя Саша и ловким, заученным движением руки срывает с горлышка бутылки алюминиевую пластинку.

— Ну, родные мои, с окончанием сенокоса! Отмаялись и до следующего года!

В избе становится тихо. На несколько секунд. Дядя Валя скоро, чуть ли не одним глотком выпивает водку и запивает холодной водой. Дядя Саша, напротив, долго тянет из рюмки горько-сладкую влагу и, выпив, наконец закусывает; для начала каким-нибудь овощем — опускает небольшую сочную луковицу в солонку и с удовольствием её поедает, производя аппетитный хруст. Дядя Толя берёт рюмку в руку и на несколько секунд вроде бы замирает, словно го-

товится к ритуалу, таинству. Потом подносит рюмку ко рту, слегка запрокидывает голову назад и тремя глотками вливает водку в пищевод. Большой, острый кадык его при этом делает три возвратно-поступательных движения, как какой-то механизм. И, едва поставив рюмку на стол, тут же закуривает папиросу.

— Анатолий, ты закусывай, закусывай! Накуришься ещё, — уже с набитым ртом говорит дядя Валя и пододвигает к нему сковороду с яичницей поближе. Гостю неудобно такое избирательное отношение к своей персоне, и он двигает сковородку на прежнее место.

Какое-то время за столом тихо. Без разговоров, не спеша и с достоинством мужики едят.

— Вы что, жрать, что ли, собрались! — и дядя Саша решительным жестом, словно кому-то назло, наливает по второй.

— Уж больно ты прыткий, Сашок! — говорит бабушка, она не участвует в застолье: не принято было, чтобы женщины в данном случае сидели за столом.

— Мама, милая мама, как тебя я люблю! — снова поёт Сашок. И этого достаточно бабушке, чтобы снова растаять и заулыбаться.

А за окном становится прохладнее, свежий ветер из леса, что за прудом, дует в окна, наполняя комнату прохладой, свежестью и непередаваемыми никакими словами запахами именно этой округи, этого села.

А мужики, разгорячённые водкой и закуской, не чувствуют прохлады и распахивают рубашки. Дядя Валя вытирает живот тряпкой и с большим чувством выдыхает:

— Хорошо-то как!

Потом, немного помолчав, словно что-то вспомнив:

— Мам, баранину-то давай!

И, не дожидаясь, когда бабушка подаст жаркое, сам уже его несёт к столу.

— О! Да тут можно веселиться до утра! И сколько угодно водки можно выпить! — это дядя Саша.

— Ох, и избаловался ты, Сашка! — попрекает его дед.

Дядя Саша смеётся. И я, наверное, знаю, что он думал в тот момент: ты и сам был выпить не дурак, батя.

— Ну, дай бог, не последнюю! — разразился тостом дядя Валя, хотя в ораторском деле он супротив старшего брата никак не тянул.

— А Кольке-то что не наливаешь? — вспомнил обо мне дядя Толя. И его вопрос правильный: многие мальчишки в селе лет с десяти знали запах самогона.

— Он у нас ещё маленький, — говорит дядя Валя. И все за столом смеются: мне пятнадцать лет, и рост сто восемьдесят сантиметров. Да уж, маленький!

— Дед, ты медовуху-то достань. Она вроде ещё не дошла — сладкая, шипучая.

И я пью медовуху. Она холодная: из подвала. Пузырьки щекочут язык. Ноги тут же наливаются сладкой тяжестью и словно отнимаются. Разговоры мужиков за столом приобретают для меня большую остроту и солоноватость. Они и меня вовлекают в разговор — знают, что я читаю газеты и журналы, интересуюсь политикой и историей.

Из соседней комнаты вышла бабушка. В руках, прижимая к груди, она что-то несла. Это «что-то» было завёрнуто в тряпку.

— О! Мама! Что такое для человека мама? Это же самый дорогой человек! — дядя Саша вытирает платком пот со лба. И он, и все за столом поняли: бабушка принесла ещё одну бутылку водки.

И как хорошо сидели мужики! И если Бог есть, то, глядя на них, он воскликнул бы: вот таких людей я и хотел создать! И создал! А потому что только добро шло от этих людей: они жили на своей земле, и земля, словно в награду за уход и ласку, щедро кормила и поила их. И каждый из этих людей был на своём месте, каждый знал цену себе — своему труду, своим поступкам...

...Лет через пять дядя Саша переехал жить в город. Устроился работать в какую-то «шарагу». С женой развёлся. Нашёл другую — городскую. Жил на краю города. Иногда я приезжал к нему. Нечасто — раз в год. Я тоже к тому времени жил в этом городе — окончив институт, работал инженером на заводе. Помню, приехал к нему как-то зимой. Дядя Саша попросил сходить с ним в погреб за картошкой. Пришли. Включили свет. Небольшое помещение, умеренный беспорядок. Озираясь по сторонам, хотя мы были одни, дядя Саша извлёк откуда-то бутылку водки. Она наполовину пуста.

— Коль, ты же, наверное, не будешь? — виновато как-то и с надеждой обратился он ко мне.

Да я бы и выпил немного, но после таких слов...

Он налил в стакан ровно половину оставшейся водки и, морщась, словно пил серную кислоту, опорожнил стакан. Осталась четверть бутылки.

— Это мне на вечер, — и дядя Саша снова куда-то запрятал бутылку.

Что от него осталось, от того дяди Саши, что королём сидел за столом у своих родителей, который был уважаемым человеком и в своём родном селе, и на работе в районе, и в своей первой, родной семье? Грустно это. С тяжёлым сердцем уходил я от него...

...Мужики снова опорожнили рюмки и стали закусывать молодой бараниной. Считаю, с марта и по декабрь не едят мяса сельские жители. Ну разве петушка зарубят да побалуются мясной пищей. А тут

молодая баранина да в печке млевшая! Яичница уже давно усвоилась молодыми, здоровыми мужицкими организмами, а доза сорокаградусных капель вновь возбудила аппетит до немыслимых высот. Едят мясо мужики, уплетают за обе щеки. И тут дядя Валя неожиданно произнёс:

— Да в гробу я видел этот город!

Все, кто сидел за столом, бросили жевать и уставились на дядю Валу. Дядя Саша, обгладывая кость, сказал спокойно, будто давно ожидал этой реплики от брата:

— А я тебе про это всегда и говорю: нечего в этом городе делать! (Вот так сказал старший мой дядя, а сам всё же уехал в город.)

А дядя Валя продолжал, не забывая про картошку с бараниной:

— Я у Петьки в прошлом году в гостях был, дня три вроде жил и ни одну ночь нормально не спал: духота страшная, асфальт днём раскаляется и даже ночью не остывает; окно откроешь — комары или эти, длинноволосые оболтусы, на гитарах «бацают» до утра, на скамейке у подъезда, а Петька на втором этаже живёт. Я говорю ему: давай, Петьк, их разгоним на хер. А Лорочка: не надо, они красиво поют. Тьфу! Я им говорю: как вы тут спите? Это летом, говорят, плохо спать, а зимой хорошо. Я и зимой как-то у них ночевал и тоже не спал. За стеной всю ночь музыка громко играла. Я говорю: что это за праздник у них такой среди рабочей недели, они что, на работу не ходят? А Лорочка говорит: они аппаратуру музыкальную из Англии привезли и вот слушают. А здесь у нас тишина, никто нервы не треплет английской музыкой, а если какой оболтус на гитаре будет у меня под окном бацать, я ему живо башку оторву.

— Да. В городе спокойя нет, это ты прав, — подал голос дядя Толя. Он немного поел и в задумчивости курил.

А дядя Валя продолжал:

— Утром кое-как проснулись, голова болит не хуже, как с похмелья. Позавтракали по-бешеному — Петька на работу опаздывал — и пошли на остановку автобуса. Петьке на работу, а мне к тётке Лене надо было. Ну и что вы думаете? Подходит автобус, а в него войти нет никакой возможности. Люди в дверях висят, ну, как бы вам сказать, как пчелиный рой на ветке, — вот-вот свалятся, а всё прут, ещё цепляются. Автобус уж тронулся, Петька ухватился рукой за что-то внутри автобуса и побежал, потом подскочил и ногу одну просунул в автобус, другая на воздухе болтается. Акробат! Я ему кричу: «Петьк, не убейся, ну её на хер с этой работой!» А люди кругом стоят, смеются. На автобус к тётке Лене я и садиться не стал — спросил, как дойти, и пешком пошёл. За два часа дошёл. Во город! На фиг мне сдалась такая жизнь!

— И всё же в городской жизни есть и свои прелести, — вступил дядя Саша и, понизив голос, чтобы бабушка не слышала, словно по секрету, выдал мужикам, — ты вот здесь в деревне как к любовнице пойдёшь? На следующий день все будут знать — и нет, считай, семьи. А в городе куча возможностей.

Дед угрюмо молчал, дядя Толя молча посмеивался и качал головой. Это означало: прав дядя Саша.

— Не знай, тут так накана... тыришься, что не до любовниц, — дядя Валя так сказал, чтобы не потерять мужское достоинство, а на самом деле у него была красивая жена — куда от неё ходить!

— Нет, братик, не всё в городской жизни так просто, как тебе показалось.

— Ну, конечно, если ты не работяга, жить можно в удовольствии, — дядя Толя сам когда-то был жителем города, но судьба так сложилась, что жил он теперь в деревне, — а ты ещё не видел, как Петька работает. Он же в литейном. А там жара, как в парной. Он солёной воды за смену выпивает ведра два, да ещё и болванки раскалённые таскать надо. А они по пуду весят — не меньше.

— Вот это ни фига! А он мне особо не рассказывал про работу-то свою. Ведь это вредно для здоровья?

— Вредно!.. А без денег жить ещё вреднее. Тут у нас курорт по сравнению с литейным цехом.

— Эх, город, город! — дядя Валя задумчиво глядит в тёмное окно. — Сашк, что задумался, о любовницах? Наливай! А что по половинке?

— Ямщик, не гони лошадей, — дядя Саша всё песнями да стихами отвечал на вопросы младшего брата, — окончание сенокоса надо как положено отметить — посидеть, поговорить, а то за полчаса выедем всю водку. Правильно я говорю, Анатолий?

Дядя Толя стал открыто улыбаться, а то всё какой-то зажатый сидел, не то стеснялся чего-то?.. А теперь стало заметно, как хорошо и уютно ему в этой компании, что ему нравится дружеская атмосфера за столом, юмор дяди Вали и едва заметная ирония дяди Саши. Он принимался курить, но тут же гасил папиросу, видимо, без курева он не мог, но и воздух в избе табачным дымом не хотел отравлять. Он среди мужиков один был курящий: мои дяди не курили, а дед недавно бросил и курить, и выпивать. Врач в районной больнице ему сказал: будешь пить и курить — умрёшь. В этот же день дед вредные привычки оставил в прошлом. А как он курил самосад! Бывало, так зачадит на пару со сватом — не то что топор, кувалду вешать в избе можно было. Ну и под выпивку разговорчивый был, да всё с шутками-прибаутками, да всё в рифму старался связать предложения. Приехал как-то дядя Саша

зимой, сели обедать, и говорит он: вот, мол, дескать, сейчас бы жареной рыбки! На что дед тут же парировал: «Рыбки? Зенки будут прытки!» Сказал бы это дед мальчишке маленькому — не смешно было бы, а тут было сказано взрослому человеку и потому прозвучало комично. Сейчас дед за столом сидел смиренный и скучный. Иногда, правда, через вынужденное до самой смерти воздержание всё же нет-нет да и блеснёт прежний дед. И снова молчит. Только сыновей одёргивает.

Медовуха меня совсем расслабила и расквасила. И весело было мне, но и тоска непонятная, может быть, ещё ранняя для моего возраста, вдруг тихонько заглядывала в душу. Нет-нет да бросал я взгляд на печку: не сидит ли там прабабка Варвара, наблюдая за нашим застольем? Ведь я в глубоком детстве частенько на пару с прабабушкой сидел на печи, свесив ноги. Мой взгляд заметил дядя Саша:

— Да, Коля, вот так жизнь устроена — никуда от неё не уйдёшь!

И он принялся разливать по рюмкам остатки водки.

Я посмотрел на бабушку, что постоянно ходила между столом и кухней, и выступил за равноправие женщин:

— А почему бабушка с нами окончание сенокоса не отмечает? Она побольше некоторых работала!

— Коля! Дорогой мой племянник! Хотя ты и большой уже стал, можно сказать, юноша, но не всё ещё в жизни понимаешь. Ты думаешь, мы тут за сенокос пьём? Нет! Это только повод. Мы тут с мужиками ритуал совершаем, таинство. Расслабляемся и после тяжёлой работы, и вообще. Вот возьми какая, не дай бог, неприятность случится: и бабушка, и мама твоя — они и поплачут, и попричитают, а некоторые городские нервные дамочки в обмороки падают. А нам, мужикам, нельзя, не положено нам слёзы лить. А нервы... у нас ведь тоже нервы! И наши слёзы — вот они где, — и дядя Саша постучал ногтем указательного пальца по бутылке. — Правильно я говорю, Анатолий?

Как самый молчаливый и задумчивый человек дядя Толя за столом был в явном авторитете.

— А ты заметил, Сашк, Петенька никогда отпуск в сенокос не берёт. Приехал бы, помог, — поддержал разговор дядя Валя.

— И правильно делает. У него на работе, считай, каждый день сенокос, тяжёлая у него работа, — тихо, покуривая папиросу, сказал дядя Толя.

— Да это я так — к слову, — сконфузился дядя Валя и, уже обращаясь ко мне, хлопывая меня своей тяжёлой рукой по плечу, говорит: — А вот мы завтра с племяншом на рыбалку пойдём. С бредешком.

— Какая тебе рыбалка! — восклицает дед и острым взглядом пытается поставить младшего сына на место. Потом начинает перечислять дела, что надо завершить до зимы.

— Эх, бать! Да эти дела за всю жизнь не переделаешь, а жизнь-то и пройдёт! — неожиданно по-философски выразился дядя Валя.

И вроде бы уж обо всём поговорили мужики: и про сенокос, и про колхоз, и про город, и про международную политику, — а как же без неё — а разговоры всё не кончаются и не кончаются. И чем меньше жидкости остаётся в светлой бутылке с зелёной этикеткой, тем сильнее желание у каждого, сидящего за столом, поделиться своим самым сокровенным и тем, что душу теребит. Вот и дядя Толя начинает неспешный рассказ о своей непростой судьбе, но чувствуется, что он всё же скрытен — всю душу нараспашку не открывает, но за намёками и жуткими фактами из своей жизни, и паузами, недоговорками чувствуется его горькая, непростая судьба...

Первым засобирился дядя Валя: семья-то его у тестя, и, видно, его заждались уже там. За ним поднялся и дядя Толя.

А я пошёл в другую комнату, не раздеваясь, прилёг на кровать. Медовуха сильно меня разморила, да и устал я за день.

И тут дядя Саша стал чудить. Он надел пиджак, на голову фетровую шляпу и вышел на улицу.

— Ты что, Сашк? — спрашивает его бабушка.

— Да вот хочу сходить к Елене Павловне.

— Куда? Ты что? С ума сошёл? Скоро уж коров выгонять. Иди спи, ради бога!

— Так ведь это моя первая любовь! Говорят, овдовела Елена Павловна, одна живёт.

Тут дед не выдержал, высунулся из окна и покрыл старшего сына многоэтажным матом.

Дядя Саша никак не отреагировал на выпады деда и всё стоял около дома. Я встал с кровати, чтобы поглядеть на него. Из окон шёл свет, и было видно: дядя Саша стоял прямо, он как-то старательно выпрямлял спину и смотрел в ту сторону села, где, по его словам, жила сейчас одиноко его первая любовь. Дядя улыбался — с сожалением и лёгкой грустью. И что меня удивило: под мышкой он держал кожаную деловую папку для бумаг. Я подумал: для солидности это он её решил прихватить. Чем закончилось это намерение моего дяди, я так и не узнал — снова лёг на кровать и провалился в глубокий сон. А когда проснулся, дяди Саши уже не было: он уехал домой, в райцентр...

Вот этот день мне надолго запомнился — день завершения сенокоса в семье деда. А теперь нет прежних сенокосов в селе. Тяжёлый это труд — сенокос. Может, и правы те, кто говорят: слава богу, больше спину не ломаем. Я, наверное, соглашусь с ними. И всё же вместе с сенокосами что-то ушло из села. То, что селян объединяло, ведь вместе делили паи, рядом, бок о бок, косили и убирали сено, бы-

вало, и помогали друг другу. Нету этого теперь. Все по избам сидят и телевизор смотрят. Сейчас телеприём хороший — никаких метелей на экране. И американские танки уютжат арабские пустыни так, что пыль столбом, и нет там никакого снега...

А мне жаль, что ушли в прошлое сенокосы...

...На рыбалку с дядей Валею мы всё же через день сходили. Вернее съездили на его мотоцикле. После обеда мы взяли небольшой бредень и поехали за село вниз по реке — туда, где большие омуты и ямы, где большая рыба водилась. Я с собой позвал друга Женьку. Мы с дядей Валею тянули бредень, а Женька стоял на перекате и ботал — пугал рыбу, чтобы она за перекат не ушла. Наловили много больших пескарей и с десяток голавлей и язёй, не шибко больших, но и не маленьких. После рыбалки дядя Валя по-честному разделил улов на три равные части. А перед тем как ехать домой, интригующе сказал:

— А сейчас мы улов отметим! — и достал из мотоциклетной люльки сумку.

— Вы уж, чать, не маленькие, пора к мужским делам приучаться.

На свет появилась бутылка с красивой этикеткой. На этикетке был нарисован красный перец. Это была «Перцовка» — алкогольный напиток 28 градусов. В качестве закуски дядя Валя прихватил несколько кусков варёной курицы, хлеб, огурцы и варёные куриные яйца. Бутылку он предложил выпить разом, в один приём, и достав три гранёных стакана (всё ведь предусмотрел), разлил напиток.

— Вы дурью не глотайте, но и не тяните, не приноховивайтесь, — учил нас дядя.

Жидкость сначала обожгла пищевод, а после по всему телу, по каждой клеточке организма разлилось тепло.

— Что? Хорошо? Чтобы не простудиться, «Перцовка» — это первое дело.

Мы стали поедать привезённую дядей снедь.

— Ну как? Не захмелели? Вы дома не рассказывайте, что я вас тут спаивал!

Мы с Женькой, конечно, пообещали.

Мы втроём сидели на берегу реки, на мягкой зелёной траве. Вдоль реки тянулась гряда высоких гор. Я лёг на траву и стал смотреть на синее небо. Боковым зрением я видел горы и лес на горах. Они вдруг тронулись с места и стали тихонько мимо меня двигаться. И так мне стало хорошо! Я закрыл глаза и почувствовал, что сам я тоже стал двигаться вместе с горами и лесом. Или это я почувствовал вращение Земли?..

Находка

Владимиру Сеницкому

Они были такие белые! Как выпавший снег! Мне показалось, что от них исходит белое свечение. Они лежали аккуратной кучкой, и, если бы не ветер, который сдул прикрывавшие их серо-жёлтые палые листья, я бы прошёл мимо, ничего не заметив. Прежде чем взять их и отнести в дом, я подумал: а не испортились ли они? Когда я приезжал сюда последний раз? Недели две тому назад. Лежали они уже здесь? Это вопрос. Даже если бы и лежали, обнаружить их я смог, только целенаправленно занявшись поисками. Но об этом и речи не могло быть: откуда мне было знать, что они лежат здесь, рядом с верандой, прикрытые молодыми порослями черёмухи.

Так! Допустим, что они лежали тут последние две недели. Но всё это время было прохладно, шли дожди — оттого, видно, они такие белые и чистые. Жары, даже тепла не было. Нет — не могли они испортиться. Я принёс из дома миску и собрал куриные яйца. Их оказалось ровно девять штук. Первое, что мне пришло на ум, когда я их пересчитал: «ровно» (!) девять. Девять яиц можно положить в три ряда по три яйца в каждом ряду и получится «ровный» квадрат. Можно сделать «ровную» пирамиду: в основание положить пять яиц, второй ряд — три яйца и сверху одно. Да мало ли чего «ровного» можно сделать из девяти ослепительных белых куриных яиц? Да что угодно!

Но скоро мои мысли об абстрактном заменились мыслями вполне прагматическими. Сегодня я буду есть свежие (надеюсь) деревенские куриные яйца! Какое это удовольствие! Как их сварить: вкрутую, в «мешочек»? Или пожарить яичницу? Всё хорошо. Но девять яиц — это же много. Я поживу в своём загородном доме два дня. Много яиц, говорят, есть вредно. Значит, пять яиц я отвезу домой жене — она очень обрадуется: где в городе взять настоящие деревенские яйца?

После прагматически-гастрономических мыслей вдруг «припёрлись» в мою голову (совсем не нужные) мысли о совести и справедливости. Да так меня «припёрли», что я понял — пока не разберусь с этими мыслями, не приму какого-то решения — к куриным, ослепительно-белым яйцам я не притронусь.

Главная проблема: эти, найденные у моего дома, куриные яйца не мои: они «чьё-то». Потому что у меня нет кур. Зато куры есть

у моих соседей: у тётки Раи и у «затворников» — соседей, живущих через дорогу.

Дом тётки Раи стоит рядом. Наши приусадебные участки разделены хлипким, шатающимся забором. Её куры, бывало, заходили в мой огород, находя щели в заборе; но заходили только весной поискать земляных червей. Летом и осенью её кур в своём огороде я не видел.

«Затворники» были в селе людьми приезжими. Они, как и я, купили дом в селе, но раньше меня года на три. Я купил дом как дачу и наезжал временами, а они жили постоянно. В селе их считали странными: никуда они из дома не выходили, разве что раз в неделю ходит в магазин хозяйка, а муж её на люди почти и не показывался. Об этом мне рассказала тётка Рая: она была в курсе всех сельских дел.

Вот два претендента на девять яиц.

Тётка Рая была уже немолодой женщиной, жила одна. К ней приезжали дети со внуками из города, но нечасто. Во всяком случае не так часто, как хотелось бы ей. Одиночество тяготило её, и она, бывало, приходила ко мне на беседы. Из вежливости я их поддерживал. Беседы на житейские темы. Нередко она обращалась ко мне за помощью — я, конечно, не отказывал. В общем, мы с ней жили по-соседски хорошо.

А вот с «затворниками» было непросто. За три года моего спонтанного проживания в селе я два раза обращался к ним с просьбами помочь. Помню, пришёл я к ним просить цемента. Встретила меня хозяйка. Потом из полумрака комнаты вышел муж. Молча отсыпал мне полведра цемента. Деньги брать наотрез отказался, может, для того, чтобы я к ним больше не приходил. «Если вам что-нибудь надо будет — обращайтесь ко мне», — сказал я, уходя. Год я их не видел. За помощью ко мне они не обращались. А через год мне срочно потребовались спички: вечером хотел растопить голландку, а спичек нет. У тётки Раи окна уже не светились — значит, улеглась спать, и я пошёл к «затворникам». Они мне отказали — небрежно так бросили: «Нету спичек», — и захлопнули за мной дверь.

У «затворников» имелись куры. Куры их, в отличие от хозяев, не были затворниками. Они почти постоянно ходили около моего дома. Ну, ходят и ходят, не гонять же их: они мне не мешали.

Вот задачка у меня получилась: с какого двора курица ко мне заходила?

Я стал анализировать.

Тётка Рая вызывала у меня больше симпатий, поэтому я начал рассматривать её кандидатуру на обладание девяти яиц как главную. Её куры не заходили в мой огород летом и осенью, но одна-то курица могла потихонечку складывать яйца около моей веранды под порослями черёмухи? Могла.

Если я отнесу эти яйца к тётё Рае, откажется она от них? Конечно, я скажу ей, что меня терзают сомнения: не «затворников» ли это яйца? И выложу ей все аргументы.

За три года я свою соседку хорошо изучил и твёрдо знаю: тётя Рая яйца всё равно возьмёт. А на вероятность того, что яйца могла нести курица «затворников», она просто махнёт рукой: «Нечего, мол, ерунду думать». И такая безапелляционность мне не понравится.

Как только я дом купил, стал я сразу покупать куриные яйца у тёти Раи. С полгода покупал. И вдруг торговля прекратилась. «Нет, — говорит, — яиц. Что-то куры нестись перестали». А после всё-таки проговорилась, что это дети не разрешают ей яйца продавать: сами всё в город к себе увозят. Много чего увозили её дети в город, а огород старуха одна вскапывает и пропалывает его одна, и даже когда на день-другой дети её великовозрастные приезжают, полить огород не соизволят. Знай одно: шашлыки, выпивка и грохот музыки из машин до рассвета. За лето, случается, я раза два-три из-за их музыки не высыпаюсь. А ведь она этим «деткам» пятидесятилетним отдаст эти яйца! Я как-то подошёл к тётё Рае с разговором, что, мол, негоже соседям спать не давать до утра. А она мне говорит с хитрым и оправдывающимся смешком: «А я сплю, внимания не обращаю».

Что-то перехотелось мне тётё Рае первой предлагать яйца.

А что с «затворниками»? И я представил, как я приду к ним с миской куриных яиц. Увижу хмурые взгляды и, чтобы растопить благодарную улыбку на их лицах, скажу радостно: «Вот куриные яйца принёс. Предполагаю, что они ваши». И выложу свои аргументы, в том числе и соображения насчёт тёти-Раиной курицы.

Мужик, даже не улыбнувшись и не отблагодарив, без слов возьмёт из моих рук блюдо и грубо скажет: «Да, это мои яйца». Жена поддакнет, поджав узкие губы: «Да, да, это наши яйца».

«А может, они тёти-Раины»? — спрошу я.

«У тёти Раи не может быть яиц», — скажет хмурый муж.

«Что вы имеете в виду?» — спрошу я его, удивлённо и с некоторым раздражением.

А может, он так вот шутит? Говорят же, что почти все знаменитые юмористы и комики в жизни — жуткие зануды и хмурые люди.

Хмурый муж ядовито ухмыльнётся. Так и есть — пошутил: он мужик — с яйцами, а тётя Рая — женщина, и природой яйца у неё не предусмотрены.

«Ты грубый и тупой мужлан! — крикну я ему. — И ты недостоин яиц!»

С этими словами я вырву у него... миску с куриными яйцами и уйду от них.

И что дальше?

Как-то однобоко я рассуждал. Курица — это мама. А кто папа? Интимная жизнь царя-петуха мало интересовала сельских хозяев, но мне-то надо докопаться до истины, до самой сердцевины проблемы.

Может же быть так, что тётки-Раину курицу топтал петух «затворников», а может и наоборот. Тогда надо разделить яйца поровну между соседями. Ровно не делится — придётся одно яйцо себе оставить и про него не заикаться — сказать, что нашёл, вот — восемь яиц.

Здесь мне может возразить пытливый читатель: мы-то, мол, знаем: курица может нести яйца и без петуха. (Правда из них цыплёнок не получится). Но минуточку!.. Эта курица была — наседка. То есть она хотела, повинувшись инстинкту, побольше нанести яиц, сесть на них и вывести цыплят. И она знала, поскольку была под петухом, что яйца эти не «пустые». Вот ведь в чём дело!

Мысли, мысли...

Пока в голове у меня накручивалась детективная история с соседями, курами, петухами, руки мои делали... яичницу. (Я забыл про своё решение не трогать яйца, пока не определю, по праву ли мне они принадлежат). У меня был свой рецепт приготовления жареных яиц.

Колечками режем репчатый лук, кладём его на сковороду с кипящим маслом. Только-только лук начнёт румяниться — убираем его со сковороды и высыпаем туда мелко нарезанную копчёную — лучше твёрдокопчёную — колбасу. Ждём, когда она слегка поджарится и выливаем на сковородку заранее приготовленную, разбавленную водой томатную пасту; в сковороду снова засыпаем лук. Чтобы вода побыстрее выпарилась, прибавляем под сковородкой огонь. Только томатная паста станет приобретать золотисто-красный оттенок, быстренько разбиваем яйца и равномерно помещаем их на сковороду. Конечно, солим. И вот когда белки яиц начнут становиться золотисто-красными по краям — тут же гасим огонь под сковородой.

К такому блюду нужна хорошая выпивка. Всё у меня было: водка, колбаса, репчатый лук со своего огорода; масло и томатная паста в холодильнике. Вот как всё расчудесно получилось! Ведь я и не мечтал ни о какой яичнице.

И вот уже первые сто грамм, устремились по пищеводу, словно бобслеист-саночник по ледяному желобу, обещая хорошее настроение...

Яичница — блеск! Чудо! Я ещё и укропчику свежего принёс с огорода.

А мысли о происхождении яиц уносили меня всё дальше и дальше...

Дальше, по порядку села, в соседях у тётки Раи живут Фиковы. Муж и жена. Люди они ещё нестарые и очень бойкие. Так кричат

друг на друга, что мне через дом и участок тёти Раи всё хорошо слышно. Но это они не ругаются: это у них такой характер взрывной у обоих. И все их домашние животные им под стать: телёнок бодаётся, собака кусается, петух клюётся. У них два петуха. И один петух нещадно «долбит» другого. Это непорядок — надо слабому голову отрубить, но Фикусовы этого почему-то не делают. И что получается? Сильный петух не допускает слабого до кур. Этот вариант я много раз наблюдал: вырос-то я в деревне. А что делать «слабаку»? Догадались? Ходить к курам тёти Раи и «затворников». Там петухи не бойкие, может, и разрешат своим курам нечаянную измену. Ах, как всё закрутилось!

Вот и вторые сто грамм олимпийским саночником-чемпионом понесли по пищеводу к желудку, обещая отличное настроение...

И мысли, мысли!.. Сколько удивительных и разнообразных мыслей могут вызвать двести граммов русской водки!

И тут я вспомнил: случилось мне как-то жить в замызганном общежитии одного маленького заводика в нашей области. В командировку меня туда послали. Давно это было — ещё в брежневские времена. И я там, в своей комнате, обнаружил в тумбочке куриный помёт и керамическую тарелку с остатками перловой крупы: видимо, в тумбочке жила курица и питалась из тарелки. Я спросил у вахтёра: «Что это за фигня?»

«А что, не убрали? Вот разгильдяи! — вахтёр был явно раздосадован нерасторопностью уборщиц. Сказать-то неудобно... Работник завода там жил, уголовник бывший. Так вот он эту курицу... таво...»

«Не может быть!» — говорю.

Вахтёр сплюнул в сторону и стал листать журнал дежурного...

...Я встал из-за стола, вышел на улицу. Зачерпнул пригоршню воды из ведра с дождевой водой и умылся. Ещё покойная прабабушка меня учила: «Будет тебе плохо на душе, будешь не в настроении или в замешательстве — умойся холодной ключевой водой, а ещё лучше, — дождевой: она с небес, от Бога, и смой с себя тоску и нечисть...»

...На улице вечерело. В доме «затворников» зажглось одно тусклое окно. Звонким голосом тётя Рая стала звать своих кур в сарай на насест: «Цыпа! Цыпа! Цыпа!..»

Первое сентября (Сон)

*Нет понятий «добро» и «зло» —
Ты не знаешь, что есть что.*

Вангал

*Ты должен делать добро из зла,
Потому что его больше не из чего делать.*

Роберт Пенн Уоррен

Не удивляйтесь фантастическим и неправдоподобным событиям, описанным в этом рассказе. Это только лишь сон. Мой сон.

Когда на нашу страну нагрянула эпоха перемен, я оказался на обочине жизни — без достойного заработка, без перспектив. Распадалась моя семья. И в голову, как черви, полезли мысли: а может, дело не в стране, не в переменах, а может, дело во мне самом? Пытаясь разобраться в себе, понять себя, я принялся читать книги по философии, психологии. Во многих книгах, особенно по психоанализу, авторы большое внимание уделяли снам и даже советовали своим читателям сразу же после пробуждения эти сны записывать, чтобы потом их анализировать. С энтузиазмом принявшись воплощать эти советы в жизнь, я обычно исписывал несколько листов бумаги: сны были длинными и замысловатыми. Это было обременительно для меня, и вскоре эти занятия я прекратил. До сих пор кое-что осталось из этих записей в моих старых записных книжках. Параллельно сюжету основного рассказа я разместил в нём и три эпизода одного записанного мною давнего сна. Для чего я это сделал? Думаю, читатель интуитивно поймёт — для чего. Именно интуитивно, так как в снах нет логики в житейском понимании этого слова.

Здесь надо ещё добавить, что некоторые сны, не страшные, но мистические и загадочные, плохо действовали на мою психику, и даже то, что снилось в раннем детстве, продолжало ранить мою душу и позднее, когда я уже совсем повзрослел. Чтобы не копить «плохих»

сновидений, я придумал способ, как их забывать. Это делалось повторным засыпанием после увиденного сна. Было придумано название этому методу — «заспать сон». Не всегда, однако, этого удавалось достичь.

И я решил, вспомнив свои прошлые упражнения, записать последний увиденный мною сон. Он уже много дней не то чтобы рвёт душу, но отзывается тёмной тоской и тревогой. Думаю, напишу, выплесну вместе с чернилами на бумагу все события и переживания сна, может, немного успокоюсь...

...Я сел на старенький велосипед ПВЗ и начал движение от центра города к его окраине — рабочему посёлку. Этот район имеет в городе плохую репутацию: нищета, пьянство, наркомания, хулиганство. Это место расположения огромных заводов ВПК бывшего СССР, которые вот уже полтора десятилетия практически не работают. Здесь ободранные «хрущёвки» соседствуют с перекосившимися от старости деревянными домами, попадаются трёх-четырёхэтажные здания из красного кирпича, построенные ещё в конце 40-х годов прошлого века пленными немцами.

Я ехал, не спеша и без усилий крутил педали, наслаждался солнечным днём. Конец лета, уже не жарко, но ещё и не холодно. Подует ветерок, и на какое-то мгновение окружают тебя струи холодного воздуха, как нечаянный и преждевременный знак от будущей зимы, а потом солнышко снова пригреет.

Странно! На обочине дороги, вытянув руку, меня попросил остановиться и подвезти его до нужного ему места мужчина. В наше время и в нашем возрасте люди не перемещаются по городу на раме или багажнике велосипеда. Мужчина прилично одет, на вид ему, как и мне, лет пятьдесят.

Место, где возник этот человек, мне не просто знакомо. Здесь когда-то давно со мной произошёл неприятный и загадочный случай. Я, уроженец села, в детстве иногда приезжал с родителями в город. Отец говорил: «Привыкай, сынок, к городу. Придёт время — приедешь сюда на учение».

В один из таких приездов, прогуливаясь по городу, я шёл по проезжей части широкой улицы. Надо было, конечно, по тротуару, но он располагался чуть выше, и чтобы на него попасть, мне пришлось бы истоптать нежную зелёную травку газона. Я шёл рядом с бордюром, иногда по бордюру и решил дойти до бетонной лестницы, и по ней уже подняться на тротуар.

Что-то заставило меня оглянуться. Может, подозрительная тишина на шоссе или, наоборот, звук приближающегося автомобиля.

Я оглянулся и увидел: посередине дороги, попутно моему движению, на большой скорости, мчалась чёрная блестящая «Волга». Мне бы отвернуться, но я с любопытством стал смотреть на автомобиль. И вдруг, приблизившись ко мне, «Волга» сделала резкий поворот в мою сторону. То ли чьи-то невидимые руки, то ли неведомые и необъяснимые силы земли меня мгновенно вынесли метра на два вверх по газону. Машина проехала там, где я стоял, слегка задев бордюр, и затем снова вырулила на середину дороги. Тогда я даже не испугался. Но до сих пор, вспоминая этот случай, задаю себе вопросы. Меня хотели убить? За что? На безлюдной улице, без свидетелей. Хотели убить на спор? Хотели убить именно меня или меня с кем-то спутали? Не понравился мой взгляд?..

...Лет через десять, как и предполагал отец, я приехал на учение в город. И так получилось: снимал жильё недалеко от этого загадочного места. Часто проходил мимо. Иногда представлял, глядя на зелёный газон: а если действительно меня бы насмерть сбила машина? Проезжая часть дороги была широкой, но машин здесь всегда было мало и народу на улице — почти никого. Значит, меня, убитого, не надо было никуда отвозить, а можно было быстренько закопать в газон. Фантазии эти доводили меня до сумасшедших мыслей: один «я» лежал безжизненный почти десять лет под травой газона, другой «я» жил себе в удовольствие, учился в институте, ходил рядом по тротуару и смотрел на зелёную травку...

...Мужчина стоял с вытянутой рукой на том же месте, на том же газоне, куда меня выбросила много лет назад спасительная сила. Оказывается, мне по пути. Он сел на багажник моего велосипеда, и мы вдвоём поехали дальше. Но нагрузка на ноги возросла, мужчина не держал центр тяжести, и велосипед начало болтать в разные стороны. От такой езды нет никакого удовольствия, и я придумал повод, чтобы избавиться от нечаянного попутчика. Я сказал, что мне надо заехать в некое учреждение. К моему крайнему неудовольствию, мужчина сказал, что и ему туда же надо.

Мы вошли в помещение. Много света и зелени. Пальмы, фикусы, экзотические цветы: на полу, на столах, на стенах, подвешены к потолку. И много молодых женщин, собственно, в помещении одни женщины. Они хорошо и со вкусом одеты: на них платья и костюмы светлого тона, почти белые. Эти особы снуют туда-сюда мимо экзотической зелени и непрерывно и одновременно о чём-то говорят между собой. Это похоже на щебетание птиц. Белые птицы в райском саду! Что здесь делают эти милые создания, не работают же?! Где и как живут они вне этого «сада»? И мыслимы ли они вне этого пространства? Да реальны ли они?!

Мой спутник, не задавая себе, наверное, этих вопросов, смотрел на всё окружавшее его с восторгом. И вдруг сказал:

— Николай, я недавно познакомился с одной тоже очень интересной и красивой женщиной. Её зовут Марина. Давайте за ней заедем. Это по пути, и живёт она в том же районе, куда вы едете.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я слышал, как вы по сотовому кому-то сказали: «Зовите меня просто Николай». А меня зовут Никодим.

Я внимательнее пригляделся к этому человеку. Взгляд выдавал в нём так и не повзрослевшего подростка: едва заметные искорки озорства мерцали внутри его глаз. («Никодимка», — про себя подумал я). Отчего-то задал ему нелепый вопрос, может, желая пошутить:

— А почему в такой светлый, праздничный день (было первое сентября) вы во всём чёрном?

На нём чёрные брюки и чёрная рубашка. Одет он хорошо, но стиль его одежды несколько старомоден: костюм скроен на манер шестидесятых-семидесятых годов прошлого столетия. Впрочем в глаза это не сильно бросалось.

— Понимаете, вся моя светлая одежда уже много лет дожидается стирки.

— А что не постираете?

— Представляете, не знаю, как это сделать: у меня нет чёрных стиральных порошков, и я не знаю, где их взять.

— ?

— Ну как же? Я стираю свою чёрную одежду белым стиральным порошком, значит, белую надо стирать чёрным.

Что за глупости? Он тоже шутит?

— А вы женаты?

— Нет. Давно развёлся. Надоели упреки жены: она всегда попрекала меня тем, что мне нравятся только её тёмные места, а на светлые якобы не обращаю внимания. При этих словах она пальцем указывала на свой лоб.

О-о-о! Эта дискуссия надолго! А мы вроде бы спешим. К тому же Никодим, как я подумал, вряд ли захочет углубляться в эту тему.

Мы вышли из офисного центра. И тут я с удивлением обнаружил, что мой велосипед исчез, а на его месте стоит роскошный автомобиль — большой, ослепительно-белый седан.

— Это по пути, — ещё раз говорит Никодим, — сначала прямо по проспекту Гагарина, через четыре квартала свернём направо, будет тупик Циолковского, там школа.

— Она учительница?

— Нет. Марина сегодня сына в первый класс повела.

Я знаю эту элитную городскую школу. Проезжая мимо, замечал, что ворота во двор этого учебного заведения всегда закрыты, а во дворе с озабоченно-сосредоточенными лицами в тёмной фирменной одежде ходят охранники.

Из этих ворот вышла женщина с мальчиком. Я усадил их на заднее сидение. Марине около тридцати лет, она очень привлекательна. На ней превосходное светлое платье; не броская, но модная причёска. От неё исходит обаяние по-хорошему уверенной в себе, ещё молодой, но уже пережившей и девичьи восторги, и разочарования от жизни женщины. Мальчик рядом с ней — это её сын Женя. Он неожиданно мелковат даже для семилетнего мальчика или это так кажется: его мама ростом повыше среднего. Одет он в новый, с «иглопочки», взрослого покроя костюм светлого тона в крупную клетку. Костюм ему немного великоват, наверное, купили навыrost, чтобы на учебный год хватило, а может, и на два. На ногах бежевые туфли. И костюм, и обувь совсем новые, и, чувствуется, Женьке непривычно и неудобно в этой одежде. Мы с Никодимом стали активно расспрашивать Женьку про его «первый раз в первый класс». И, собственно, из интереса, и желая угодить Марине. Было видно, что перед школой Женька сильно волновался, но всё прошло хорошо, даже лучше, чем он ожидал. Напряжение спало, вступление в новую для него жизнь состоялось. Можно было расслабиться.

Разве знал он и догадывался, этот нежный и ещё не оторванный от мамы юный мальчик, что с рождения нет такого права у человека — расслабляться. Всё живое в природе существует в постоянном страхе быть убитым и съеденным. И человек как один из видов животного мира тоже убивает и пожирает себе подобных. Если не явно, то косвенно, но неизменно с выдумкой и изуверством, так как Всевышний, помимо живой плоти и животных инстинктов, наградил человека ещё и интеллектом. Однако не будем уж так печалиться и разводить трагедии. Вон как радостно и ловко плещутся воробьи в дождевых лужах, а какие цирковые кульбиты вытворяют они, прыгая с ветки на ветку! А ворон не дремлет! Но если всё время бояться ворон, тьмы, зла — для чего жить?

Для добра и радости!

Извечно это противостояние — добра и зла, светлого и тёмного. Белого и чёрного.

Первый эпизод давнего сна.

В компании деревенских ребят я спускаюсь с пригорка к реке — то ли искупаться, то ли порыбачить. Перед рекой большая поляна величинной с футбольное поле. Ещё до революции семнадцатого года местный помещик сделал отвод от реки и устроил на середине поляны для своих

улад купальню. Со временем от этой барской затеи остались только бугры да ямы, заросшие крапивой, татарником и лопухами. Я смотрю на лужайку, но вместо фрагментов разрушенной купальни моему взору открывается нечто совсем иное: на середине поляны рельефно и чётко вырастает из земли небольшая возвышенность. И этот рельеф очертаниями похож на дракона. Я вижу тёмно-зелёного дракона. Он мне не страшен: это только гора, возвышенность. Но почему он здесь? Я спрашиваю своих приятелей, видят ли они дракона? Нет. Ничего они не видят и смеются надо мной...

...А вот и рабочий посёлок. Здесь я не был почти тридцать лет. Те же одноэтажные, вросшие ещё глубже в землю за эти годы деревянные дома смотрят на улицу пыльными безжизненными окнами. Каменные постройки в отсутствие надлежащего ухода тоже выглядят убого и уныло. Новая эпоха обозначена здесь небольшими яркими магазинами с рекламой «Coca-cola», «Pepsi». Улицы с этими магазинами похожи на фотошопную картинку, компьютерный дизайнер поместил красивые домики посреди серых разваливающихся построек. Затем идут ряды «хрущёвок» — мы въезжаем во двор. Бородатый, худой мужчина неопределённого возраста в грязной, с чужого плеча одежде длинной деревянной палкой исследует содержимое мусорных баков. Увидев нашу машину, он угрожающе трясёт палкой над своей головой, что-то невнятно кричит, лицо его было перекошено злобой...

Оказывается, надо заехать к подруге Марины и там отпраздновать первое сентября.

— Николай, и вы пойдёте с нами. Чай, торт, — пригласила меня Марина.

Чай, торт — понимает, спиртное нельзя: я же за рулём. Пока Марина с подругой что-то «творили» на кухне, мы продолжали «дожигать» Женьку про школу.

А больше делать нечего. С Никодимом говорить нам не о чем. Может, потому, что мы друг о друге всё знаем, я о нём — точно. И это мне не кажется странным, ведь это сон. И ещё? Я не вижу себя во сне, со стороны. Кто-нибудь смотрел во сне на себя в зеркало? Нет. Это я к тому, что Никодим вроде похож на меня. Опять в голову лезут странные и страшные мысли. Я думаю: когда машина меня едва не сбила, не мог ли Господь забрать мою душу. Он ведь видел, что ещё полсекунды — и меня нет. Допустим — забрал. А с чьей же душой я живу? И кто мне помог выскочить из-под машины на тротуар? Ага! Значит, всё же есть параллельный мир. И Властелин этого мира мне помог! И что же? Я живу в параллельном мире? А значит, мой сон вовсе не сон, а реальность? А Никодим — это не Никодим, а...

Оказывается, в школу Женьку провожали его папа и бабушка — папина мама. Папу Женька видит нечасто: родители в разводе. Но он любит папу. Показал нам новый мобильный телефон — вот, папа к первому сентября подарил. А бабушка около школы поплакала. Немножечко.

...Зачем Марине нужен Никодим? Я не видел Жениного папу, но интуитивно чувствую, что это хороший парень. Так зачем? Понял! Они — Никодим и Марина — играют друг с другом. Но не в любовную игру, а просто в игру, допустим, как в шахматы. Он нужен ей как партнёр по игре. Что за правила в этой игре, как определяется победитель — я не знаю. Единственное, о чём я догадываюсь: она белая фигура, он чёрная. И она должна победить: ей помогает её сын — тоже белая фигура. Женька маленький, как пешка, а пешка — проходная фигура! Никодим проиграет, а проиграв, исчезнет...

Взрослые пили шампанское, а Женька отмечал свой праздник поеданием торта. Когда он склонялся над столом за очередным куском, плечики его пиджака поднимались и доходили до ушей. Трогательно. Я начинал испытывать нежность к этому маленькому беззащитному мальчишке. Шампанское только разгорячило взрослых застольников — поступило предложение прикупить что-нибудь покрепче. А я подумываю об уходе: какие-то дела ждут, да и, честно говоря, случайный я здесь гость. Женьке уже надоела взрослая компания, торт он съел, что мог — рассказал, и Марина решила отправить его домой.

— Мы здесь рядом живём — в соседнем дворе, — сказала она, обращаясь именно ко мне и словно успокаивая меня. Почувствовала, что я волнуюсь за её сына? Женя ушёл.

Второй эпизод давнего сна.

...На берегу тёплого синего моря я купаюсь с молодой, красивой женщиной. Она, неожиданно для меня, темнокожа или, видя её в контрадном освещении (напротив солнца), я различаю только её силуэт — стройный, гибкий и чёрный. Кто она? Незнакомка, знакомая, жена — это неважно, а важно, что она восхищает меня. Как относится эта женщина ко мне, тоже неважно. Важно то, что ей нравится, что она вызывает у меня восхищение. Я не испытываю к ней ни нежности, ни страсти. Она восхищает меня так же, как всё то, что в данный момент окружает меня: солнце, экзотический берег, сине-зелёные волны слегка беспокойного моря, брызги прибоя, повисающие в воздухе прозрачными капельками-бусинками.

Но где-то за границей сна, там, где кончается воля моих мыслей и начинаются сознание и воля великого и непознанного, произрастают из крошечного зёрнышка плоды сомнения: не может быть абсолютно-го счастья, это противоречит природе, духу, мирозданию. Всё и везде

должно быть соразмерно: сила и слабость, красота и уродство, добро и зло.

Вот только кто определяет эти границы? И есть ли они?

Во сне эти мысли промелькнули мгновенно (ведь они и не совсем мои), не сумев облачиться даже в слова...

И словно в подтверждение этим смутным ещё предчувствиям, неожиданно, из ниоткуда, появляется огромный, чёрный дракон и на моих глазах почти мгновенно убивает и пожирает женщину, которая ещё несколько мгновений назад так восхищала меня.

Затем дракон обращает свой взор на меня. Глаза его черны, огромны, бездонны и страшны, как преисподняя. Я убегаю от дракона. Бегу по лесам, степям, пескам, болотам... Он не отстаёт, ещё мгновение, и он достигнет меня. Страх сковал меня, и по законам сна я должен в безысходности остановиться и... проснуться. Однако сценарий сна даёт мне возможность спастись. Я должен попасть в большой одноэтажный деревянный дом, что уже недалеко от меня. Он одиноко стоит у подножья горы, поросшей лесом. Дом — это заколдованный круг. Если я попаду в него, я в безопасности. Напрягая последние силы, чувствуя спиной горячее дыхание дракона, я вбегаю в дом и закрываю за собой дверь. Сердце, раздвигая рёбра, неистово колотится в грудной клетке. Я постепенно успокаиваюсь и начинаю анализировать. Дракона у реки (из первого эпизода сна) никто из ребят не видел. Тот дракон, что за мной гнался, тоже нереален: с его мощью и габаритами он бы за две секунды изничтожил меня. Значит... дракона не было?!

Но кто в таком случае убил женщину у моря?

У меня леденеет кровь: её убил я!

...Зачем? Она была красивой, восхитительной и... абсолютно чёрной.

Кажется, я понимаю — зачем...

Не прошло и пяти минут, как кто-то прерывисто (нервно) позвонил в дверь.

— Кого это нелёгкая? — удивилась хозяйка.

В дверях стоит... Женька. Он напуган, растерян, на нём, что называется, лица нет. Сказать, что произошло, он хочет только маме. По обрывкам разговора становится понятно, что к Женьке во дворе привязались пацаны постарше, он испугался и прибежал назад к нам. Но Марина говорит: не бойся, ты же мужчина, у нас с тобой нет защитников; да и ушли уже, наверное, эти хулиганы. Женька снова уходит. И я вижу, что новый, одетый по торжественному случаю пиджак, как на вешалке, висит на худеньких Женькиных плечах, как неудобно ему в новых, ещё не обношенных туфлях.

И вот в момент этого второго ухода мне по-настоящему становится тревожно и страшно за Женьку.

Мы с Никодимом вскоре тоже покинули квартиру — он пошёл за коньяком, а я по каким-то теперь уже абстрактным делам, но, главное, посмотреть, что же там с Женькой.

Никодим постепенно превратился в функцию, в бестелесное существо, которое иногда говорит, совершает поступки, но его как образа нет во сне. Он даже не прозрачен. Я ощущаю его как бестелесное невидимое существо, но с мыслями, которые он выражает речью, или я их просто читаю, как с листа. А может, это уже мои мысли...

Я вижу, посередине двора, на небольшой прямоугольной асфальтовой площадке, стоит Женька. Он стоит на самом краю площадки, а на противоположной стороне, по диагонали, на асфальте большое тёмное пятно, как будто разлили машинное масло. Но я сразу догадался: это от страха описался Женька. Я посмотрел на его светлые брюки — вроде бы сухие но, впрочем, трудно разглядеть: он стоит вполоборота ко мне. И вдруг Женька спокойным и внятным голосом начал говорить. Его речь — это речь старомодного интеллигента. Так говорили лет сто назад образованные, культурные и слегка мажорные люди.

— Ну, право же, я не знаю, как всё это получилось. Господа, мне так неловко, так неловко! Уже и не найду, куда себя девать. Ну не удержался — с кем не бывает? Ко всему прочему пришлось этим недогаям отдать новый сотовый телефон. А что было делать? Они всю голову бы мне разбили...

От этих речей становилось жутко, и я, перебивая этот словесный поток, предложил Женьке проводить его. Он с радостью согласился. Я взял его за руку, и мы направились к Женькиному дому.

Отняли сотовый. Сотовый?! «...зовите меня просто — Николай». Да! У меня есть сотовый телефон, но когда я вёз Никодима на велосипеде, я ни с кем не разговаривал по телефону...

Через два двора, как говорила Марина... Мы шли по узкой дорожке. Это старое асфальтовое покрытие, серое и в трещинах. Солнце всё ещё высоко, во дворах ветра нет — припекает. Дворы безлюдны. Хаотично растущие во дворах деревья стояли безмолвно: ветки не шевелились, листья на землю не падали, хотя некоторые уже пожелтели и давно созрели для свидания с землёй. Эта тишина двора, застывшее в немислимой вышине солнце, бестрепетная природа навели на мысль мы замерли, чтобы вы, ни на что не отвлекаясь, скорее добрались до цели.

— Ну, вот и наш дом,— сказал Женька, показывая на четырёхэтажку из красного кирпича.

Мы подошли к дому. Остановились перед обшарпанной дверью с разболтанным кодовым замком.

— Может, тебя до квартиры проводить? — предложил я Женьке.

— Не надо, я сам, мы на третьем живём, — и он нырнул в пустоту тёмного подъезда. С дребезгом и лязгом закрылся кодовый замок двери.

— Надо бы до квартиры проводить, — вслух рассуждал я, но Никодим, откуда-то уже издалека, успокоил:

— Да ладно, что там случится. Добежит.

Я на какое-то время задержался у двери. Очень тихо вокруг. Несколько секунд тишины иногда кажутся вечностью. Так со мной бывает и во сне, и в яви.

...Останавливается время. Только для тебя, для твоих мыслей, для всего твоего существования и твоего существа, растворённого в бескрайнем пространстве вселенной. И ты, ощущая себя даже не пылинкой, а чем-то несоизмеримо малым и ничтожным, в сравнении с любой физической величиной, вдруг чувствуешь, что отрываешься от земли, материи, пространства, времени. Чувствуешь себя чистым духом, идеей; возможно, чьей-то мыслью, которая вдруг удивляется, что то, что она замыслила, тоже мыслит, и оценивает этот замысел. Это похоже на сумасшествие и длится несколько секунд. Хотя кто знает, ведь всё относительно. А может, это длится всю жизнь?..

Тем временем в подъезде начинает что-то происходить.

И я вдруг осознаю, что в моей жизни вот с этого мгновения должно многое перемениться и она станет совсем другой. Сейчас же надо будет что-то предпринимать: либо осознанно, либо интуитивно, а может, и в состоянии аффекта. И после этих действий будут, обязательно будут серьёзные последствия, за которые кто-то, и в первую очередь ты, будет отвечать — перед законом, перед людьми, перед своей совестью. Тебя будет мучить память о совершившемся и о том, что ты мог бы сделать всё по-другому, но не сделал. Можно, конечно, сейчас же уйти, убежать отсюда подальше, забыть всё, вычеркнуть из памяти, из жизни... Но в данном случае это было уже невозможно, и этот вариант мною даже не рассматривался.

За дверью, в подъезде, нарастал странный шум и гул. Этот шум был похож на беспорядочную, аритмичную беготню множества людей по лестничным пролётам подъезда. Голосов, однако, никаких не было слышно. И неожиданно среди этого низкого по звучанию гула я услышал пронзительный детский крик:

— Не на-а-а-д-а-а-а!!!

Я разбежался и ударил плечом в дверь. Один, два удара — замок вот-вот развалится. Я не успеваю ударить третий раз: чья-то рука с обратной стороны двери открыла замок.

С момента, когда я вошёл в подъезд, и до момента, когда я его покинул, прошло не более трёх минут. Говоря словами компьютерщиков, я этот короткий промежуток времени сейчас «разархивирую», то есть растяну во времени. И у тебя, читатель, создастся ложное представление о длительности произошедшего. Не верь этому! Три минуты.

Итак, из солнечного светлого дня, шагнув через порог, я оказался в полумраке пыльного, затхлого подъезда. Есть окна, но они настолько грязны и затенены паутиной, что почти не пропускают дневного света.

Пахнет пылью! Пахнет пылью, которая оседала здесь не один десяток лет. Под ногами *мусор*. Столько мусора обычно бывает там, где, во-первых, мусорят и мусорят осознанно (из хулиганства, протеста или для «понта»), а во-вторых, мусор просто не убирают. Этот мусор не убирали десятки лет. На полу конфетные фантики, окурки, пустые стеклянные поллитровки, пластиковые бутылки. Этот мусор смешал вещественные доказательства разных эпох: я не приглядывался, но если бы присмотрелся, наверняка увидел бы пустые коробки старых, давно забытых папирос «Север» и «Прибой».

Широкая лестница была плотно заполнена людьми. От первого этажа и выше, насколько было возможно разглядеть. Это подростки, в основном пацаны от восьми и до пятнадцати лет. Почти все одеты в тёмно-серые дешёвые китайские спортивные костюмы. Эта одежда сливалась с темнотой подъезда, и только белесые лица выдавали присутствие огромного количества людей. При моём появлении все замерли. На площадке между первым и вторым этажом толпа медленно расступилась, и я увидел лежащего на сером бетонном полу Женьку. Он был недвижим. Лица его не было видно — пиджак задрался выше ушей — видна была только светлая макушка головы. Костюм его весь перепачкан в пыли и скорее был похож на тряпку, которой протирали от копоти и пыли какой-нибудь механизм. И всё же, несмотря на грязную, вывалянную в пыли одежду, Женька оставался единственным светлым пятном в этом тёмном, страшном пространстве.

— Кто это сделал?! — дико выкрикнул я свой первый нелепый вопрос. Ярость, злость и жажда мщения бились во мне. Я устремился к Женьке, но... не мог сделать и шага. С двух сторон под руки меня держали два крепких парня. Они постарше всех остальных, кто был в подъезде, на вид — лет под тридцать. Правую мою руку мёртвой хваткой сжимал стриженный наголо одутловатый парень в чёрной дерматиновой куртке. Мельком посмотрев на его лицо, я понял, что он не очень уверен в себе: зрачки его глаз быстро и судорожно снова-

ли туда-сюда. Я начал делать резкие движения, чтобы высвободиться, и при этом с уверенностью и предельной убеждённо­стью выкрикивал слова, которые при этих обстоятельствах, не будь я во сне, я бы никогда не произнёс:

— Вы знаете, кто я такой?! Урою, суки! Да я тут половину ваших ментов знаю! — и всё в том же духе.

Парень справа куда-то исчез. Испугался?

За левую руку меня держал сухощавый блондин со стрижкой «бобриком»; волевое лицо, складки у рта, маленькие колючие глазки. Одет в чёрную кожаную сильно потёртую куртку. Он продолжал меня крепко держать и на мои выкрики заметил:

— Мы сами здесь не первый год живём, и у нас тут разные подвязки с ментами имеются.

Затем продолжил:

— Ты что-то себя нагло ведёшь? Жить надоело?

А кто меня лишит жизни? Я же во сне!

Наверное, от этой мысли исчез и держатель левой руки.

И вот, освобождённый, я устремился к Женьке. И уже приблизившись к нему, остановился. Мысль о том, что он мёртв, сковала меня. Вот я отдерну пиджак и увижу мертвенно-серую кожу лица?! Чтобы эту муку пресечь, я резко открыл лицо мальчика. Лицо бледное, но было видно, что Женька живой. Кровь понемногу сочилась из раны на затылке. Я поднял его на руки. Почувствовал: своими мышцами он реагировал на мои движения. Да он, наверное, уже в сознании, отошёл от шока, просто не хотел себя никак проявлять, ждал, когда закончится этот кошмар. И чтобы как можно дальше уйти от этой страшной реальности, он прятал своё лицо — тыкал его мне в подмышку? И я, стоя посреди лестничной площадки с истерзанным мальчиком на руках, громко выкрикнул свой второй глупый и нелепый вопрос. И сам не знаю, зачем это сделал. Ответ я знал, едва переступил порог подъезда.

— За что?!— крикнул я. И большая тёмная птица, с шумом оторвавшись от кучи мусора, устремилась вверх с такой энергией и целеустремлённостью, что не возникало сомнений: она пробьёт крышу.

В подъезде между тем произошли изменения. «Пацаны» в тёмной спортивной одежде или исчезли, или слились до невидимости с тёмными стенами. Двери квартир открылись, и в проёмах появились семейные, судя по виду, пары — озабоченные мужчины с суровыми, серыми, вытянутыми лицами и их жёны — простоволосые, круглолицые, одетые в заношенные пёстрые халаты. На руках у каждой ребёнок двух-трёх лет. От одной из квартир отделилась женщина с ребёнком на руках. Она вышла на середину лестничной площадки,

словно актриса, собирающаяся произнести монолог. На её руках довольно большая девочка, почти подросток. Она безразлично, не моргая, смотрела на меня неестественно большими бесцветными глазами. Уж не кукла ли это?

— Вот в прошлом году, — начала женщина, — Ленка из 21-ой сына своего отдала в спецшколу (она, наверное, хотела сказать в элитную, но подумала, что это слово из иного мира будет нелепо звучать и здесь, в этом подъезде, и в её устах). — ...платную, дорогую, — продолжала она, — и каждый день пошло: то подарок англичанке, то на новые компьютеры деньги надо собирать с родителей, то то, то сё... А у Ленки муж на «Роторе» работает — зарплата пятнадцать тысяч, да и то не всегда вовремя. А сама уже полтора года без работы. Ну и через два месяца отвела своего Витьку в обычную школу. Нечего нам делать в этих спецшколах, это не для нас, — подвела она итог.

Я начал спускаться к выходу, вышел из подъезда с Женькой на руках и аккуратно уложил его на заднее сидение своего авто: оно, словно по волшебству, уже стояло тут же. По асфальтовой дорожке по направлению к нам бежала Марина. (Наверное, Никодим по телефону сообщил о произошедшем.)

— Женья! Что случилось? Он живой?

Я едва разбирал её слова: она одновременно и плакала, и кричала. К тому же ей неудобно бежать: мешали высокие каблуки.

«Да сбрось ты эти туфли!» — с раздражением подумал я. Наверное, это свойство человеческого сознания — в напряжённые моменты своего бытия думать о несущественном.

Я сразу попытался успокоить её:

— Ничего страшного, с лестницы упал. Жив, почти здоров.

Марина устремилась к подъезду.

— Кто это сделал? — её вопрос, в отличие от моего, был не глупым, а вполне логичным.

— Не ходите туда, — я пытался остановить её, но она не слышала меня.

— Вам туда не надо! — почти закричал я и силой затолкнул Марину в машину на переднее сидение.

Мы повезли Женьку в травмпункт, это в центре города. Он лежал на заднем сидении и рассматривал потолок кабины, изредка бросая короткие взгляды в нашу сторону. Слегка приподнявшись, я мог наблюдать его в зеркало заднего вида. Он мог уже сидеть, но для чего-то (или для нас, или для себя, или «так положено») исполнял роль «ещё больного».

Марина была сначала сильно взволнована, но вскоре, видя состояние Женьки, успокоилась и только для порядка, а может, чтобы

показать мне, что она любящая и заботливая мать, оборачивалась назад, и спрашивала сына:

— Ну, ты как, сынок? Не болит?

Она оборачивалась к Женьке через мою сторону. И моему взору открывались её женские прелести: пуговицы платья были расстегнуты от горла вниз на приличное расстояние, и были видны восхитительные предгорья её груди. Своей причёской она едва не касалась меня, и краем глаз я видел совсем рядом её нежное ушко с блестящей серёжкой и ярко-красные полноватые губы. Она что-то нежно ворковала не то сыну, не то кому-то другому... Я не разбирал слов — до меня доходил только нежный манящий грудной тембр её голоса.

Поймал себя на мысли: «А ведь ах, как хороша!»

И тут же в душе возник клин, дискомфорт. А как же Женька, его папа и подаренный им мобильный телефон, бабушка — папина мама, которая «немножечко» поплакала около школы? У них был свой мирок, ещё не до конца разрушенный. И он держался на Женьке, а его мама пыталась этот мир сейчас разрушить. Может, из женского баловства, может, из мимолётного каприза: «Я так хочу! Я красивая и всесильная!»

А я хотел, чтобы этот мирок был восстановлен... Хотел. Ещё недавно. Но сейчас, не вполне это осознавая, вместе с Мариной стал его разрушать.

Марина вдруг стала серьёзной, выпрямилась и, глядя прямо на дорогу, негромко, чтобы не слышал Женька, сказала:

— Всё равно у нас с ним ничего не выйдет. Конечно, он любит меня — просто обожает; любит Женьку, и Женька его любит. Но любовь любовью, а содержать семью тоже надо, а он не может. Он какой-то робкий, незащитный, застенчивый. На работе его ценят, хвалят. А деньги получают другие. С ним пропадёшь. Сейчас другое время — время сильных, наглых, упрямых...

Пока она это всё говорила, я подумал: а ведь она про меня говорит. Про того, который не во сне, а в реальной жизни...

Но я молчал. И эта мимолётная мысль проскочила и исчезла куда-то, забылась.

Машина ехала по улице, плавно покачиваясь. «Хорошая подвеска», — проскочила ещё одна мысль.

Марина продолжала поворачиваться к Женьке, хотя надобности в этом уже не было.

Я всё чаще посматривал на Марину, забыв и про Женьку, и про его папу, и про бабушку — папину маму. На какое-то время я стал даже забывать про дорогу.

То, что платье на Марине стало тёмным, меня не удивило. И волосы стали пепельно-тёмными, но это делало её ещё привлекательнее.

Лицо стало матово-белым, ухоженным и утончённым. словно над ним поработал искусный скульптор. Губы на фоне ослепительно-белого лица горели ярко-красным цветом. (Красные розы на надгробной белой плите!)

Меня не удивило и то, что капот автомобиля стал чёрным. Мне это даже понравилось.

Стёкла авто были открыты. И вдруг неожиданно со всех сторон плотной волной в кабину ворвался воздух. И... разом поднял вверх чёрное платье Марины почти до шеи.

Я не мог — у меня не было сил — не обернуться и не посмотреть на неё. Под платьем не было нижнего белья. Я оказался под гипнозом. Её тело притягивало к себе сильнее любых вселенских притяжений. Да, она была красива, но это была не божественная красота, не красота простой природы, как, например, бывают красивые звери, птицы, красивые солнечные восходы и закаты, цветущие лесные поляны... То, что исходило от её образа, существа, тела было непреодолимой мукой притяжения, забвения себя. Это была дьявольская красота — магнит сатаны.

Я всем телом подался к ней и непроизвольно дёрнул руль вправо. Колёса задели за бордюр, машину едва не вынесло на тротуар.

Марина громко вскрикнула. И кто-то из-за пределов сна произнёс спокойно и громко:

— Ты только что чуть мальчишку не задавил.

И вмиг исчезло всё: Марина, Женька, чёрная шикарная иномарка...

Как будто киномеханик крутил один фильм, но задумался о чём-то и в киноаппарат вставил катушку с другим фильмом...

...И... я стою на газоне в двух метрах от проезжей части дороги. Я молод, — ещё подросток — и на мне светлого тона костюм. Мгновение назад меня едва не сбила чёрная легковая машина: я шёл по проезжей части дороги рядом с бордюром и каким-то невероятным образом сумел выскочить из-под её колёс.

Третий (последний) эпизод давнего сна.

Я по-прежнему стою в коридоре пустого, заброшенного дома. Постепенно успокоившись, осматриваюсь по сторонам. Все двери из коридора в комнаты открыты, и эти комнаты легко просматриваются. В комнатах светло и ярко от солнечных лучей. Тишина такая, что ещё немного — и я услышу шум падающей пыли, которая бурно поднялась при моём вторжении. Оглядываясь, начинаю исследовать пространство. Ах, вот! Одна дверь всё же закрыта. Чьи-то голоса настоятельно просят не открывать её. Не слушая их, я тяну за ручку, открываю дверь. За ней — комната, похожая на другие, светлая и пустая. Но мне становится тревожно, страх, который возник где-

то глубоко внутри меня, вырывается наружу и сковывает моё тело и мысли. Я поднимаю глаза вверх и вижу: зацепившись за потолок лапами-присосками, что называется, вверх ногами, расположились в ряд три чёрных дракона. Они намного меньше того, что гнался за мной, и похожи на чёрных крокодилов. Увидев меня, чудовища, открыв красные пасти, агрессивно рычат, устремив на меня дикие ненавидящие взгляды. Одновременно сорвавшись с потолка, они оказались на полу и стремительно понеслись на меня. Но я замечаю, скорее интуитивно чувствую, что они аморфны, они не стойки физически, они хлипкие и рыхлые. И совершенно уверовав в это, иду на тактическую хитрость: когда драконы вплотную приблизились к двери, я с силой её закрываю. Драконы с разбегу ударяются о дверь. Звук от их столкновения с дверью похож на звук разбившегося огромного гнилого овоща. На всякий случай я всё же придерживаю дверь. Прислушиваюсь — тишина. Любопытство и страх распирают меня, и я снова открываю дверь, надеясь увидеть останки разбитых драконов. Но ни драконов, ни их останков нет. Перед моим взором пустая светлая комната.

И я снова поднимаю глаза вверх и вижу: под потолком, на тонких деревянных перекладинах, глядя на меня безразличными, круглыми, чёрными глазками, прыгают и кривляются три маленькие, пушистые, белые обезьянки.

КОСТИК

Михаилу Анищенко

Костика нам подарили, чтобы не было скучно Серёже. Костик и Серёжа — это маленькие волнистые попугайчики. Сначала у нас появился ослепительно-голубой Серёжа. Продали нам его как «мальчика»; он и имя мальчишеское получил, и долгое время числился у нас «мальчиком», пока дочь (это её затея — попугаи) не повезла его по какой-то причине к ветеринару. Оказалось, Серёжа — «девочка». Имя менять не стали. А что? И так нормально! Она — Серёжа. Мальчишку Костика, ярко-жёлтого, вытянутого и приглаженного попугайчика, подарил нам мой друг, чтобы скрасить одиночество Серёже — «девочке». Дочь принесла большую клетку, и Костик с Серёжей оказались в ней вдвоём. К сожалению, это тесное попугайчье соседство не принесло радости ни нам, ни тем более Костик. Потому что Серёжа стала нападать на Костика и обижать его. Я был очень недоволен такой «бабовщиной»; выговаривал дочери: негоже, чтобы сильный и наглый (пусть даже это и «девочка») обижал слабого, а Костик тогда был ещё совсем молоденьким и маленьким. Но дочь говорила, что это ничего, что так бывает у домашних животных и птиц, давайте немножко подождём — привыкнут они друг к другу; тем более Костик — «мальчик», должен же он за себя постоять. Когда Серёжа совсем уж распоясывалась, я открывал клетку и давал ей нагоняя. В конце концов, мы сжалились над Костиком, попугайчики были помещены в разные клетки. Эти клетки поставили рядом — вплитык. Так попугайчики стали жить рядом, но отдельно.

Прошло время, и мы стали наблюдать, что попугайчики всё чаще садились рядышком и о чём-то между собой переговаривались на своём птичьем языке. Из кладовки была извлечена старая большая клетка, и не без опасения за Костика объединение попугайчиков повторили. К нашей радости, драк больше не было. Часто, сидя рядышком на жёрдочке, Костик и Серёжа толковали между собой, иногда друг другу теребили клюв.

— Целуются! — радостно говорила моя жена.

Между тем Серёжа понемногу набирала вес, и было видно, что она стареет. Костик стал изредка нападать на Серёжу, но не так агрессивно и жестоко, как Серёжа нападала на него прежде, и было

это, скорее, нападением упреждающим. Жена тогда грозила пальцем и ругала Костика:

— Как так? Мальчик обижает девочку. Я тебе!

Случалось это, однако, очень редко. И я даже был немного рад за Костика: надо же было как-то отомстить за прежние унижения и страдания.

За полгода до описанных ниже событий умерла Серёжа. Дочь, которая к тому времени жила отдельно от нас, пришла к нам как-то в гости и обнаружила Серёжу мёртвой на полу клетки. Костик тихо сидел на жёрдочке и поглядывал вниз. Мы немного попечалились и отвезли Серёжу на дачу (было лето), где и закопали под кустом сирени.

Костик остался один. Он как-то сразу загрустил. Его задумчивость и меланхолию по-своему расценила моя жена. Она сказала, что вся эта грусть от недостатка света в комнате, где жил Костик. Клетка была перенесена в мой кабинет. Повзрослевшая дочь уехала от нас, приобретя своё жильё, и излишки жилплощади позволили мне иметь такую вот роскошь — собственный рабочий кабинет. «Работа» моя заключалась в том, что я читал книги, «лазил» по интернету, играл на гитаре.

За полгода я привязался к Костику. Кормил и поил его, учил разговаривать (что, впрочем, успеха не имело), рассказывал ему про свои дела и планы и даже про свои переживания и болезни. А кому мне было ещё пожаловаться на душевную и физическую боль, что постоянно терзали меня? Человек одинок, и боль его — только его боль. Что бы ни говорили, остальным эта чужая боль только в тягость. А Костик сидел на жёрдочке, вертел головой, слушал, иногда щебетал — сочувствовал. Как было не любить его?! Утром, проснувшись, в полудрёме я слышал, как Костик потихоньку, чтобы не разбудить меня, шебуршался в клетке — может, зерно клевал, может, воду пил, а может, пёрышки свои жёлтые чистил. Я убирал с клетки ночное покрывало и говорил Костику:

— Ну, здравствуй!

Потом ставил клетку на подоконник — ближе к свету. Пока я переносил клетку, Костик пугался, нервно крутил головкой и часто-часто перетаптывался на жёрдочке. И я, как мог, словами успокаивал его. Если я, случалось, начинал играть на гитаре, Костик, молчавший до того, начинал заливаться звонкими и громкими трелями. Мы жили с Костиком душа в душу, думаю, и Костик не стал бы этого отрицать, если бы мог разговаривать, как человек.

За три дня до Нового года мы с женой поехали по магазинам, а когда уже под вечер вернулись, увидели, что Костик излишне суетится, бегая по жёрдочке, и громко и жалобно кричит.

День для меня был очень тяжёлым: сначала работа, потом — «любимое занятие» — ходьба по магазинам. Болела голова, стучало в висках. Я выпил отвар глухой крапивы, — хорошее средство успокоиться, снять напряжение — зашёл в кабинет и, не раздеваясь, прилёг на диван...

...С Костиком стало твориться что-то неладное. Он жалобно кричал, как-то странно дёргал ножкой, сидя на жёрдочке, а через некоторое время и вовсе свалился на пол клетки, тело его стало скрючиваться. Видно было, что он нездоров, что он страдал от боли и сил у него оставалось мало. Жена позвонила нашему знакомому ветеринару, который, выслушав, что происходит с Костиком, сказал, что «тут ничего не поделаешь, попугай умрёт». Но мы с женой сдаваться не собирались. Пипеткой поили Костика водой, согревали его в своих ладонях, при этом попугайчик вроде бы успокаивался и кричал не так жалобно. К сожалению, наши усилия ощутимого успеха не имели, и было решено везти Костика в ветеринарную больницу. (Мы предварительно позвонили в ветлечебницу, и нам ответили, что попугая, наверное, можно ещё спасти). Дело было в пятницу, в конце рабочего дня. На дорогах «пробки», а ехать неблизко.

— Поехали, — сказал я жене.

Костика положили в маленькую картонную коробку, жена спрятала её под свою шубу, и мы выехали на заснеженные, забитые автомобилями, тёмные улицы города.

И загадал я желание, страшное и нелепое. У меня давно это было в привычке — загадывать такие вот странные, на первый взгляд, желания. Я, конечно, отдавал себе отчёт, что действия, которые надо было мне совершить ради наступления желаемого события, ничтожны и мелки (несмотря на трудность их выполнения), а события, которых я ожидал как награду за преодоление трудностей, значимы и порой даже сверхзначимы.

И вот какой у меня был загад: доведу Костика до ветлечебницы (а она вот-вот закроется), спасут его ветеринары (а шансов на спасение было немного) — и моему другу, который сильно заболел и очень страдал в это же самое время, станет лучше, он выздоровеет, будет жить и радоваться жизни.

Такое вот загаданное желание! Нелепое и страшное. Но раз уж загадал — надо действовать!

И я гнал машину, несправедливо и нехорошо ругал встречных и попутных водителей авто, «тыкался» по улицам в надежде избежать «пробок»; в итоге, плюнув на правила дорожного движения, выехал на трамвайные пути и всё же успел до закрытия привезти Костика в ветлечебницу...

...Год назад неожиданно и навсегда уехал из нашего города в дальние края мой друг. Такой же, как и я, немолодой, но, в отличие от меня, обременённого и семьёй, и попугаями, совсем одинокий. Он уехал и увёз с собой немислимую тоску души, разбитые надежды, а также всё своё физическое нездоровье; много чего он увёз — того, что хотел бы оставить. Но не зря говорят: от себя не уедешь.

Под присмотр соседей друг оставил свой старый полуразвалившийся деревянный дом на окраине города, в котором жил один последние десять лет.

— А зачем под присмотр, если навсегда?— спрашивал я.

Друг молчал — я не настаивал на ответе.

Что-то нехорошее чудилось мне в этом неожиданном, поспешном отъезде.

— Не люблю долгие проводы, — говорил друг, — вот так: пожали руки и без лишних слёз.

Я не провожал его до вагона, но с высоты застеклённого моста над железнодорожными путями вокзала видел, как грязно-зелёный поезд медленно уходил в сырой, холодный, ноябрьский туман.

Мы стали созваниваться по сотовому телефону. Поначалу казалось, что всё у друга хорошо. Теперь он смотрел на огромные, тёмно-синие волны Великого океана, дышал воздухом бескрайней тайги, ловил спиннингом большую рыбу в быстрых, полноводных реках. И всё это казалось ему тем необходимым, чего не было у него в прежней жизни.

А так ли уж это было необходимо? Или на какое-то время должно было отвлечь его беспокойный ум и израненное сердце от ненужных мыслей и переживаний?

Со временем, однако, с тревогой для себя стал замечать, что настроение у друга становилось всё хуже и хуже. Незадолго до Нового года после постоянного и тревожного «абонент недоступен» телефон друга ответил вдруг излишне радостным и оживлённым голосом, что всё хорошо, был на зимовье у охотников, летал на вертолёте, встретил много хороших людей. Неладное слышалось в этом взрывном оптимизме. И я понял: друг, чтобы успокоить свою истрадавшуюся душу, использовал «проверенный» русский способ и использовал, увы, чрезмерно. Через несколько дней я снова позвонил другу, и стало ясно, что мои худшие ожидания, к сожалению, оправдались: мой друг был совсем плох. Я звонил ему каждый день и чувствовал — по его разговору, по интонациям его голоса, — что состояние его, и физическое, а самое главное — моральное, всё ухудшалось и ухудшалось. Последние два дня до описываемых событий телефон друга молчал — я приготовился к самому худшему...

И помочь своему другу я ничем не мог: он был далеко — тысячи и тысячи километров. Оставалось только взывать к небу да загадывать нелепые желания...

...Жена занесла коробочку с Костиком в кабинет врача. Я остался в коридоре и видел, как пожилая женщина сидела, держа на коленях небольшую собачку с печальными глазами, и плакала. Рядом на корточках расположился, по-видимому, её муж. Он медленно и проникновенно, как будто в последний раз, со скорбным видом водил ладонью по голове собаки...

Костику сделали укол и сказали, чтобы мы дома подержали его несколько часов под включённой настольной лампой.

— А он не умрёт? — на всякий случай допытывала врача жена.

Врач сказала что-то обнадеживающее и, не глядя нам в глаза, предупредила: попугай должен уснуть... через час.

Мы с женой поверили в лучшее. Напряжение спало. Пока ехали домой, Костик скрёбся в коробочке, но всё тише и тише, пока совсем не затих.

— Уснул, — вздохнула жена. (Я посмотрел на часы. Было полвосьмого вечера. И подумалось: что-то подозрительно рано уснул Костик: мы вышли от врача в начале восьмого.)

Машину оставили во дворе. Жена пошла домой, а я в магазин — купить хлеба. А когда вернулся домой и увидел влажные глаза жены и её скорбное лицо, вопрос мой:

— Что? Умер? — был излишним.

— Да.

И жена проводила меня в комнату, где под яркой настольной лампой лежал недвижимо Костик. Я потрогал его — он был уже одеревеневший.

— Он ещё в дороге умер, — сказала жена и добавила: — Ветврач сказала, что Костик — «девочка».

И вот этот факт — Костик — «девочка» — меня сильно расстроил. Вспомнилось сразу всё: и обиды, что Серёжа наносила Костику, и «пусть потерпит, ведь он мальчик», и моя попытка учить Костика разговаривать: «попугай-мальчики хорошо обучаемы»... Костик был девочкой! Маленькой и беззащитной. А ей на всю её короткую жизнь была отведена нами роль совсем иная.

И не столько о Костике плакал я — плакал и о себе, плакал о близких и любимых людях, обо всех тех (а эти все — чуть ли не весь род человеческий), живущих по чужим сценариям, по чужой воле (и поступки совершают вроде самостоятельные, а на проверку толкает их какой-то злой рок на совершение этих поступков, и потом всё оборачивается против них же...). Тёмная тоска обручем сдавливала грудь: так есть ли выход, есть ли свободная воля, сами ли мы, люди, выбо-

ремся из этого страшного круга или кто-то, умный и светлый, нас выведет? Есть ли счастье? Или счастье — это только блик, озарение в нескончаемых сумерках повседневности?

И что теперь будет с другом? Зачем я затеял эту жестокую игру? Ведь я почти наверняка знал, что Костика не спасти. К чему было балансировать на узкой, как лезвие бритвы, границе между жизнью и смертью? Неужели мой жуткий загад сбудется?

Я позвонил другу: снова «абонент недоступен». Но исподволь стала подступать спасительная мысль: я загадал на Костика — «мальчика», а Костик-то оказался «девочкой», значит, и загад мой не совсем правильный.

А за окнами тем временем безраздельно властвовала декабрьская ночь. На открытой лоджии остывало тельце Костика, которую мы так и оставили в той же картонной коробке, в которой возили её лечить. Коробку закрыли, замотали скотчем и вынесли на лоджию — на мороз. Когда придёт весна и потеплеет, эту коробку мы положим в морозильник и при первой же поездке на дачу возьмём с собой, и закопаем Костика под тем же кустом сирени, где уже лежит Серёжа. Вот они и снова объединятся — две девочки.

А пока остывало тельце жёлтого попугайчика, пошёл снег. Фонари на улице освещали дороги, дворы и частицу неба. Я глядел на короткое небесное пространство, освещаемое люминесцентными лампами, и не верилось, что снег идёт из туч, казалось, снег идёт из ниоткуда, из бездонной пропасти, развёрнутой наоборот — снизу вверх.

...Я понял, что заснуть в эту ночь не смогу. Мысли, тревога задавят и не дадут уснуть. Несколько часов я ходил по своему кабинету как отрешённый, с опаской поглядывал на телефон: позвонить — не позвонить другу? Наконец пришла мысль: сам я со своими эмоциями справиться не смогу — нужна помощь извне.

В инструкции по использованию снотворного прочитал: алкоголь усиливает эффект препарата. Я выпил стакан водки, проглотил две таблетки снотворного и затем отключил телефон...

...Снег всё валил и валил и всё сильнее и сильнее, и вот уже огромные белые хлопья стали бить в моё окно. Сначала мягко, а потом упруго и со стуком. И это был не снег: это летели на свет, как мош-кара летом, в мою комнату голубые и жёлтые попугайчики и, не замечая стекла, насмерть разбивались об него. Я подбежал к окну: вся лоджия была усыпана попугаями. И пушистая жёлто-голубая куча росла, лоджия наполнялась разбившимися попугайчиками, как ванная наполняется водой. Я попытался открыть балконную дверь и окно, чтобы попугайчики не разбивались, а живыми влетали в моё тёплое жильё. Но я только хотел этого, а сделать ничего не мог...

...В полусне, в полубреду я поднялся с постели и открыл балконную дверь: большими, мягкими хлопьями снег падал с неба. Лоджия была вся в снегу. Я закрыл дверь, улёгся в постель и через некоторое время снова провалился в небытие...

...Поезд всё уходил и уходил в холодный и сырой ноябрьский туман. Но пробить густой туман никак не мог. Потом наконец скрылся. Или это густой туман поглотил и поезд, и здание вокзала, и железнодорожный мост над путями?..

...Поезд уже вырвался на светлый простор и, поглощая пространство и время, шёл, напружинив свою железную стать, курсом на Дальний Восток. Блестящими белыми линиями сверкали на солнце стальные рельсы. Состав вышел на берег Великого океана...

...А далеко-далеко в океане — с берега не видно — свободно плыла, покачиваясь на тёмно-синих волнах, белая шлюпка. И нет ни вёсел, ни паруса у этого судёнышка. И лежит на дне шлюпки худощавый немолодой человек, и голубыми печальными глазами смотрит в небо. И ничего он не хочет — ни жизни, ни смерти — просто лежит на дне лодки и смотрит в синее небо. А над океаном и над шлюпкой летают голубые и жёлтые чайки. И это человека не удивляет. Жёлтая чайка села на нос шлюпки и скрипучим, надтреснутым и вызывающим голосом прокричала:

— Ну, здравствуй, дорогой Константин! Не грусти!

Человек приподнялся на локтях и посмотрел на птицу...

...За моим окном уже совсем рассвело; голубело небо, над высотками медленно поднималось холодное жёлтое декабрьское солнце. Сотовый телефон лежал на столе, и я боялся взять его в руки, как будто это был кусок раскалённого металла.

Но друг — пусть во сне — продолжал плыть на белой лодке!

Когда я включил телефон, он издал характерный звук, и на дисплее высветилось: «Непринятые звонки» — от абонента «Константин». Я тут же попытался перезвонить другу, но меня разбудила жена. Она была уже в шубе и чуть ли не тащила меня с дивана:

— Собирайся быстрее! Я позвонила в ветеринарную больницу — сказали, что Костика можно спасти! Надо торопиться: до закрытия осталось сорок пять минут.

Я встал с дивана и почти сразу же забыл всё, что мне привиделось то ли во сне, то ли в бреду.

Костика положили в маленькую картонную коробку, жена спрятала её под свою шубу, и мы выехали на заснеженные, забытые автомобилями, тёмные улицы города.

Январь-март 2012 г.

Вещий сон

От радости Арт чуть не подпрыгнул: вот так удача! Он совсем не ждал её, а она пришла. Наверное, так и надо: не ждать и даже не думать об удаче — и она неожиданно нагрянет. Снова и снова Арт смотрел на монитор компьютера, выключал его, опять включал — ошибки не было: организаторы национального музыкального фестиваля приглашали его — непрофессионального, самодеятельного автора песен — выступить в итоговом концерте. Сообщалось, что концерт состоится седьмого июня в городе Л.

Арту скоро пятьдесят, почти столько же песен на свои и на чужие стихи он сочинил. Конечно, пятьдесят песен — это мало, но песни-то хороши! Даже профессиональные музыканты хвалили их, и, как казалось Арту, ему немало завидовали.

Лет двадцать тому назад Арт решил выступить на музыкальном конкурсе со своей песней, но разволновался, выступил плохо и даже не прошёл предварительный отбор. После этой неудачи он решил больше никогда и нигде публично не выступать. Но не сочинять песен Арт уже не мог. Случалось, чьи-то стихи так будоражили его душу, что музыка сама ложилась на строки, и Арт музыку только записывал, фиксировал. Это было как наваждение: минутная задумчивость, отстранение от внешнего мира — и вот не то где-то внутри, не то рядом с ним, но чувствуемая только им, гармония музыкальной фразы! Она пока физически не слышима, но осязаема сознанием. Так и случилось с последней песней Арта, понравившейся организаторам фестиваля. Арт очень хорошо помнил, как случилась эта песня: он проигрывал на гитаре аккордную прогрессию, с каждым разом всё усложняя и усложняя аккорды. И вдруг нечаянно, совершив ошибку в чередовании аккордов, был поражён мелодичностью музыкальной фразы, случившейся при этом. Мелодия, возникшая так неожиданно, просто замечательно — и по настроению, и по размеру — легла на стихи его друга — поэта. Эту песню и разместил Арт в интернете на одном из музыкальных сайтов. И вот результат: его приглашают на фестиваль. При этом оплачивают дорогу, проживание в гостинице... Такое случается один раз в жизни. К чёрту сомнения, робость! В дорогу!

Сегодня четверг, пятое июня, уже вечер, почти ночь. Концерт в субботу вечером седьмого. Значит, завтра же надо лететь самолётом — иначе не успеть. А сегодня ночью хорошенько выспаться. Да

разве уснёшь — такая радость! Арт, наверное, раз десять спел песню и не переставал восхищаться собой: как хорошо получился у него тот нечаянно возникший из-за ошибки переход от минорного уменьшенного септаккорда к мажорному уменьшенному нонаккорду! Этот переход — изюминка мелодии.

А теперь — спать! Спать и спать! Таблетку от волнения, таблетку — нет, две — для сна. А чтобы поскорее уснуть (О! Арт знал десятки способов, чтобы поскорее уснуть. Бессонница, ненавистная его подруга, сколько принесла она мучений ему! Или приобретений?..) надо постараться ни на чём не останавливать свои мысли, буквально «порхать» от одного образа к другому, ни на секунду не задерживаясь: ...до аэропорта на своей машине... не забыть гитару... паспорт... все мысли об одном... покойная бабушка в деревне — парное молоко от её коровы... бабушкины пирожки... теперь по другим рельсам поехал, как «заблудившийся трамвай»... какая завтра будет погода?.. А если нелётная...

(Управление по национальной безопасности республики.

Четверг, 5 июня, вечер.

Начальник управления:

— Коллеги, я вызвал вас на экстренное совещание по причине, не терпящей никаких отлагательств. Из достоверных источников получена информация о готовящемся покушении на жизнь президента. Источник указал только дату планируемой акции — 7 июня. И это всё, что мы имеем. Как вы знаете, президент 7 июня прилетит в город Л. и проведёт там весь день. Вечером он будет присутствовать на итоговом концерте лауреатов национального конкурса песни. Поступающая информация будет до вас доводиться немедленно.)

Арт никак не мог уснуть:

— Проклятие! Опять я не могу уснуть! Конечно, это не в первый раз — я знаю, что такое бессонница, но две таблетки снотворного должны же мне помочь!

Арт не мог уснуть, а может, он перешёл границу бодрствования и сна и не заметил этого...

— Билетов до Л. на сегодня нет. Есть только на послезавтра.

— Как нет?! — едва ли не закричал Арт.

Этого он никак не ожидал. Путешествие на самолёте в последнее время стало очень дорогим удовольствием, и Арт надеялся, что билеты будут. Ехать на поезде? Арт прикинул расстояние, пересадки: на поезде не успеть. Тогда только лететь. Но где взять билет?

Арт почувствовал, что кто-то взял его под руку — бережно и деликатно, почти не касаясь руки, а только обозначая держание.

Арт обернулся — сбоку от него стоял мужчина. Ничем не примечательный человек: среднего роста и возраста, прилично, но неброско одетый, с незапоминающимся лицом — такого не выделишь из толпы.

— Мы вам поможем. Вы на время станете генералом: получите форму, документы — всё как положено — и пройдёте в шестое окошко. Там получите билет.

Кто такие «мы», почему они ему хотят помочь? Арт об этом даже не подумал — его поразило предложение на время стать генералом. И пока он удивлялся этому странному предложению, не заметил, что оказался в приличном серо-голубом генеральском мундире. Слева на груди аккуратные орденские колодки. В кассе номер шесть ему, едва ли не кланяясь, подали билет на Л. Арт поспешил на регистрацию рейса: диктор по радио его как раз объявил. Вот тут и началось непонятное и неприятное. Генеральский мундир вдруг куда-то исчез. И регистраторы, и охранники начали предъявлять к Арту непонятные требования. Например, не разрешали провоз гитары. Спор по поводу гитары шёл очень долго, пока кто-то из охранников не сказал:

— Да пусть провозит эту бандуру!

Затем начались претензии к Арту по поводу багажа. Действительно, багажа было очень много: чемодан, рюкзак, сумки... Стали проверять содержимое. И всё очень медленно, как показалось Арту — нарочито медленно. Воздушный лайнер вот-вот должен был отправиться в полёт.

— Я не беру с собой эти вещи! Оставьте их себе! — почти прокричал Арт и устремился к самолёту. Что за чертовщина! Только что Арт находился в помещении современного аэропорта, но, ступив за дверь, почему-то оказался на пустыре. Вокруг железные и кирпичные сараи, беспорядочно растущие кустарники, скудная зелень под ногами. Неподалёку от Арта пожилая худая женщина пасла корову.

— Как мне попасть на самолёт? — зачем-то спросил её Арт. Никакого намёка на присутствие самолёта здесь не было. Но ведь он бежал к самолёту — вот и вырвался этот вопрос.

— Переправившись через канал, там увидишь самолёт, — и женщина палкой, которой погоняла корову, показала на канал.

— Как же я его переплыву? У меня гитара, сумка. Да, наконец, я в одежде, — хоть чудеса и шли один за другим, Арт всё никак не мог к этому привыкнуть.

— Ты что, не видишь, судно же стоит, — и женщина палкой показала на судно.

И правда, рядом, вяло покачиваясь на синих волнах, стояло судно. Арт ступил на палубу. Старое ржавое корыто — первое, что пришло ему в голову. Не это, однако, было самым удручающим: на судне отсутствовала команда.

Один человек всё же попал в поле зрения Арта. На ржавой палубе грелся на солнце немолодой полный мужчина. Он молчал и никак не отреагировал на появление Арта. На голове мужчины была капитанская фуражка, на лице рыжая и по виду жёсткая щетина; и само лицо красное, то ли от солнца, то ли от ветра. «Он похож на «Морского волка», — отметил Арт.

— Как же мне переплыть канал? — затосковал Арт. И тут увидел, что вдалеке, на другом берегу, рядом стоят два огромных воздушных лайнера. Они стояли посреди пустынного поля, покрытого редкой сухой травой. «Морской волк» с палубы куда-то исчез, и вместо него появился невзрачный мужчина, среднего роста и возраста, в сером костюме и с незапоминающимся лицом. Он безразлично смотрел на воду за бортом.

— Куда летят эти самолёты? — спросил у него Арт.

— Эти птицы летят на «тот свет», — продолжая смотреть на воду, ответил незнакомец.

Не придав значения такому странному ответу, Арт продолжил вопрос:

— А я долечу до Л.?

— Я же вам сказал: они летят на «тот свет» — один в рай, другой в ад.

До Арта всё же дошёл смысл слов незнакомца. И Арт хотел ещё что-то спросить, но невзрачный мужчина пропал так же неожиданно, как и «Морской волк». А судно почему-то стояло уже на другом берегу. Арт спрыгнул на берег и устремился к самолётам. Но в какой самолёт садиться? (Рай, ад — что за бред!) У кого бы спросить? И Арт опять увидел женщину, что пасла корову. Но теперь она находилась далеко, очень далеко.

К ней надо обратиться: она много чего знает, Арт в этом недавно убедился.

— На какой самолёт мне садиться?! — Арт сделал ладони трубкой и, как в рупор, громко прокричал вопрос. И в ответ услышал тихий и спокойный голос, словно старуха была рядом:

— Не надо. Не садись в самолёты.

Но уже явственно слышались звуки разгоняющихся моторов, и было видно, как лайнеры медленно стали выруливать на взлётные полосы. Арт, позабыв про все только что слышанные разговоры и советы, устремился к самолётам...

...Арт в большом концертном зале стоит за кулисами.

— Вы же Арт из города С.? Приготовьтесь: следующее выступление ваше, — торопливо, скороговоркой оттараторила женщина и сразу ушла.

— Да, да, конечно, — ответил её спине Арт и с ужасом обнаружил, что у него нет гитары. Рядом, за кулисами, стояли музыканты. К ним и обратился Арт за помощью. Оказалось, что не так это просто — взять у музыканта напрокат инструмент. Один музыкант предложил гитару, но у неё вместо струн по всему грифу располагались баянные кнопки. Другой музыкант подал Арту гитару вообще без струн:

— А ты представь, что струны есть и они зазвучат, — расхохотался он в лицо растерянному Арту. Сзади кто-то легонько похлопал Арта по плечу. Это был неприметный мужчина в сером костюме. Он держал в руке обычную шестиструнную гитару.

— Это вам, — сказал он и протянул Арту инструмент.

— Я вам её сейчас же верну, вот только песню пропою, — стал уверять его обрадованный Арт.

— Гитара настроена. Идите: вас объявили, — и мужчина быстрым шагом, почти бегом, удалился.

Арт вышел на сцену. Волнения — того, чего он так боялся, — не было. А был его голос, звук его гитары и притихший, огромный, как весь мир, зрительный зал. И была песня о снеге, который таял в руках прекрасной женщины и каплями прозрачной воды стекал под её ноги. А снег — это был её любимый. Он был на небесах и встретиться с ней мог только вот так — выпав снегом... Эти стихи не могли не стать песней! И вот прозвучала музыкальная фраза, нечаянно получившаяся у Арта.

Звучание аккорда ещё не закончилось, как, наверное, в благодарность Арту с неба спустились серо-голубые птицы, много птиц. Они образовали вокруг Арта живое кольцо. И тут произошло чудесное и захватывающее дух явление: это кольцо засветилось вдруг ярче солнца, оно ослепило всех, сделало людей неживыми, прозрачными, как ангелы. И раздался чудовищной силы звук, словно взорвалось солнце — ослепив и оглушив всё вокруг...

...Арт проснулся. Солнце светило ему прямо в глаза. Сверху что-то грохнуло — закачалась люстра.

— Ненормальные соседи! — разозлился Арт.— Затеяли переезд с утра пораньше. А какая всё же ерунда приснилась перед поездкой!

Арт знал, что надо делать, чтобы быстрее забыть сон: надо сразу же чем-то серьёзным заняться.

*(Управление по национальной безопасности республики.
6 июня. Пятница. Утро.*

Начальник управления:

— Мы имеем новое сообщение от нашего агента. Покушение будет произведено во время фестивального концерта в открытом зрительном зале в городе Л. вечером 7 июня. Это будет взрыв. Как сообщает агент: и само взрывное устройство, и способ приведения его в действие ещё нигде и никогда не применялись. В нашем распоряжении не более полутора суток. Проверить всё и всех: организаторов фестиваля, службу, зрителей, выступающих...)

Арт благополучно доехал до аэропорта. Свой старенький автомобиль оставил на стоянке и пошёл в билетные кассы.

— Билетов на Л. на сегодня нет.

Арт, не успев расстроиться, неожиданно для себя продолжил за кассиршу:

— ...Есть только на послезавтра.

— Откуда вы знаете? — удивилась кассирша.

Арт наконец пришёл в себя: надо лететь, а где взять билет?

— Мы вам поможем, — сзади, слегка придерживая Арта за локоть, стоял среднего роста мужчина.

— А мне что? Для этого надо стать генералом? — почти с вызовом спросил Арт неожиданно появившегося помощника.

Мужчина обернулся к своему товарищу (их, оказывается, было двое), такому же, как и он, неприметному на вид человеку, и приподнял плечи, мол, о чём это он?

— К сожалению, произошёл сбой в компьютере у кассира. Пройдите в другую кассу, например, в кассу номер шесть, там вам дадут билет.

И действительно, в кассе номер шесть Арту дали билет на следующий рейс до города Л. Арт хотел было отблагодарить мужчин за помощь в приобретении билета, но их уже не было. Регистрация на рейс прошла без проблем, и это почему-то обрадовало Арта. Все волнения о предстоящей поездке остались позади, Арт сидел в кресле самолёта и смотрел в окно, он видел, как воздушное судно вырулило на взлётную полосу и, разогнавшись, оторвалось от земли. И самолёт, и Арт оказались через некоторое время ближе к солнцу на десять километров. Солнце ярко светило в окно самолёта — прямо в глаза. Арт задёрнул шторку, упал в кресло и уснул. Полубессонная ночь и изрядное количество снотворного, принятого накануне, сделали своё дело: Арт уснул, и к нему снова пришли сны.

Во сне он увидел свою бабушку — высокую сухощавую старую женщину. Когда-то давно, Арт был ещё подростком, он приезжал к бабушке: она одиноко жила в селе. У бабушки было небольшое

хозяйство — огород рядом с речкой и живность — куры и корова, которую бабушка называла «моя кормилица». Во сне и увидел Арт бабушку с коровой. Заприметив Арта, бабушка стала ему что-то говорить, спокойно и тихо: так говорят о важном. Но Арт не смог ничего разобрать из её слов...

Самолёт пошёл на посадку. Арт проснулся и стал вспоминать бабушку, образованную интеллигентную женщину, волею судьбы оказавшуюся в деревне. У неё были странные увлечения: например, она занималась нумерологией. И Арт вспомнил, как она однажды по дате и времени его рождения определяла его характер, наклонности, и самое главное — он до сих пор помнил — она сказала:

— Люди, рождённые в этот год, день и час, видят вещие сны.

Тогда он не придал словам бабушки особого значения, а сейчас задумался:

— А сбывались ли мои сны?

*(Управление по национальной безопасности.
6 июня. Пятница. Вечер.*

Утром в управление поступили весьма важные данные о готовящемся покушении на президента. Готовящийся акт каким-то образом должен быть связан с одним из участников итогового концерта. Агент замолчал (как впоследствии оказалось, он был убит) — это всё, что он смог сообщить.

Среди участников концерта большинство были довольно известные музыканты: либо на национальном, либо на региональном уровне. Неизвестным оказался некто Арт: одинокий пятидесятилетний мужчина из города С. Его родители умерли, с женой он давно развёлся. Единственная дочь живёт вместе с его бывшей женой за границей. И та, и другая почти не контактируют с Артом. Есть дальние родственники, они живут в других регионах страны. Пробивается случайными заработками. Замкнут. Со странностями.

Начальник управления воспринял информацию об Арте весьма внимательно. Что-то его насторожило. Было передано распоряжение в город С., чтобы под любым предлогом помешать Арту приехать в Л., но распоряжение пришло поздно — Арт сел в самолёт.)

В гостинице Арт спал опять плохо. Вдруг стало всё мешаться в голове: предстоящее выступление, нахлынувшие воспоминания детства (бабушка), два нелепых сна, привидевшиеся Арту за сутки... И снова мысли о том, а хватит ли смелости выйти на сцену. И сомнения: для чего он едет — для славы, известности? Но ведь песня не только его, но и друга. Значит, нужно спеть и ради друга. Друг покинул земные пределы почти два года назад: он умер от разрыва сердца позап-

шлой осенью. Дождливый октябрьским вечером он шёл по улице и упал на землю, на мокрую палую листву. «Скорая» ехала долго: вечерние «пробки». Из рта хлынула тёмно-красная кровь, да так и осталась на щеке и шее: дождь не смог её смыть. Осталась женщина, с которой друг жил, его возлюбленная. Теперь он на небесах и может встречаться с ней, только выпав дождём или снегом...

От многократного повторения песни возникло нехорошее предчувствие, что он её совсем забудет и не сможет спеть.

(Управление национальной безопасности.

6 июня. Пятница. Ночь.

Начальнику Управления доложили: ни в самолёте, ни в гостинице у Арта не было никаких контактов. На связь (телефон, интернет) ни с кем не выходил. В городе С. нет никаких данных о его связях, кроме выявленных на бытовом уровне.

Начальник управления после доклада подумал:

— Ну и слава богу!

А своим сотрудникам сказал:

— Продолжайте за ним следить. В общем порядке.)

С утра Арт гулял по городу. Двадцать пять лет тому назад он приезжал в город Л., но за эти годы город сильно изменился. Смена власти (в стране произошло что-то вроде революции), смена экономического уклада — это называли ещё реформами — изменили город и, как показалось Арту, не в лучшую сторону. Но центр города, за исключением вывесок рекламы и обилия магазинов с иностранными названиями, мало изменился. Арт не спеша ходил по центральным улицам города, смотрел на огромные тёмные стекла магазинов и салонов. И видел своё отражение в них, как в больших зеркалах. На другой стороне улицы были такие же магазины и такие же тёмные стёкла, так что даже через улицу, а улицы в центре города были узкими, он видел своё отражение. Это немного забавляло Арта и отвлекало от предстоящего испытания — выступления перед огромной аудиторией. Но что это? По противоположной стороне улицы шёл он — Арт. Это было не отражение в тёмных стёклах магазина, тем более «другой Арт» шёл в противоположную сторону. Арт остановился. Закрыв глаза, ладонями несильно сдавил с двух сторон голову. Потом посмотрел на небо.

— Со мной всё в порядке! — успокоил он себя. «Другой Арт» исчез. Арт некоторое время пытался найти взглядом своего двойника.

«Надо же — почудится такое!» — усмехнулся про себя Арт.

День был великолепный: безоблачное небо — что не часто случается в городе Л. — и яркое, но не назойливое солнце; короткими

порывами, как бы дозируя порции свежести, дул несильный ветер. На набережной небольшой реки — река протекала через город Л. — неспешно ходили люди. Опершись локтями на парапет, Арт стал смотреть, как медленно, словно лава с вулкана, внизу текла сине-зелёная вода. Рядом, в нескольких шагах от него, остановился мужчина. Он был в белой одежде и этим привлёк к себе внимание Арта. Посмотрев на него, Арт задумался: где-то я его уже видел. Но где? Человек был одет как и многие отдыхающие на набережной: светлый костюм, светлая обувь, на голове капитанская фуражка, купленная в магазине головных уборов. Так что же необычного в этом человеке? Полный, на вид лет шестьдесят. А?! Большое красное лицо, редкая светло-рыжая щетина. «Морской волк»! Человек смотрел на воду, но смотрел не мечтателем, не созерцателем, он смотрел на воду, а мысли его, и это заметно, были заняты совсем другим. И, как видно по его маленьким, поросычьим глазкам (Ару сразу не понравился этот мужчина), думал он о чём-то приземлённом, даже о нехорошем. Арт опять посмотрел на воду: неудобно так в упор рассматривать человека, а когда боковым зрением, слегка повернув голову, снова захотел увидеть «Морского волка», того уже не было.

Концерт начнётся в шесть часов вечера. Арт сел за столик открытого кафе: оно находилось рядом с концертным залом, где и предстояло выступить Арту. Собственно, залом его нельзя было назвать: это большая современная открытая концертная площадка. И отсюда, с набережной, были видны и сцена, и зрительские кресла. Столик, за которым сидел Арт, располагался в тени большого дерева. Через листву кое-где просвечивало солнце, и яркие, жёлтые пятна то бродили по брусчатке и столикам кафе, то вдруг исчезали. Арт поднял голову и посмотрел на крону дерева. На его ветках, высоко от земли, неподвижно сидели птицы, похожие на голубей, серые с зеленоватым отливом. Арт неспешно перевёл взгляд вниз — на брусчатку. И что-то показалось ему странным, даже не странным, а неправильным.

Свою старую машину Арт оставлял во дворе дома (гаража у него не было) на небольшой парковочной площадке. Случалось, все места были заняты, и тогда приходилось ставить машину у мусорных баков. Рядом росли деревья. И птицы, сидя на ветках, гадили на автомобиль. Летом помёт засыхал и трудно отчищался. Арт ещё раз посмотрел на крону дерева: птиц там находилось немало. Но почему же внизу нет их помёта?

«Наверное, только что уселись», — подумал Арт, глядя на птиц.

Птицы сидели неподвижно и своей неподвижностью чем-то напоминали ёлочные игрушки...

...Мысли о странных птицах сами собой куда-то исчезли, и Арт снова стал волноваться о предстоящем выступлении: справится ли он с собой, не упадёт ли в обморок: сколько уж лет не выступал на публике. Если выпить таблетку успокоительного, могут притупиться эмоции. Значит, алкоголь! Давным-давно, ещё студентом, лет тридцать назад, Арт выступал перед очень большой аудиторией и тоже перед выступлением очень волновался. Он тогда взял и выпил полбутылки водки. И замечательно всё вышло! Так ему казалось...

Организаторы концерта распределили всех участников по артистическим уборным и предупредили: о выступлении вас заранее известят. Зрители собрались, пустых мест не осталось. Арт как посмотрел на эту массу людей, так ему сразу же захотелось убежать отсюда куда подальше. От волнения отнялись ноги, голова пошла кругом. Вдруг вихрем налетели самые разные замысловатые зрительные фантазии: полёт в самолёте в ад, бабушка, погоняющая палкой «Морского волка», предстоящее выступление, птицы, взорвавшееся солнце...

Выступления начались. Арт слышал, как аплодировал зал выступавшим, честолюбие и гордость всё же смогли пересилить робость — надо выступить и покорить зрителей! И когда ведущая концерта сказала Арту, что скоро его выступление и надо пройти за кулисы, он морально был готов. Арт подошёл к столу, на котором лежала его гитара и с ужасом обнаружил, что гитара исчезла. Нужно было срочно у кого-то попросить инструмент. В этой же уборной были и другие выступающие, но ни у кого гитар не было. Арт метнулся в соседнюю уборную. По дороге его перехватил какой-то мужчина и учтиво спросил:

— Что случилось?

— У меня пропала гитара, а мне сейчас на сцену! — чуть не плакал Арт.

— Не волнуйтесь: сейчас мы вам поможем. Алик, принеси гитару!

Немедленно подбежал молодой человек и протянул Арту инструмент:

— Такая подойдёт?

— Конечно, подойдёт! У меня такая же была — чешская «Кремона», только эта с матовым кузовом, но это даже лучше: у неё более глубокое звучание.

— Ну, вот и пользуйтесь!

— Я вам её сразу же отдам, — принялся извиняться Арт.

— Ничего! Ничего! Вы, главное, сыграйте на ней, как положено, — и с этими словами оба мужчины почти бегом стали удаляться в глубь коридора.

Арт услышал, как ведущая объявила его номер. Не чуя под собой ног, глядя в зал, но не видя его (Арт когда-то давно выступал перед большими аудиториями, и этот метод, им придуманный, срабатывал), Арт подошёл к микрофону и сразу запел песню. Он знал, что медлить нельзя: нужно либо что-то сразу сказать в зал, либо сразу начать выступление, иначе зал может как-то отреагировать на его появление на сцене в паузе молчания, и он примет на свой счёт, близко к сердцу какую-нибудь реплику или смех из зала, и волнение захлестнёт и погубит его.

Арт запел и сразу же почувствовал в себе уверенность. Акустическая аппаратура сто-, тысячекратно усиливала звук его голоса и гитары. Песня звучала и на улице: по периметру концертной площадки установили мощные динамики. Арт закрыл глаза, чтобы ни на что не отвлекаться и с чувством передать и слова, и музыкальную гармонию песни. Руки удивительно послушно брали сложные аккорды. Арт пел песню, и у него возникло чувство совмещения этого реального исполнения и исполнения песни во вчерашнем сне. И он уже не понимал, где он — во сне или в реальности. Это случилось с ним не в первый раз.

Арт иногда особым усилием мысли вводил себя в состояние транса, отстранённости от реальности: это помогало ему в творчестве, лечило стрессы и переживания. При этом в его сознании мягко, не беспокоя психику, вращались события прошлого, недавно пережитого, виденные когда-то сны и предчувствия чего-то необычного.

В конце второго четверостишья должны были прозвучать друг за другом два красивых аккорда. Первый аккорд Арт проиграл. Аппликатура пальцев очень сложна для исполнения, но это и замечательно: Арт вытягивал звучание аккорда, медленно и внятно проводя пальцем по струнам. Но только Арт построил на грифе второй аккорд, как в его сознании возникли птицы из вчерашнего ночного сна — он увидел их, увидел, как они образовали хоровод над его головой и увидел невыносимое для глаз сияние. Правая рука замерла над струнами, — Арт всё ещё стоял с закрытыми глазами — сияние мгновенно сменилось адской темнотой, и сквозь темноту стали проступать птицы, сидящие неподвижно на дереве около концертной площадки. Это ведь не настоящие птицы! Птицы взорвали солнце! Но как птицы могут взорвать солнце?! Оба самолёта летели в ад!

Арт открыл глаза и, сделав небольшую паузу, из разных миров возвращаясь в реальный мир, прокричал в микрофон:

— Птицы не настоящие! Надо поймать и убить птиц!

Зрители стали молча переглядываться, некоторые негромко задавали друг другу вопросы: «Что происходит? Это часть выступле-

ния?» Десяток рослых и широкоплечих мужчин быстро окружили президента страны и его, почти невидимого за их широкими спинами, повели к выходу.

К Арту на сцену бежали несколько мужчин. В зале началась толкотня: люди заспешили к выходу.

Арт, бросив гитару, прямо со сцены выбежал на улицу, продолжая кричать что-то про птиц и солнце. Увидев, что птицы как сидели днём на дереве, так и сейчас сидят, и ещё довольно хорошо видны в вечерних сумерках, он схватил со столика кафе пустую стеклянную бутылку и бросил в птиц. В птиц бутылка не попала — задела несколько веток, но это не спугнуло птиц — они продолжали смирно и неподвижно сидеть на верхних ветках высокого дерева. Арта вот-вот должны были уже схватить за руки подбежавшие мужчины, но он всё же сумел бросить ещё одну бутылку. Подбитая птица камнем полетела вниз и с громким металлическим звуком ударилась о брусчатку.

— Я же говорил, они не настоящие! — показывая на птицу, кричал Арт.

Появилось много людей в форме. Человек с мегафоном призывал людей разойтись: здесь опасно. Арта взяли под руки два коренастых мужчины в штатском, предложили с ними пройти и, не выслушав от Арта ни согласия, ни возражения, буквально понесли его к большой чёрной машине...

Через два года после описанных событий.

Арт теперь жил в городе Р. Он отпустил бороду и стал носить очки. Работал Арт в солидном учреждении — настолько солидном, что оно даже не имело вывески, — специалистом по делопроизводству, и звали его вот уже два года Александром. Так было надо для его же безопасности. Всё, о чём рассказал Арт спецслужбам, вызвало только удивление. Психологи назвали этот случай уникальным, и некоторые из них принялись исследовать феномен «вещих снов», имея на руках потрясающий опыт. Долго ломали головы инженеры над устройством «птиц»: взрывчатое вещество, находящееся в их механизме, должно было сработать в определённый момент, но что являлось приводом — выяснить не удалось. Агент, внедрённый в группировку террористов, был убит шестого июня, как раз накануне событий в городе Л., и ничего уже не мог рассказать. После неудачной попытки покушения на президента террористы надолго залегли на дно...

...В середине рабочего дня директор учреждения, где работал или просто числился Арт-Александр, вызвал его к себе в кабинет. В кабинете, помимо директора, находился ещё один мужчина, кото-

рый представился сотрудником «Управления по национальной безопасности». Он и сообщил Арту, что его жизни с недавнего времени больше ничего не угрожает — он может вернуться к себе домой и спокойно жить, как прежде. Организация, которая планировала и осуществляла террористические акты, полностью ликвидирована. Члены организации, захваченные в ходе спецоперации живыми, показали на допросах, как планировалась акция седьмого июня в городе Л.

Суть её состояла в следующем: осуществить террористический акт — привести в действие взрывное устройство — должен был человек, который об этом не знал и не догадывался. И само взрывное устройство было необычным — это три десятка «птиц», начинённых взрывчаткой, оно срабатывало в тот момент, когда «птицы» слетались в одну кучу. В «механизме» каждой «птицы» был установлен акустический датчик. Он срабатывал при воздействии на него звука сложной конфигурации. Датчик запускал лётный механизм «птиц», и они устремлялись к источнику звука. Звуком сложной конфигурации было звучание двух аккордов при исполнении песни Артом. Гитара исполнителя могла расстроиться или быть настроенной не по камертону. Поэтому гитару у Арта выкрали и дали ему настроенную «как положено».

Прежде чем террористы «поставили» на Арта, они его долго «исследовали» и в конце концов пришли к выводу: он то, что надо — стеснителен, замкнут, странен до неприличия и при этом крайне честолюбив, и, втайне даже от себя, хочет славы. Значит, он обязательно приедет и будет выступать в концерте, но при этом ничего не заподозрит. На крайний случай, если Арт по каким-то причинам не выйдет на сцену, террористы подготовили двойника-смертника. В его задачу входило выйти к микрофону и проиграть два «мудрёных» аккорда. Так что Арту на улице города Л. «другой Арт» не почувдился: он был на самом деле.

Всё было рассчитано верно, одно не учли террористы: Арт обладал способностью видеть вещи сны.

Сны Иоанна Крестителя

1

Шли последние дни марта. Вот и ещё один ушёл, догорев на западе сине-розовым закатом. На улице стемнело. Над нашим селом на чистом небосводе одна за другой стали зажигаться звёзды. Подморозило, и с крыш перестало капать — до завтра, до тёплого и яркого солнышка.

Мой дед вышел в сени и закрыл входную дверь на засов. Большая наша семья собралась было поужинать, как кто-то настойчиво и громко постучал в дверь.

— Кого это черти принесли? — дед боязливо-вопрошающе оглядел домочадцев, открыл дверь из избы в сени и, делая голос твёрдым и сердитым, крикнул в темноту:

— Кто там?!

— Бать! Да это я, Лёшка! Открывай быстрее!

— Лёшка! — не оборачиваясь воскликнул дед. — Как он здесь оказался?!

Лёшка — это дядя Алексей, младший брат моего отца. После армии женился на девушке из райцентра и вот уже лет пять жил и работал, как тогда говорили, в районе. Работу себе подбирал непильную — правда, и не денежную — теперь работал на почте. Кем он был по должности в почтовом отделении, я не помню, а оказался он у нас в такое позднее время вот по какой причине. Дядя Алексей вёз с железнодорожной станции почту в райцентр. В те годы не везде были зимой дороги для машин — приходилось ездить на лошадях. Дядя выехал из райцентра на станцию чуть свет, забрал почту и, сделав небольшой объезд, засветло намеревался заехать к своим родителям. Ночью ехать в райцентр — а это ещё два десятка километров — было опасно: «накисли» овраги, лёд на речках и ручьях к этому времени уже подтаял и был непрочен. Но засветло приехать дядя не успел: не обошлось, по его словам, без приключения. Не доезжая до нашего села трёх километров, на переезде через небольшую речку лошадь вместе с возком провалилась под лёд. Хорошо ещё, что переезд был на мелководье — воды не выше колен. Пришлось немного задержаться: лошадь, как сказал дядя, стала прихрамывать.

И всё вроде обошлось, но одна неприятность вышла: мешок с письмами в воду попал. Дядя, как вошёл в избу, так с досадой этот мешок на пол бросил:

— Всё! Башку мне за это дело оторвут!

Мешок развязали и немного успокоились: мешковина плотная была, и у писем оказались слегка размытыми адреса, но буквы хорошо просматривались. Сейчас же в обеих комнатах растопили голландки и разложили письма сушиться. Очень скоро письма подсохли, и дядя Лёша, взяв ручку, стал подправлять адреса. Ему принялись помогать мои родители. Все вместе дело быстро довели до конца.

— Главное — адрес есть! — успокаивал и себя, и остальных дядя.

Только вот одно письмо не поддалось реставрации: адреса и отправителя, и получателя были напрочь размыты. В графе «КУДА» с трудом читалось слово «Марии». И всё.

Открыли письмо с надеждой, что, может быть, в тексте адрес найдётся, но и само письмо было не разобрать.

После всех этих перипетий с мокрыми письмами сели ужинать. Бабушка из какого-то тайника достала бутылку «Московской», мужчины выпили, разговорились.

— Ну и ладно, не придёт письмо — ещё напишут, — сказал повелевший дядя, чтобы закрыть тему с испорченным письмом.

И действительно, в те годы люди часто писали друг другу письма. И даже песен было тогда много про письма и про почтальонов: «...повсюду люди писем ждут и письма пишут...»

— А что с письмом-то этим будешь делать? — спросила бабушка.

— Да пусть у вас полежит, — ответил румяный и разомлевший от выпивки и тепла дядя Лёша.

— А как же ты за него отчитываться будешь? — мой дед был дошным в бумажных делах, и его беспокоило такое легкомысленное отношение сына к важным бумагам. А письмо, что ни говори, бумага важная.

— Да у нас входящие письма никогда не считают. Подпишут бумагу — и всё, — успокоил своего отца дядя Лёша.

Утром дядя Лёша уехал и уехал в непогоду. Погода к утру испортилась: ветер нагнал серые тучи, пошёл мокрый снег.

— Ну вот, лошадь вроде хромать перестала, — сказал, глядя вослед удаляющемуся возку, дед.

2

А письмо осталось у нас, в нашем доме. Бабушка положила его за икону на божницу. На иконе была изображена отрезанная голова

Иоанна Крестителя. Голова лежала на блюде. Глаза у Иоанна были закрыты так, как будто он спал.

Я в то время оканчивал третий класс. Много книг тогда читал. И совсем недавно, зимой, прочитал две книги: «Дети капитана Гранта» и «Два капитана». Понимая, что значит вовремя не получить письмо, и какие из этого могут быть трагедии, я решил всё же попытаться восстановить текст письма, чтобы оно наконец нашло адресата.

Я подставил табуретку и протянул руку за письмом. Лицо моё почти уткнулось в икону, и на какое-то мгновение мне почудилось, что Иоанн Креститель открыл глаза, и я словно выпал из бытия — провалился в эти бездонные глаза. Взяв письмо, я ни жив ни мёртв спустился с табуретки. И вроде что-то внутри меня после этого изменилось. Нет, я не стал другим, но именно с тех пор — а может, это просто совпадение — меня стали мучить разные вопросы, и эти вопросы были настолько чудны, что о них я никому никогда не говорил — боялся, что меня примут за сумасшедшего. Это была моя тайна. Эти вопросы и тогда, в детстве, да и сейчас, я не могу чётко и ясно сформулировать.

«Почему я — это Я? Почему Я не могу быть другим, и есть ли этот (или эти) другой (или другие)? Воспринимают ли окружающий меня мир другие так же, как и Я? Полное исчезновения моего Я — это равносильно исчезновению мира, Вселенной?..»

Я стал разбирать размытый текст. Едва заметные буквы я аккуратно обводил простым карандашом. Если в слове некоторые буквы не проглядывались, я по своему усмотрению дописывал слово. В конце письма мне удалось разобрать имя Сергей.

Прошло очень много лет, и я по памяти сейчас попытаюсь воспроизвести то, что у меня в итоге получилось.

Мужчина, наверное, это и был Сергей, писал, что он хорошо устроился и большие деньги зарабатывает. Просил забыть всё нехорошее и приглашал (Марию?) к себе. Уверял: работа и для тебя найдётся. И ещё было написано, что если он не получит ответ на своё письмо, это будет для него знаком полного разрыва отношений.

И была очень важная примета письма: рисунок Братской ГЭС на конверте. В то время шло её строительство.

Расшифровкой письма я делился и с родителями, и с бабушкой, и с дедушкой. С некоторым интересом отнеслась к моим трудам мама:

— Вроде похоже, — говорила она, внимательно рассматривая подправленный мною размытый текст письма, но я чувствовал, что мама не очень-то доверяет моей версии.

Как-то ночью мне приснился дядя Лёша. Среди ночи дядя вдруг встал с кровати и подошёл к божнице. В лунном свете я увидел, как

дядя поднял за тёмные курчавые волосы голову Иоанна, отложил её в сторону и взял блюдо. На блюдо дядя положил испорченное водой письмо и подал его молодой красивой женщине: она словно через стену вошла к нам в избу. Взяла женщина письмо или нет, я так и не увидел. Сон на этом месте прервался.

На божницу, за икону, письмо я больше не клал, а оставлял на этажерке, среди других бумаг.

Заканчивался учебный год, впереди лето, каникулы. Мой интерес к письму постепенно прошёл. Письмо куда-то исчезло, и его никто не стал искать. Про случай с дядей Лёшей вспоминали, но всё реже и реже, а через несколько лет вроде совсем забыли.

3

Шло время, то медленно шло — почти топталось на месте, — то вдруг срывалось с места и даже не бежало, а летело, как ветер, незримый и неосязаемый, но несильный и роковой. Время уничтожало вещи, стирало память, уносило в вечность людей.

Сначала мы с родителями уехали из села, затем и дядя с семьёй переехал жить в областной центр. Дожив до преклонного возраста, умерли бабушка и дедушка — родители моего отца.

Постарели и мои родители. Тяжело болела мама. Папа пока держался, но вот и он внезапно занемог, и ему потребовалась срочная госпитализация в районную больницу. Однако папа наотрез отказался ехать на лечение, объясняя отказ тем, что он не может бросить свой сельский дом без присмотра: больную маму нужно было забирать в город, где я жил.

Выход всё же нашёлся: решили на месяц-полтора подыскать маме сиделку.

Приехала к нам Мария Сергеевна — так звали сиделку — как в гости: с большими сумками, с кучей рукоделья, с коробками разных лекарств и витаминов.

— Это мне для профилактики, — сказала она, перекладывая коробки в ящик письменного стола.

Мария Сергеевна была моложе мамы лет на пятнадцать и выглядела очень хорошо: высокая подтянутая женщина, ухоженная, энергичная.

Поначалу я часто приезжал к маме, отчасти чтобы и поддержать её, а отчасти — чтобы помочь Марии Сергеевне свыкнуться с обстановкой. Я забыл сказать: Мария Сергеевна не была, как говорят, профессиональной сиделкой.

Вечером мама рано укладывалась спать. И мы с Марией Сергеевной часто за вечерним чаем вели беседы. Она мне про свою жизнь

рассказывала, а я ей — про свою. Так заведено у попутчиков в дороге, когда, к примеру, соседи по купе поезда рассказывают про свою жизнь ну буквально всё или почти всё. Знают люди: скоро они расстанутся и больше никогда уже не увидятся.

Для меня было загадкой: для чего этой уже немолодой женщине нужно было наниматься сиделкой (уход за больной, старой женщиной — дело очень тяжёлое).

«Не за деньгами она сюда приехала», — почему-то думалось мне.

Загадка вскоре разрешилась: Мария Сергеевна проговорилась, что «уехала к бабушке» — так она выразилась — из-за конфликта с сыном и невесткой. Она жила с ними в одной квартире, и, по её словам, «житья не стало». Жила она вместе с младшим сыном, но в том же городке жил и её старший сын с семьёй.

— Почему же вы со старшим не живёте? — нескромно поинтересовался я.

— Жилплощадь не позволяет, — как-то уклончиво ответила Мария Сергеевна.

А после из разговоров выяснилось, что сыновья у неё от разных мужей. И понял я, что любит она больше сына старшего: это чувствовалось по её рассказам.

Как-то вечером мы долго говорили с Марией Сергеевной о делах житейских, и так получилось, что она, увлечшись своим рассказом (одно событие цепляло другое), очень подробно изложила мне историю своей жизни.

Родилась и выросла она в большом селе. (И что любопытно: её село находилось совсем рядом с селом, где жили поначалу мои родители.) После окончания школы уехала в город, поступила в финансовый техникум. Вернувшись после его окончания в своё село, стала работать бухгалтером. Почти сразу по приезду из города вышла замуж за односельчанина — своего сверстника, он после службы в армии в колхозе трактористом работал. Замуж вышла весной, а к концу лета забеременела.

Жили молодые у матери мужа. Жили, рассказывала, как все. Только вот муж больно уж ревнивый был — прямо до ненормальности. Скандалы чуть не каждый день закатывал. Ревновал едва ли не ко всем сельским мужикам. А особенно к председателю колхоза: Мария Сергеевна с председателем иногда в район с отчётами ездила. И вот как-то раз такой скандал ревнивец закатил, заподозрив её в связи с председателем, что Мария Сергеевна скорее от обиды несправедливо и зря сказала ему очень обидные слова.

— Такие слова мужикам говорить совсем не положено, — вспоминала Мария Сергеевна. Вот после этих слов её муж примолк, а по-

том, придя в себя, посмотрел на жену дикими глазами и процедил сквозь зубы:

— Ах, так! Значит, всё между нами кончено!

На следующее утро, затемно, ещё коров в поле не выгоняли, ушёл муж Марии Сергеевны из дома и уехал из села.

И родственники, и знакомые уверяли Марию Сергеевну, что вернётся муж: от таких красивых, как ты, говорили, не уходят.

Родила Мария Сергеевна мальчика. Серёжей назвала. Летом письмо официальное получила молодая мать: муж просил развода. И даже не поинтересовался: как ребёночек, как сама? Письмо пришло из Сибири, из Братска. Мария Сергеевна согласилась на развод и про мужа своего больше ничего не слышала. На взыскание алиментов заявление писать не стала. К тому времени она опять жила со своими родителями, а мать мужа сразу же после его отъезда из села переехала жить к дочери в город.

Через три года Мария Сергеевна вышла замуж во второй раз.

Второй муж был полной противоположностью первому: тихий, робкий, какой-то незаметный. После женитьбы переехали они с мужем жить в соседний район, в небольшой городок: там нефтепромысел рядом находился, значит, и работа была. От второго мужа родился сын Михаил.

Второго мужа Мария Сергеевна уважала, но особой любви к нему не питала, и не потому, что первого мужа забыть не могла, а просто не её это был человек. Не сразу она это поняла. Поначалу даже радовалась: скромный, не скандалист, не драчун. А вот «изюминки» в нём не было. И со временем стало её раздражать: там, где надо кулаком по столу бухнуть или «матерком» загнуть, он вздыхать станет да за рюмкой потянется. Может, ему тепла в доме не хватало, может, любви от своей жены он не чувствовал... До пенсии не доработал второй муж одного года — умер. Тихо и незаметно — как и жил. Сердце ночью остановилось. Во сне. И осталась Мария Сергеевна снова одна.

— Да, тяжёлая у вас получилась история жизни, но не худшая, — пытался я подбодрить Марию Сергеевну.

Долго в ту ночь после этого разговора я не мог уснуть. Что-то всплывало в моей памяти, что-то будоражило мысли. А что? Я не мог понять. Уснул я только под утро. Тяжело уснул и спал плохо. Виделись какие-то странные, короткие, ни о чём, сны. Я часто просыпался, слышал, как за окнами шумел ветер. Я не видел, но представлял, как ветер с трудом толкал на запад тяжёлые тёмные облака: второй месяц было пасмурно и просвета в тучах не предвиделось...

Хлопнула дверца холодильника, по коридору, судя по твёрдому шагу, прошла мамина сиделка.

— Так вот кому надо было письмо отдать! — чуть не закричал я.

И хотел было броситься к ней с рассказом о дяде Лёше, промокших письмах, о письме Сергея, но что-то заставило меня остановиться. Понемногу я успокоился и подумал: прошло много лет, Мария Сергеевна прожила, считай, жизнь. Пусть не всё хорошо в её жизни сложилось, но у неё есть дети, внуки; она живёт теперь их радостями и заботами. Зачем ворошить прошлое, зачем беречь давно затянувшиеся раны?

И я остался лежать на диване. Я не выпался, но сон больше не шёл: мешали мысли, они будоражили воображение; одна мысль цепляла другую, и вот я уже перенёсся в тот далёкий мартовский вечер, когда неожиданно в дверь постучал дядя Лёша. И давно забытое всплывало в памяти, как будто не было сорока прошедших лет, как будто я, десятилетний мальчик, лежу в своей кровати, а рядом, на стуле, лежит мешок с письмами, а одно письмо сторожит отрезанная голова Иоанна Крестителя. И я вспомнил почти всё, что происходило в тот вечер. И от того, ЧТО я вспомнил, мне стало тревожно на душе и отчего-то неловко. Откуда взялась эта неловкость, я пока понять не мог...

4

Через полтора месяца выписался из районной больницы папа. Я его привёз домой как раз перед обедом. Мама ждала нас. И когда мы с папой вошли в дом, увидели её стоящей в проёме двери в коридоре. Родители обнялись, мама тихо заплакала. Папа легонько похлопал её по плечу:

— Ничего, мы ещё с тобой поскрипим!

Мария Сергеевна со стороны смотрела на моих родителей, и было видно и грусть её, и сильно замаскированную зависть.

Зная о приезде папы, Мария Сергеевна заранее позвонила старшему сыну Сергею, чтобы он за ней приехал.

А пока все мы: и родители, и Мария Сергеевна, и я — сели пить чай. По обыкновению, завязался разговор. Неожиданно Мария Сергеевна задала папе вопрос:

— А Алексей, — и она назвала нашу фамилию, — случаем, не ваш брат?

Папа ответил утвердительно и спросил, откуда она его знает.

— Да так, давно когда-то приходилось встречаться по работе, я ещё в вашем районе жила, — ответила Мария Сергеевна, но как-то сухо, сдержанно.

Тут же встала из-за стола:

— Мне надо вещи собрать.

Но я знал, что свои вещи она ещё с вечера собрала.

Было слышно: Мария Сергеевна позвонила по телефону сыну, потом оделась и загодя вышла на крыльцо ждать его.

Я вышел расчищать снег около дома.

Заканчивался февраль. Через несколько дней наступит календарная весна. Пытаясь наверстать упущенное, — зима была пасмурной, сырой и бесснежной — февраль начал на исходе своего срока подсыпать снегу. Неторопливо и степенно, покинув серые тучи, на землю спускались крупные снежинки. Мария Сергеевна неподвижно стояла на крыльце под навесом.

Не доехав до нашего дома метров двадцати, — мешал выпавший снег — остановилась выдавшая виды вазовская «шестёрка». Из машины вышел мужчина и, сделав несколько шагов в мою сторону, спросил: такие-то здесь живут? Я ответил утвердительно. Хоть и шёл снег, но я смог разглядеть его: росту он был чуть повыше среднего, по-хорошему худощав и, судя по походке и по властным ноткам в голосе, нрав имел крутой.

Услышав голос сына, Мария Сергеевна торопливо вышла из-под навеса.

— Собирайся, некогда! — крикнул, увидев мать, Сергей и снова сел в кабину.

«Наверное, этот сын характером похож на своего отца», — подумалось мне.

Мария Сергеевна засуетилась, неуклюже схватила сумки и едва ли не бегом устремилась к машине. Сын не вышел, чтобы помочь ей с сумками, да и просто усесться.

И ещё одна догадка пришла мне в голову: тяжело было бы Марии Сергеевне жить с тем, первым мужем, тоже Сергеем. И не маленькая жилплощадь причина того, что не живёт она со старшим сыном. Причина — его характер, должно быть, похожий на характер отца. (Вон как писал он: не ответишь на письмо — полный разрыв!) И всё же любила она больше старшего сына, а младший это чувствовал и ревновал мать к сводному брату...

Мария Сергеевна суетилась около машины, всем видом показывая, что спешит, что хочет угодить Сергею. Наконец она уселась в кабину, захлопнула дверь. Через стёкла автомобиля мне было видно, что она что-то говорила сыну, но он в её сторону даже головы не повернул. Машина, медленно буксуя по только что выпавшему снегу, двинулась в сторону большака.

Назавтра я уезжал в город, где меня ждали работа, обязательства, моя семья. Родители наказали: обязательно сходи к дяде Алексею: от него давно не было известий, и это их волновало. Я, конечно, пообе-

шал, но, как это иногда бывает, сразу обещание не выполнил. Только в конце марта я собрался к дяде.

5

Дядя Лёша жил на окраине города в серой неприглядной пятиэтажке. Рядом с домом беспорядочно расположились ржавые металлические гаражи и сараи. Бывал я в гостях у своего дяди редко. Гостеприимство дяди Лёши и его жены тётки Лены меня немного «напрягало». Тётя Лена, как мне казалось, излишне суетилась при моём появлении, и за её суетой проглядывалось желание угодить скорее не мне, а дяде Лёше. Её рабское отношение к мужу было своеобразной данью за то, что дядя Лёша терпел возле себя некрасивую и нескладную женщину. На моей памяти дядя Лёша свою жену вниманием никогда не баловал и почти в открытую «ходил налево». Тем не менее прожили супруги вместе всю жизнь, родили и воспитали двух дочерей, которые жили где-то далеко и очень редко — раз в два-три года — навещали родителей.

Не могу не сказать, что несколько последних дней до моего визита к дяде я был в некотором нетерпении. И дело здесь вот в чём. Несмотря на множество забот и суеты города, моё знакомство с Марией Сергеевной, всплывшая из памяти давно забытая история с письмом не выходили у меня из головы. Исподволь стала подступать в моих рассуждениях смутная догадка. Сначала она показалась мне нереальной, даже нелепой. Но факты, говорят, вещь упрямая. «А почему бы и нет!» — стал я убеждать себя. И чтобы подтвердить или опровергнуть догадку, мне нужно было встретиться с дядей Лёшей.

Дядя Лёша был моложе моего папы на несколько лет. Известно, что город отбирает силы у человека: я не видел дядю около года и едва узнал его — дверь мне открыл похудевший, облысевший человек, отдалённо напоминавший мне дядю Лёшу. Это был мой дядя, но как он постарел! Однако какой-то форс ещё держал, шутил по делу и от крепких напитков отказываться не собирался.

После слов приветствия и дежурных «кто и как живёт» дядя отправил тётку Лену из комнаты:

— Ты иди, мы тут сами с племянником потихоньку разберёмся.

«Потихоньку» мы с дядей выпили по несколько рюмок водки. Дядя Лёша начал вздыхать, сожалеть о прожитой жизни; потом вдруг перевёл разговор совсем на другую тему, стал говорить о пустяках и при этом нехорошо хихикал.

Бутылка «Столичной» была почти допита, и вроде бы обо всём поговорили. В комнате стало тихо. Лишь за окном шумел ветер. Я набрался смелости и спросил:

— Дядь Лёш, а ты письмо-то тогда специально промочил?

Никакого разговора об истории с письмами у нас до этого не было. Но дядя Лёша сразу понял, о чём я. Он моментально сделался тоскливым, молчаливым, плечи его опустились. Я застал его врасплох. Некоторое время мы сидели молча. Временная пауза пошла на пользу дяде. Он собрался с духом, пришёл в себя и снова захихикал, но как-то натужено:

— Много будешь знать — скоро состаришься.

Я не мог, а скорее не хотел смотреть в глаза дяде, нависло тяжёлое молчание.

Тётя Лена робко открыла дверь:

— Может, надо чего?

— Я же тебе русским языком сказал: сами разберёмся! — дико закричал дядя. Тётя Лена испуганно поджала губы и быстро закрыла дверь.

Я разлил по рюмкам остатки водки. Молча выпил. Дядя на свою рюмку даже не поглядел.

Я посмотрел в окно. Серые облака по небу бежали всё быстрее и быстрее. Ветер усиливался. Он раскачивал деревья, и было слышно, как клён за окном чуть поскрипывал. В моей голове крутились «факты».

«Почему Мария Сергеевна спросила о дяде Лёше?

Мой дед в тот далёкий мартовский вечер, встречая сына, спросил его:

— А сам-то что — не замочился?

— Да я, бать, успел выскочить из возка.

Вослед уезжавшему утром дяде дед заметил:

— Ну, слава богу, лошадь вроде перестала хромать.

А может, лошадь и не хромала: дед же не видел её прошлым вечером, значит, он на слово поверил сыну.

Почему и куда вдруг исчезло письмо?»

Я продолжал молчать не потому, что своим молчанием я хотел добить дядю: я не знал, что сейчас надо сказать. И мне не хотелось совсем уж до конца огорчать дядю; задав свой неожиданный вопрос, я не подозревал, во-первых, что моя догадка окажется верной, а во-вторых, что дядя так примет это близко к сердцу.

И вдруг дядю Лёшу прорвало. Он с жаром и сильным чувством стал говорить об этой истории с письмом так, как будто бы знал, что вся эта история мне доподлинно известна:

— Пойми, племянник, она всё равно жить бы с ним не стала, не смогла бы! Он был злой, бешеный, неуправляемый человек! Ревнивый, сволочь, до одури! Он бил её! В кровь! Она уже в положении была, а он её бил! Представляешь? Беременную жену свою — ногами! А она терпела. И про его «художества» молчок: это его же мать рас-

сказывала. А что таить? Соседи-то знали. А какая красавица была! А умница! Я как первый раз её увидел, всё внутри оборвалось: почему не моя?! Разве её муж, этот тупой мужлан, думал я, может оценить её красоту, ум, одарить её ласками, дать ей счастье, как смог бы я? Да, у меня была жена, и две дочери уже тогда были. Но это была такая любовь, ради которой на всё идут: и семью бросают, и убивают, и Родину предают. Вот так, племянничек! Два года я как в тумане ходил. Не захотела она мою семью разрушать, а чтобы любовницей стать — об этом я даже и не заикался: не так она была воспитана. А потом? Что потом? Замуж вышла за какого-то мужичка неприметного и уехала из села. А я её ещё лет десять, да что там десять — я её всю жизнь ждал и жду. Ты думаешь, что я с женщинами так баловался: я всё искал на неё похожую... Не нашёл... А жизнь-то прошла. Словно сон, прошла...

И дядя Лёша замолчал. Замолчал тяжело, как будто умер. Я тоже молчал, понимал: любые мои слова будут не к месту. Хмель ушёл, испарился. Окна становились тёмными, наступала ночь.

— Ладно, пойду я, дядь Лёш.

— погоди, — дядя будто что-то вспомнил, торопливо встал из-за стола и вышел из комнаты. Его не было минут пять. Он вернулся, держа в руках старую, пожелтевшую газету. Я сразу понял, к чему тут газета. Интуиция меня не подвела: дядя развернул газету — внутри было то самое письмо.

— Возьми его с собой, — сказал дядя, — не знаю я, что с ним делать: и выбросить не могу, и лежит оно здесь как укор мне.

— А мне что с ним делать! — я был застигнут врасплох таким «подарком».

— Да что хочешь! Порви и выброси! Тебе-то всё равно, а мне легче будет.

Не стал я объяснять дяде Лёше, что и мне будет не всё равно. И долго объяснять надо, да и не знаю: понял бы он меня? А может, я и сам толком рассказать ему об этом не смог бы.

— А ты помнишь, дядь Лёш, как это письмо за иконой лежало?

— Как не помнить! Как не помнить! Твоя прабабка, покойная Варвара, перед этой иконой всегда молилась. И мой грех, надеюсь, замолила. И какой грех!.. Ну, что уж теперь говорить...

Я взял из рук дяди письмо и попросился. Я стал спускаться по лестнице, а он всё стоял в тёмном дверном проёме — старый, одинокий и беспомощный человек...

На улице темнело, но край неба на юго-востоке освобождался от туч и мешал темноте быстро завладеть городом. На свободном от туч тёмно-синем небосводе стали появляться звёзды.

«Наконец-то завтра будет ясная погода», — подумал я.

Около гаражей стояли подростки. Они пили пиво, курили.

— Зажигалка есть?

Мне дали зажигалку. Узкий язычок пламени коснулся письма. Старая сухая бумага ярко вспыхнула. Но я тут же погасил пламя. Почему я так сделал? В тот момент я ещё не знал. Я стряхнул с письма красные искорки — остатки пламени, положил письмо в карман куртки и пошёл к остановке.

6

Письмо я положил в ящик своего письменного стола. Я уже решил, что нужно сделать с письмом, вернее как избавиться от него. По моей задумке это надо было бы сделать сразу же после моего посещения дяди, то есть немедленно, в конце марта. (Как раз в то же время, когда мой дядя, отыскав в почтовом мешке ненавистное ему письмо, хотел его уничтожить, да духу не хватило). Но по некоторым очень веским причинам сразу у меня не получалось. Пришлось отложить задуманное на два с лишним месяца. А пока письмо лежало на дне ящика письменного стола, я время от времени испытывал беспокойство: если и не постоянно, то довольно часто я начинал рассуждать о вине дяди Лёши. И главный вопрос: а была ли его вина в этой истории? Именно в истории, а не в порче письма. Получалось, что история с письмом — это история двух жизней. И не только двух! Могли ли я судить дядю Лёшу? И вообще, есть ли виноватые в этой истории с письмом? И что такое «вина»? Можно ли кого-то судить?

В пору моего детства я не знал, кто такой Иоанн Креститель, но теперь знаю: Иоанн Креститель «предтеча» Иисуса Христа, крестил людей в водах реки Иордан — смывал водой грехи людей. А ведь дядя Лёша тоже омыл водой письмо. И, выходит, смыл с него текст, который и был грехом. (Грехом ли? Кто может судить?) Сам того не зная, интуитивно. Но с письма-то грех смыл, а сам, как он сказал своему отцу, даже не замочился. Не окропил себя влагой. Не смыл и этот свой грех, и другие грехи. А значит, взял грех на себя?..

...Наш дом так и стоит в селе. Проживает в нём моя тётя со своим мужем. Далеко не молодые люди. Иногда я бываю у них. Икону на божнице тётя укрывала тюлевой занавеской. Случилось, я остался один в комнате и, вспомнив историю с письмом, сунул руку за икону. Там стояли три бутылки водки. Это, значит, такое тайное место нашла тётя от поползновений своего мужа-алкоголика. Сельские мужики в большинстве своём не имеют глубоких религиозных чувств, но к атрибутам веры относятся очень уважительно. Поэтому и думать не смеет тётин муж, что за святой иконой может стоять напиток, кото-

рый хоть и «просветляет» на какое-то время мозги, но греха от него всё же больше, как ни крути. Я обратил внимание, как почернела голова Иоанна. Должно быть, это от снов. Сколько лет он уже спит. И видит сны: сюжеты их — судьбы человеческие. Радости, счастье, горе, а в конце один итог — одиночество и смерть. Не грусти, наш святой человек, вот тебе тётя и напиток радостного поставила... Я провёл ладонью по иконе, и... слабый холодок пробежал по руке...

...А сейчас я задаю себе вопрос: почему тогда моя бабушка положила письмо за икону с изображением Иоанна Крестителя? В другой комнате, где и сушили письма, на божнице была другая икона — с изображением Богоматери. Что это? Случайность? В этой истории кругом одни случайности.

7

...Того переезда через речку, где сорок лет назад провалился под лёд мой дядя, теперь не было. На его месте положили большую бетонную трубу и засыпали её сверху землёй, глиной и щебёнкой. Было заметно, что и речка обмелела, заилилась. Не было на берегу, как прежде, россыпи чистых белых камней.

Почти неслышным небольшим водопадом вытекала вода из серой бетонной трубы. Туда я и бросил письмо. Оно попало в водоворот и несколько раз то всплывало на поверхность, то снова устремлялось ко дну. Наконец, вырвавшись из водоворота, размокшее и расклеившееся, оно медленно поплыло по течению вниз по реке. Я смотрел на письмо и ни о чём не думал. На какое-то время я даже забыл, где нахожусь и что делаю.

Голос, раздавшийся за моей спиной, застал меня врасплох. От испуга я чуть не подпрыгнул.

— Ты что тут колдуешь?!

Я оглянулся. Позади меня, на расстоянии примерно десяти шагов, стоял старик. Небольшого роста, с большой седой бородой, он походил на сказочного лесовика. Прищуренные глаза смотрели лукаво. Было непонятно, как он здесь оказался.

— Кто вы? — спросил я его.

— А ты што так испугался, аж чуть не припрыгнул? — было видно, что ситуация его посмешила. — Я дед Филипп, из Осиновки. Раньше тут, в Подгорном, жил.

Конечно, я помнил, что рядом с переездом был небольшой, дворов на десять, посёлок Подгорный. Но лет двадцать, как его уже нет. И теперь вот нет никаких признаков, что раньше здесь было человеческое жильё. Разве что человек, знавший, что тут был посёлок,

обратит внимание на заросли дикой вишни, на невероятных размеров лопухи и заросли густой крапивы. Эта растительность так буйно только на месте прежнего человеческого жилья растёт.

— На кладбище приходил, — продолжал дед Филипп, — могилы прибрать. Родные здесь мои лежат. А тут гляжу, легковушка оставилась. Человек вышел и стоит, бормочет что-то над водой. Кто он такой? Откуда явился? А может, ты беду какую кличешь? Место это особенное, тут в старину и детей крестили, и в засуху с иконами приходили у Бога дождя просить.

— Я, дед, сам с собой разговаривал. Проездом я здесь.

— Шучу я. Я тоже целыми днями сам с собой разговариваю или с курами, а больше не с кем: один живу.

— Слушай, дед, ты, говоришь в Подгорном жил, а здесь зимой через переезд на лошадях ездили?

Его ответ и удивил, и раздосадовал меня:

— Никогда. Тут речка сроду не замерзала. И течение большое, и рядом родник бил. Зимой через Осиновку ездили, по плотине, это километра три отсюда вверх по течению.

Я был сражён этим сообщением:

— Дед, а это ты точно помнишь?

— А как же! Я тут восемьдесят восемь лет живу, каждый куст, счи-тай, знаю, а ты «точно — не точно».

Я был очень раздосадован на себя. Вот, определил судьбу письма! Два месяца представлял, как пушу его по течению на переезде, где дядя под лёд с возком провалился.

Выходит, дядя тогда солгал, что на переезде под лёд провалился? Да, конечно! А что, он должен был сказать, что в большой луже специально мешок полоскал и одно, только ему приметное письмо, донельзя вымочил? Но папа-то мой должен был знать, что здесь дороги зимой не было? Значит, забыл папа или я чего напутал в своих воспоминаниях.

Досадовал я, что мой сценарий прощания с письмом был нарушен сообщением от деда. Ну да ладно! Зато теперь уж я всё, как было на самом деле, точно знал. А действительно ли так всё было?

Дед, распрощавшись со мной, удивительно лёгкой походкой шаг-гал по едва заметной тропинке, между кустов дикой вишни в сторону Осиновки.

— Дед! — громко окликнул я его. — А ниже по течению где пере-езд был?

Дед остановился:

— Да он как был, так и остался: мост есть в Старой В-ке, — отве-тил дед и пошёл дальше своей дорогой.

Я всегда путал Старую и Новую В-ку: они находились друг от друга на расстоянии десяти примерно километров. Я-то думал, что вниз по течению этой безымянной речки находилась Новая В-ка, а оказалось, что Старая. А в Старой-то В-ке когда-то и жила Мария Сергеевна! Вон тут в чём дело! Значит, дядя в первую очередь хотел засветло попасть в Старую В-ку и в правлении встретиться с Марией Сергеевной. Пока она с работы домой не ушла. Ведь ему неудобно было, женатому человеку, к ней домой прийти: жила-то она с родителями. И здесь, в правлении колхоза, должно быть, ему и сказала Мария Сергеевна, что, мол, письмо она ждёт от своего мужа— беглеца; и если позвёт он её приехать, поедет обязательно.

Так ли это было или не так, кроме двух людей, никто не знает, да уж и не узнает. Письмо размокло в воде, с дядей про испорченное им письмо я говорить больше не буду. Можно сказать, история с письмом для меня закончилась.

Провожая взглядом одинокого старика, я думал: отчего все в мире так одиноки? И те, другие, которые не Я, и дядя Лёша, и Мария Сергеевна, и я? Тогда, в детстве, заглянув на мгновение в глаза Иоанну Крестителю, я увидел одиночество и теперь, кажется, начал понимать: человек как творение природных или заприродных сил по своей сути одинок и то ли живёт, то ли видит сон, который называется судьбой. А уснув навеки, видим ли мы сны?

Содержание

<i>Юрий Поклад</i> . Предисловие	3
Три старушки	4
Головная боль	14
Субботка	28
Сенокос	33
Находка	53
Первое сентября (Сон)	58
Костик	74
Вещий сон	81
Сны Иоанна Крестителя	94

Издание подготовлено творческим объединением

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 12.08.2016. Формат издания 60x90/16.

Объём 6,75 печ.л. Гарнитура Times New Roman Cyr .

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии

ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru